

ФОЛЬКЛОР И АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА

URBAN FOLKLORE
& ANTHROPOLOGY

№ 2

Т. 7 2025

ТЕМА НОМЕРА:

ГОРОД
В НАРРАТИВАХ
И КАРТАХ

URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY

№ 2
V. 7 2025

**SPECIAL ISSUE:
CITY IN MAPS
AND NARRATIVES**

Редакция

- С. Ю. Неклюдов — главный редактор, профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, научный руководитель Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия
- Д. А. Радченко — заместитель главного редактора, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, заместитель руководителя Центра городской антропологии КБ Стрелка, Москва, Россия
- Е. Ф. Левочская — научный редактор, кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия
- В. А. Комарова — корректор, сотрудник ШАГИ ИОН РАНХиГС, Москва, Россия
- Д. А. Трынкина — редактор английских текстов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия
- Я. И. Павлиди — координатор, младший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, Москва, Россия
- О. В. Иванченко — специалист по цифровому сопровождению, младший научный сотрудник Института Африки РАН, младший научный сотрудник Российского Государственного Гуманитарного Университета, Москва, Россия
- В. Ф. Лурье — художественный редактор, ведущий специалист издательского отдела ШАГИ РАНХиГС, Москва, Россия

Редакционная коллегия

- М. Д. Алексеевский — кандидат филологических наук, руководитель Центра городской антропологии КБ Стрелка, Москва, Россия
- М. В. Ахметова — кандидат филологических наук, заместитель главного редактора журнала «ШАГИ/STEPS», старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, Москва, Россия
- К. А. Богданов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург, Россия
- И. Броди — PhD, президент Ассоциации фольклористов Канады, главный редактор журнала «Современная легенда», доцент, Университет Кейп-Бретона, Сидней, Канада
- С. Грэхэм — PhD, доцент, Школа славянских и восточноевропейских исследований (SSEES), Лондон, Великобритания
- Н. В. Петров — кандидат филологических наук, заведующий Лабораторией теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, доцент Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия
- Д. Руайе-Уилоуби — PhD, президент Международного общества по изучению современной легенды, профессор, заведующий кафедрой современных и классических языков, литературы и культуры, Университет Кентукки, Лексингтон, США
- Э. Такер — PhD, почетный профессор, Бингемтонский университет, Вестал, США
- И. В. Утехин — кандидат исторических наук, профессор Европейского университета, Санкт-Петербург, Россия
- О. Б. Христофорова — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, директор Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия
- П. Янчек — PhD, заместитель заведующего кафедрой этнологии, факультет искусств, Карлов университет в Праге, Чехия

ISSN: 2658-3895 (print)

Urban Folklore & Anthropology. V. 7. № 2. 2025

EDITORIAL STAFF

GENERAL EDITOR — PROF SERGEI NEKLYUDOV (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA)
DEPUTY GENERAL EDITOR — DR DARIA RADCHENKO (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, STRELKA KB, MOSCOW, RUSSIA)
ACADEMIC EDITOR — DR YELENA LEVOCHSKAYA (RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA)
ART EDITOR — VADIM LURIE (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA)
PROOFREADER — VERA KOMAROVA (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA)
ENGLISH TEXT EDITOR — DR DARIA TRYNKINA (INSTITUTE OF ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY (RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES), MOSCOW, RUSSIA)
DIGITAL SUPPORT SPECIALIST — OXANA IVANCHENKO (INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES (RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES), RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA)
EDITORIAL COORDINATOR — YANA PAVLIDI (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA)

EDITORIAL BOARD

DR MIKHAIL ALEKSEEVSKY (STRELKA KB, MOSCOW, RUSSIA)
DR MARIA AKHMETOVA (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA)
PROF KONSTANTIN BOGDANOV (INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, SAINT PETERSBURG, RUSSIA)
DR IAN BRODIE (CAPE BRETON UNIVERSITY, SYDNEY, CANADA)
DR SETH GRAHAM (UNIVERSITY COLLEGE OF LONDON, LONDON, UNITED KINGDOM)
DR PETR JANEČEK (CHARLES UNIVERSITY, PRAGUE, CZECH REPUBLIC)
PROF OLGA KHRISTOFOROVA (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA)
DR NIKITA PETROV (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA)
PROF JEANMARIE ROUHIER-WILLOUGHBY (UNIVERSITY OF KENTUCKY, LEXINGTON, UNITED STATES OF AMERICA)
PROF ELIZABETH TUCKER (BINGHAMTON UNIVERSITY, VESTAL, UNITED STATES OF AMERICA)
PROF ILYA UTEKHIN (EUROPEAN UNIVERSITY AT SAINT PETERSBURG, SAINT PETERSBURG, RUSSIA)

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Этот выпуск журнала оформлен фотографиями авторов статей и участников конференций.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОД В НАРРАТИВАХ И КАРТАХ

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НОНА ШАХНАЗАРЯН. Эмоциональные карты города Шуши: ландшафты травматической памяти в синхронно-диахронической перспективе..... 8

ПРИКЛАДНЫЕ КЕЙСЫ

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Подростковая мастерская градоустройства в Калининграде и книжный проект «Мифы и легенды Сельмы».....53

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВА. «Мастерская» челябинского Дома архитектора 77

ФЕДОР КОРАНДЕЙ. «Наконец-то мы видим город»: участие студентов магистратуры «Концептуальная урбанистика» в предпроектных исследованиях Центра урбанистики ТюмГУ 89

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

АННА КАШКИНА, ВАРВАРА МИХАЙЛОВСКАЯ, ТАТЬЯНА ПАРШАКИНА, ПОЛИНА ТАРАСОВА. «Пустое место» или место памяти? Инновационный центр «Сколково» в устных нарративах 96

ОБЗОРЫ

ВИКТОРИЯ НОВИКОВА. Обзор конференции «Фольклор и мифология в научно-популярном пространстве» (Москва, РГГУ, 24 апреля 2025) 124

C O N T E N T S

CITY IN MAPS AND NARRATIVES

CURRENT RESEARCH

- NONA R. SHAHNAZARIAN.** Emotional maps of Shushi: Landscapes of traumatic memory in synchronic and diachronic perspective 8

APPLIED CASES

- MIKHAIL D. ALEKSEEVSKY.** The youth urban workshop in Kaliningrad and the book project “Myths and legends of Selma” 53
- NATALIA S. PETROVA.** “Workshop” of the Chelyabinsk House of Architects 77
- FEDOR S. KORANDEI.** “Finally we see the city”: involving of students of the Conceptual Urban Studies Master’s program in pre-design research of the Center for Urban Studies of Tyumen State University 89

FIELD MATERIALS

- ANNA A. KASHKINA, VARVARA A. MIKHAYLOVSKAYA, TATIANA A. PARSHAKINA, POLINA A. TARASOVA.** “Empty space” or a place of memory? Skolkovo Innovation Center in oral narratives 96

Reviews

- VIKTORIYA B. NOVIKOVA.** Conference Review: “Folklore and Mythology in Popular Science Discourse” (Moscow, RSUH, April 24, 2025) 124

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Рис. 1. Вид города Шуши после пожара 1905 года
Fig. 1. View of the city of Shushi after the 1905 fire

Рис. 2. Шуши. 2000-е, художник Дикен (Эдмонд Петросян).
Из коллекции Тиграна Шахрамьяна, г. Москва
Fig. 2. Shushi, 2000s. Artwork by Diken (Edmond Petrosyan).
From the collection of Tigran Shahramanyan, Moscow

Об эмоциональных картах города Шуши читайте в статье Н. Р. Шахназарян (с. 8–50).

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмоциональные карты города Шуши: ландшафты травматической памяти в синхронно- диахронической перспективе

НОНА РОБЕРТОВНА ШАХНАЗАРЯН ^{[1], [2]}

✉ nonashahnazar@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1409-3626

^[1] Институт археологии и этнографии, Национальная Академия Наук Республики Армения, Ереван, Армения

^[2] Центр независимых социальных исследований, Ереван, Армения

Для цитирования статьи:

Шахназарян, Н. Р. (2025). Эмоциональные карты города Шуши: ландшафты травматической памяти в синхронно-диахронической перспективе. *Фольклор и антропология города*, VII(2), EDN: ZFPCXM. 8–50.

Фольклор города, промысленный через призму десятков интервью, включает в себя огромный пласт неписанной истории — устных рассказов, связанных с *работой (селективной) памяти*, — и понимается автором как целый комплекс мощных экспрессивных техник, движущихся *снизу*. В своем исследовании ментальных карт города Шуши глазами его жителей автор рассматривает *чувство локального места*, его этнизацию, интертекстуальность и индексированную память в процессуальности этих наслаивающихся явлений, *работы памяти* и конструирования идентичностей. Курсируя через разломы многолетних и эпохальных трансформаций смыслов и этнополитик, автор смотрит на кварталы города через разнообразные оптики: отношения власти и влияния, (гео-) политику памяти, соседство, конфликт, права человека, политику инклюзивности и эксклюзии. Исследование также сфокусировано на палимпсестической памяти об этническом противостоянии в городе Шуши/Шуша, Нагорный Карабах. Автор предлагает рассмотреть концептуальные карты города через призму личного опыта травматических событий в сравнительной перспективе в 1920–2020 годы, а также сравнить переживания множественных опытов кровавого насильственного переселения, резни, войны с помощью комбинации методов — ментальных карт, глубинных интервью и сравнительного исследования индивидуальных биографий. Текст был написан на русском языке, переведен на армянский и английский языки и опубликован в двуязычной книге «Шуши: ментальное картографирование» (ред. Тигран Амирян и Эвия Карапетян) в Ереване, в 2021 году (переиздан в 2023 году). Русскоязычный вариант публикуется впервые.

Ключевые слова: Шуши, метод ментальные карты, места (пост)памяти, вынужденная миграция, визуальная антропология, контр-история, фольклор города, вернакулярность

Благодарю Cultural and Social Narrative Laboratory и Фонд Г. Белля за предоставление доступа к собранным аудиовизуальным материалам в 2022 году, без которых сравнительное измерение эссе было бы провалено; а также моих партнеров по интервью, беженцев из Шуши, проживающих в Степанакерте в гостиницах «Каштан», «София» и «Тирун» (даты интервью: 2–4 ноября 2021 года).

Автор продолжила сбор интервью после сентября 2023 года, когда ВПЛ из Шуши, проживавшие в Степанакерте, вынуждены были покинуть Нагорный Карабах и расселиться в Республике Армения. Я провела новые раунды интервью в январе-апреле 2024 года и в марте-мае 2025 года.

Исследование сделано без адресной институциональной поддержки (самофинансирование).

URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY V. 7. N. 2. 2025

PUBLICATION TYPE: TRANSLATED PAPER

EDN: ZFPCXM

Emotional maps of Shushi: Landscapes of traumatic memory in synchronic and diachronic perspective

NONA R. SHAHNAZARIAN ^{[1], [2]}

✉ nonashahnazar@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1409-3626

[1] The Institute of Archeology and Ethnography, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia

[2] Center for Independent Social Research Armenia, Yerevan, Armenia

To cite this article:

Shahnazarian, N. R. (2025). Emotional maps of Shushi: Landscapes of traumatic memory in synchronic and diachronic perspective. *Urban Folklore & Anthropology*, VII(2), 8–50. (In Russian). EDN: ZFPCXM.

The urban folklore, explored through the prism of dozens of interviews, encompasses a vast layer of unwritten history — oral narratives shaped by *the workings of (selective) memory* — and is understood by the author as a complex of powerful expressive techniques emerging *from below*. In studying the mental maps of the city of Shushi through the eyes of its residents, the author examines *the sense of local place*, its ethnization, intertextuality, and indexed memory within the processuality of these overlapping phenomena, *the workings of memory*, and the construction of identities. Navigating through the ruptures of long-standing and epochal transformations of meanings and ethno-politics, the author observes the city's quarters through various lenses: power relations and influence, (geo-)politics of memory, neighborhood, conflict, human rights, and policies of inclusion and exclusion. The study also focuses on the palimpsestic memory of ethnic confrontation in the city of Shushi/Shusha,

Nagorno-Karabakh. The author proposes to examine the conceptual maps of the city through the prism of personal experiences of traumatic events in a comparative perspective from 1920 to 2020, as well as to compare the experiences of multiple episodes of violent displacement, massacres, and war through a combination of methods — mental mapping, in-depth interviews, and comparative analysis of individual biographies. Originally written in Russian, the text was later translated into Armenian and English and published in the bilingual volume *Shushi: Mental Mapping* (eds. Tigran Amiryan and Evia Karapetyan) in Yerevan in 2021. A second edition appeared in 2023. This marks the first publication of the original Russian-language version.

Keywords: Shushi, Mental Mapping Method, (Post) Memory of Place, Forced Migration, Counter-history, Visual Anthropology, Folklore of the City, Vernacular Culture

I extend my sincere gratitude to the Cultural and Social Narrative Laboratory and the Heinrich Boell Foundation for granting access to the collected audiovisual materials, without which the comparative scope of this essay would not have been possible. I am also deeply thankful to my interview partners — refugees from Shushi residing in the *Kashtan*, *Sofia*, and *Tirun* hotels in Stepanakert — whose testimonies were invaluable (interview dates: November 2–4, 2021). This research was entirely self-financed.

92(93) *А когда достиг [Зу-л-карнайн] до места между двумя преградами,
то нашел перед ними народ, который едва мог понимать речь.
93(94) Они сказали: «О Зу-л-карнайн,
ведь Йаджудж и Маджудж распространяют нечестие по земле;
не установить ли нам для тебя подать,
чтобы ты устроил между нами и ними плотину?»¹*

Вернакулярные идентичности: цивилизационный рубеж и «стена Зулкарнайна»

Недавно меня посетила с рабочим визитом моя коллега, директор аналитического центра «Женщины в войне» (*Women in War*), французский социолог Кэрол Манн. В подарок из Парижа, кроме прочего, она привезла мне капитально оформленный триптихом в твердой обертке набор аудиодисков *Гарабаг ханенделери (Aliyev Foundation с комплиментом из Азербайджана)*², который она получила в свою очередь от своей знакомой азербайджанки, живущей в Париже. Я приняла подарок, прослушала диски. Сокрушалась, что все так плохо кончилось. Для меня и прежде не было секретом, что Шуши (другая, татарская/азербайджанская версия произношения — Шуша; далее будет употребляться армянская версия) был многоэтничным или многоконфес-

¹ Коран, Сура 18 Пещера 93(94). См.: Крачковский, И. Ю. (Пер. и комм.). (1963). *Коран*. М.: Академия наук СССР, Институт народов Азии. Изд. Восточной литературы. С. 237.

² Перевод: *ханенде* — народные певцы Карабаха в жанре известного восточного песнопения — *Мугам*.

сиональным городом на горных вершинах и цитаделях, «колыбелью» всяких вещей для разных исторически его населявших народов и сообществ. Идентичность «цивилизационного рубежа» явно присутствует у ее старожилов и просто местных «болельщиков» достаточно выражено. Многие считают, что место, локус, окрестности именно Шуши упоминаются в священной книге мусульман — Коране. Место между двумя преградами, которого достиг Зу-л-карнайн, — это Шуши, а «народ, который едва мог понимать речь» — это обитатели окрестностей Шуши (см. эпиграф). Мифологическое мышление некоторых социальных оптимистов привело к муслированию идеи, что необходимо пригласить на переговорный процесс авторитетных мусульманских духовников с целью убедить враждующие народы жить в мире. Цитадель, крепость, фортификация — это еще один эпитет, которым его жители характеризовали свой мистический город. Армянские старожилы города и по сию пору называют его Гала (*Ghala* — крепость), а себя — *гыльце* (жители крепости)³.

Гордость за прошлое экономическое значение выявляется в то и дело всплывающих нарративах о Шуши как о важном отрезке Шелкового пути. Насчет конкретно трансэкономических торговых караванов, проходящих через Шуши, судить не возьмусь, но точно знаю из первичных и вторичных источников, что в какой-то период (в частности, до 1920 года) город достиг относительно экономического процветания, который и вызвал мощный культурно-образовательный бум⁴. По свидетельствам очевидцев, это был богатый купеческий центр, относительно густонаселенный, с иностранными миссиями и образовательной инфраструктурой, в нем проживали торговцы и ремесленники, местная и приезжая интеллигенция, знатные люди с регалиями и званиями. В городе находилось множество религиозных объектов — церкви, соборы, монастыри, мечети. Старожилы утверждают, что Кананч (Зеленая) церковь была отстроена на месте небольшого обветшалого храма, поэтому она также называлась Карабахцоц. Город был благоустроен по последним стандартам своего времени. Благотворители, ме-

³ ՂԱԼԱ (գրք. կյալ, արար. gal'a, արմ. g'alle) — գ. 1. Բերդ, ամրոց: Շուշվա դալան ըշխարքես ամմենադաշանգ տրդրն ա (Բ): 2. Շուշի բաղարի հին անունը: Սաղ ըշխարքես բողբրնէն մեր Ղալին նրիէտ փոխէլ չոմ (Ձ):- Ղալա շինիլ - տէ'ս Բընդրբար(ակ) անէլ (1) (նկատի ունի Շուշիի կտորածը 1920 թվականին): Ղալատրոնալ - տէ'ս Բընդրբար(ակ) տրեմնալ: Սարգսյան Ա. Յու., Ղարարաղի բարբաղի բառարան (Երկրորդ լրամշակված հրատարակություն), Երևան, Ա.հ., 2019 (846 էջ), էջ 449: Название «Гала» представляет собой искажение оригинального армянского топонима «ՂԱԼԱ» и не соответствует научным принципам историко-топонимического анализа. Соответственно, корректной формой является «ղըրբը».

⁴ Согласно уточненным данным, в период с 1874 по 1917 год (включительно) в Шуши издавались 22 периодических издания, из которых два — на русском языке. В последующий период, с 1918 по 1920 годы, появилось еще 6 изданий: одно — на русском, одно — на армянском и русском, остальные — на армянском языке. См.: [Арутюнян, М. А. (2010). *Из истории периодической печати Арцаха: Библиография периодической печати Арцаха (1874–2009)*. Степанакерт: «Дизак Плюс». С. 42–53].

ценаты, миссионеры, имперские посланники — каждый вносил свой вклад. К 1918 году город был оснащен рукотворными канализационными трубами из обожженной глины, которые, по воспоминаниям жителей, выводили городские нечистоты к обрывам крепости (место называется *Haram Tchur*: буквально: «запрещенная, не чистая вода», диалектное), на основаниях которой возвышалась шушинская тюрьма.

Шуши — главный торговый центр Карабаха в досоветский период:

В конце XIX в. был третьим городом Закавказья, после Тифлиса и Баку. К тому же, его жители были связаны с этими городами тысячами нитей (см. мемуары Овсепя Юзбашяна). До революции, в 1916 г., здесь проживало 41,1 тыс. населения, большинство из которых были армяне, издавались 21 газета и журналы, из которых 19 — на армянском языке, две [газеты] — на русском⁵.

Как видим, до революции 1917 года Шуши был многоэтничным городом с богатой культурной мозаикой. Основное ядро этой многоэтничности составляли армяне и татары, как тогда называли азербайджанцев. Преодолевая себя, подчеркну — армяне-христиане и татары-мусульмане, потому что вся конфликтогенная риторика строилась вокруг конфессиональных идентичностей, веры.

Метод: «раскапываем» ландшафты вернакулярной памяти

В настоящей работе я ставлю себе полную вызовов исследовательскую задачу — спустя сто лет, целый век, исследовать опыт жизни в городе, переживание спонтанного насильственного переселения шушинцами. Что они вспоминают о Шуши и какие локусы они центрируют, описывая в своих нарративах значимые места, прорисовывая ментальные/концептуальные карты города и свои индивидуальные видения города? Таким образом, используя в команде, в групповой работе методологию ментальных карт города, я попробую связать диахронические и синхронические восприятия города. Сравнить жизнь шушинцев в 1920 году и потом опыт *новых* шушинцев в 2020 году, прокладывая контуры схождения и расхождения, — прием несколько не новый. Исследователи-антропологи [Grant, Yalcin-Neckmann 2007] и историки [Дэвис 1990] могли позволить себе такой разлет, сочетая анализ «живых» современных нарративов с архивными источниками, в частности, материалами судебных протоколов.

⁵ Галоян, Г. А., Худавердян, К. С. (Ред.). (1988). *Нагорный Карабах. Историческая справка*, 53. Ереван: Издательство АН Армянской ССР.

Пример такой работы представляет исследование Сетени Шами «Предистория глобализации: черкесская идентичность в движении» [Grant, Yalcin-Heckmann 2007: 192–206], в котором она анализирует истории двух женщин-черкешенок — исторической Шемсигюль (из 1850-х) и современной Шенгюль (из 1990-х). Замысел автора помогает увидеть не только трагичную историю мухаджирства, но и структуры повседневности преמודернового Кавказа в микроисторическом разрезе. Используемые ею техники делают текст до чрезвычайности гендерно-чувствительным. Пытаясь уловить и показать взаимоотношения между движением в пространстве и идентичностью, Шами обращается к многоуровневой методологии, анализируя интересующие ее феномены через глубинные интервью с Шенгюль и письменные источники (протоколы заседания) о Шемсигюль [Grant, Yalcin-Heckmann 2007: 192].

Однако мне повезло больше — я застала свои «источники» биографии и семейной истории в этой жизни. Не в последнюю очередь, благодаря дарам пресловутого карабахского долголетия (тем не менее, одна из центральных протагонисток настоящего многослойного текста умерла не своей смертью: погибла в огнедышащих кошмарах локальной межэтнической войны в 1992 году, после того как пережила мартовские события 1920 года). Почему март 1920 года стал рубежом в сознании людей, догадаться не сложно — это последний месяц полноценного существования армянского сообщества города. Шуши — родной город моей матрилинейной прабабушки, которая получила там свое недюжинное по тем временам гимназическое образование, вышла замуж, завела крепкую семью, родила двух дочерей и все это в одночасье потеряла. В результате этих трагических событий она стала простой крестьянкой в селе Чаргар, где повторно вышла замуж и завела свою вторую семью.

Память — следующая категория анализа, которую я пытаюсь постичь: как работают механизмы стирания/забывания и фиксации/запоминания, по какому принципу активизируются и замирают регистры человеческой памяти. В рамках данного текста я хотела бы рассказать о городе, пропустив его через сложные и подчас противоречивые репрезентации биографии — личной истории, в том числе моей прабабушки-шушинки, в девичестве Сатеник Лалаян, фрагментированно рассказанной мне ею самой и собранной по крупицам у близких родственников и соседей после ее гибели в ходе первой карабахской войны 1991–1994 годов⁶. Биография Сатеник перекликается с современными биографиями шушинок Эде-

⁶ Согласно историку Мгеру Арутюняну (бывший житель Шуши), формулировка «первая карабахская война (1992–1994 гг.)» является политически и научно некорректной, поскольку «конфликт» никогда не был замороженным ввиду так называемой снайперской, или позиционной войны по всей линии соприкосновения войск. Не было первой и второй войны, была одна долгая война (1991–2023 годы).

лии, Элины, Татев, Армине, Гаяне. Причем родственники Татев в том же 1920 году бежали точно теми же путями в деревню Тагавард: в 1992 году они вновь переехали в Шуши, претворяя в реальность сотни раз воображаемые и реконструированные маршруты бегства своего деда; но «обретенная родина» была также скоропостижно утрачена менее чем через 30 лет в ноябре 2020 года. Все эти люди в самом начале переезда в Шуши в первой половине 1990-х годов переживали противоречивые чувства. Эделия думала о том, как же ей жить в городе, который забрал жизнь брата ее матери. Элина была вынуждена переехать из Баку вместе с родителями совсем крошкой. В шестилетнем возрасте они вместе с матерью стали жертвами артиллерийского обстрела, получив тяжелые ранения, уродующие последствия которого остались с ними на их теле навсегда. Переместившись в Шуши, в первые годы Элина не могла не помнить, что именно из этого города был выпущен в нее снаряд «Града». Однако со временем женщины прониклись глубокими чувствами к городу, вновь и вновь пестуя свое чувство «этнического места».

В данном тексте истории горожан пропускаются через призму истории города. В новом направлении в социальных науках (примерно с середины 2000-х) — исследованиях травмы — есть эмоционально наполненные термины «травма понимания» и «травма воображения» [Rahimi 2021; Durand 1964; Arva, Roland 2022; Borghi 2023; Alexander et al. 2004]. Нарративы женщин о травме тысячами нитей связаны с их городом, с «местами памяти», с воображением и пониманием опыта своих не столь давних предков. Безусловно, таким «местом памяти» становится символ города Шуши, если не всего армянского Карабаха — Собор св. Христа Всеспасителя Газанчецоц-Аменапркич. Согласно определению Пьера Нора, «место памяти» — это такое место, которое воображение человека наделяет символической аурой [Нора 1999]. Я бы сказала, целым шлейфом символических значений и смыслов. Травма понимания — это путь, который проделывают потомки для постижения трагического опыта своих гонимых предков. Во многих случаях, рассмотренных в тексте, этот путь — это маршрут в физическом мире: пробежать в густом тумане от Газанчецоц мимо «скалы Вагифа» до плато Дждрдюз, спуститься по крутым отвесным скалам в сорок усилий по выложенным природой «ступеням» к селу Каринтак и оттуда пробираться к реке на долину Варанды. Вообразить, что к спине привязан четырехлетний ребенок и второй малыш утрачен. Переселенцы пронесли свое отношение к Шуши через всю свою жизнь, без конца ссылаясь на особенность города.

С методологической точки зрения статья — это образец «рваного», полифонического текста, пример «контрапунктического сопоставления», описание ностальгии по-карабахски, обогащающее ряд

подобных описаний: черкесских, греческих, ассирийских и других «тосканий». Включенное наблюдение, многократные приезды и последующее поддерживание связей позволяют автору ориентироваться в «путешествиях» шушинской идентичности, динамизме

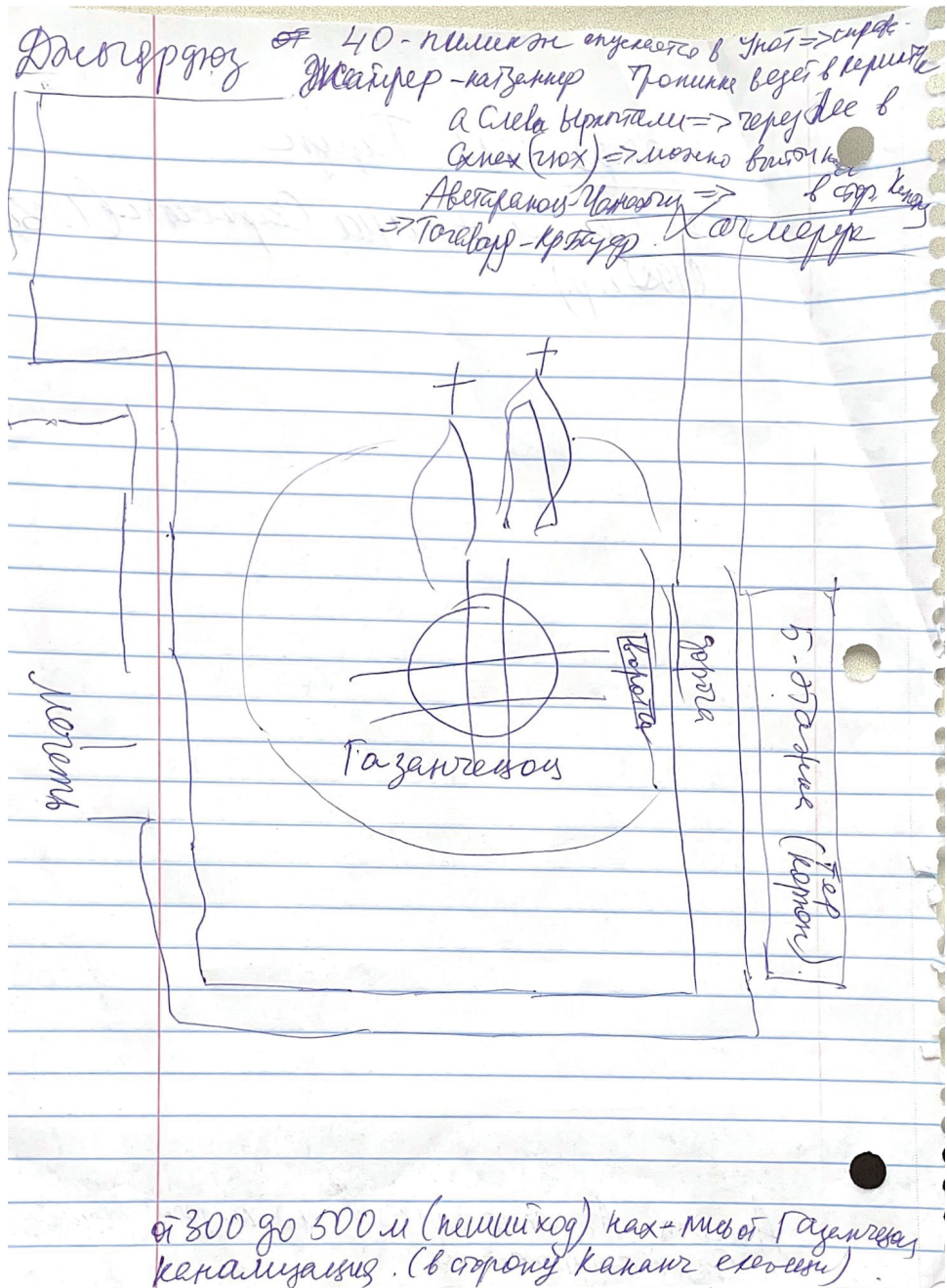

Рис. 3. Ментальная карта супругов Армена и Элины.

Fig. 3. Mental map by spouses Armen and Elina

городской идентичности, сменяющейся сельской и обратно, и нюансах репатриантских риторик, в точности как в исследовании Сатаней Шами [Shami 2007: 210].

Наслаждение быть шушинцами: вернакулярные (ментальные) карты города

Жизнь шушинцев узорно описана не только в жанре устной истории, но также и в мемуарной литературе. Овсеп Юзбашян устраивает в своем тексте буквально путешествия по предкризисному городу, описывая его церкви, площади, переулки и улочки так, что кажется, будто ты передвигаешься по армянскому кварталу Шуши в компьютерной игре или в программе Google Maps / Google Earth. Подлинные фотографии в книге живо реконструируют жизнь города. Мемуары помогают мысленно составить ментальную карту досоветского Шуши по Овсепу Юзбашяну. Автор, как и тысячи более поздних шушинцев разных поколений, задает себе вопрос, на который не может найти ответ: почему имея все сигналы тревоги, армяне Шуши досидели до того момента, что пришлось оставить все нажитое и бежать от неблагодарной и недостойной смерти в чем были? [Yuzbashyan 2017: 132]. Теми же вопросами, что и в 1920 году, задаются современные «Почему мы не захватили даже документов?» — были уверены, что скоро вернуться. Г. говорит о полотенце, которое он в спешке вывесил после купания на стальном тротуаре для белья на своем балконе. Он с волнением увидел свое полотенце на видео о Шуши, сделанном уже после взятия города солдатами-азербайджанцами, новыми жителями города⁷. С разницей в столетие судьба города и его жителей повторяется.

Те же детализированные описания горящего в межкоммунальном насилии города исторической Сатеник Лалаян позволяют восстановить не только ее путь от своего навсегда покидаемого дома до живописного горного плато Джыдырдюз, скалистого спуска к деревушке Каринтак и групповое бегство в сторону спасительных варандинских сел, но и схему бегства ее брата Погоса через канализационные трубы. Общие трудности жизни в регионе звучат как бесконечные *deja vu*. Разорительные нападения *гулду-ров-татар*⁸ на крестьянские хозяйства в ее родовом селе в 1905 году оставили травматический след в памяти Сатеник. Женя, невестка Сатеник, вспоминает нарратив своей свекрови:

родители ее вместе с детьми прятались, выжидали месяц или полтора, пока стихнет все. Люди тогда добрее были, помога-

⁷ Руслан, м., 1989 г. р., зап. Тиграном Амиряном в 2021 году в г. Степанакерт.

⁸ *Гулдур* (арм. — диалектный вариант, лексическое заимствование из тюркск.) — грабитель, разбойник.

ли друг другу. Сосед их мешок ячменя успел захватить, дети его унесли в горы. Поделился с Лалаянами: жарили его по-немногу на садже (железном пласте усеченной овальной формы) и ели, так и выжили в пятом году⁹.

Ровно об этом, о реальности сельской жизни (в особенности кризисного, военного времени), где «обычное, рутинное и шокирующее, экстраординарное в равной мере укладываются в структурообразующие элементы повседневности», пишет в своей статье социальный антрополог Брюс Грант [Grant 2004: 731]. Согласно этнографическим свидетельствам Степана Лисицана: «Армянофобская политика [закавказской высшей власти] была доведена до крайних пределов разнузданности в начале XX века и привела в 1905 году к кровавым столкновениям, стоившим многих жизней и уничтожившим множество хозяйств. Вооруженные столкновения распространились и по Карабаху: в г. Шуши были разгромлены и частично преданы огню торговые и ремесленные ряды, отделявшие татарскую часть от армянской» [Лисицан 1992: 64].

Мать Сатеник — Астхик — осталась вдовой с тремя детьми на руках. В Карабахе овдовевших женщин и поныне называют «безглавыми», или *андар-ындеру* (букв. без хозяина), и община старалась помочь им как могла, если этого не могли сделать родственники. Брат Астхик — Андраник — хлебной профессии *мешабегу*¹⁰ — жил со своей женой в *крепости*, в Шуши, и «детей им бог не давал». Андраник жил в достатке, и чтобы помочь сестре, сначала удочерил Сатеник, а впоследствии перетянул к себе в город и остальных ее детей. Так что Сатеник воспитывалась у своего Андраник-даи¹¹. В Шуши была женская гимназия имени Хуршудбану Натаван, в которой, по воспоминаниям внучки Ларисы¹², Сатеник проучилась три года (в воспоминаниях внучки есть неточность, возможно, стратегическая: в действительности это была армянская гимназия). Там же в Шуши и вышла замуж за успешного народно признанного музыканта. Рубен, так звали мужа Сатеник, был «единственным сыном, оком родителей». Он профессионально играл на струнном инструменте — *таре*, типе кавказской гитары; зарабатывал этим на жизнь. Рубена приглашали на армянские, азербайджанские и другие свадьбы. Родители Рубена любили Сатеник: «Смотрели за ней очень хорошо. Счастливо жили, богато. По фотографиям было видно, одевали красиво, по последней моде», — вспоминала Женя, невестка Сатеник¹³.

⁹ Женя, ж., 1926 г. р., зап. Ноной Шахназарян в 2008 году в г. Геленджик, Россия.

¹⁰ Главный по лесному хозяйству (диал. *Меша* — *тюрк. лес и бег* — бек, глава).

¹¹ *Даи* (арм. — диалектный вариант, заимств. из тюркск.) — термин родства: брат матери.

¹² Женя, 2008.

¹³ У Ларисы я брала интервью в 2001 г. в г. Ереван, Армения.

Рис. 4. Ментальная карта, авторы — супруги Армен и Элина, г. Степанакерт, 2021 год
 Fig. 4. Mental map by spouses Armen and Elina, Stepanakert, 2021

Шуши был транснациональным местом, и его жители имели глубинное «чувство места», понимаемое как «жанр фольклора», в основе которого лежит традиционное представление о физическом мире [Ryden 1993]. Условия до некоторой степени преמודерновой транснациональности-транслокальности отразились в фольклоре и памяти города и его жителей. Эта память отражала буйствующее многообразие слоев и уровней процесса традиционализации пространства и пестования «чувства этнического места». Согласно Энтони Буччителли, «чувство этнического места» или «пространства» формируют различные компоненты: социально сконструированные памяти об этнической жизни в квартале и об их «метатрадиционных оценках», «гордый» демонстративный традиционализм в условиях гибридной жизни; локальные дискурсы, нарративы и описания этнической жизни в кварталах, личный опыт этнических практик и идентичностей [Buccitelli 2016: 101]. Специфические символы (церковные и монастырские комплексы и мечети), постройки (театры, караван-сарай/прототипы гостиниц, дома-музеи просветителей, поэтов, музыкантов, тюрьма), праздники (Вербное Воскресенье, Муххарам), запахи, метафоры (*крепость-гала; воздух, чистый как стекло*) и даже флора и фауна — цветы и бабочки (по примеру оставшегося по ту сторону границы с Турцией

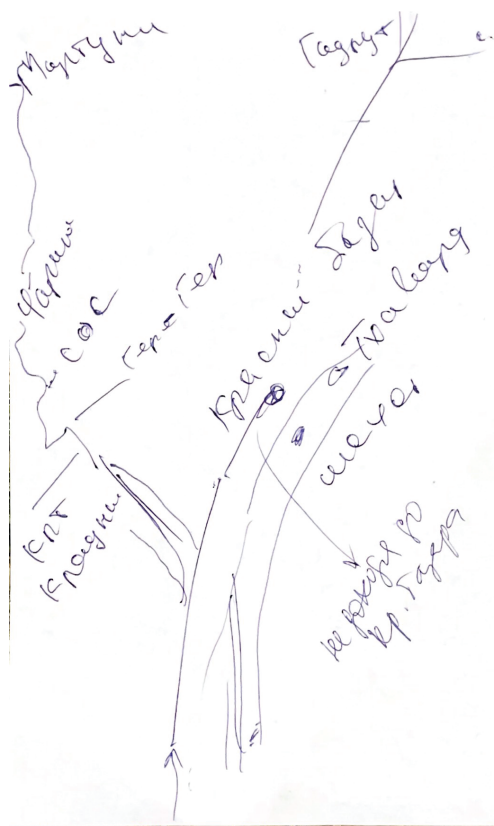

Рис. 5. Ментальная карта, автор — Валерий Ч., 1965 г. р. Продолжение (обратная сторона листа), схема бегства
 Fig. 5. Mental map by Valery Ch. (b. 1965), verso. Escape route diagram

«армянского брабиона» — символ утрат, тоски и ностальгии). Таким локальным цветком-эмблемой для азербайджанцев стало растение из семейства орхидеи — *хары-бюльбюль*, произрастающий, по убеждению шушинцев-азербайджанцев, исключительно на отвесных склонах вокруг Шуши. В многочисленных исторических воспоминаниях и вторичного свойства интервью непрерывно проглядывает то, как официальной памяти противостоит контр-память [Berger, Negro 2004] или вернакулярная память (vernacular memory) [Bodnar 1989: 1201], и противостоит эта фольклорная традиция своими отработанными средствами.

Соседство с азербайджанцами в Шуши четко не определяется как конфликтное или враждебное, но рассказанные живым и сочным языком устные истории, биографии и воспоминания создают тревожное настроение. Эта конфликтность и разделение-различение считываются в нарративах самих жителей («мы называли их *тзяни*»), которые сводятся к проведению разделительных линий между геттоизированными этническими сообществами и ощущение

нию изоляции. И тем более городские идентичности шушинцев всех мастей проявляются в бесконечно множественных перформансах и выражениях *шушинскости* — будь то салонный образ жизни, интеллектуализм, связи с Тбилиси и Баку, высокие рафинированные манеры или образовательные цензы. Этносообщества обращаются с городскими пространствами так, чтобы обозначить, «пометить» свое присутствие, актуализировать и зафиксировать его: строительство канализационных труб благотворителем-армянином, проведение воды, возведение памятников, строительство шушинской тюрьмы для своих ссыльных российскими имперскими властями. В этом бесконечном социальном процессе контр-память использует свои стратегии и тактики, и именно этот процесс вычерчивает эмоциональные ментальные карты этнически обособленных кварталов города.

Шушинские страсти и мытарства: 1920 vs. 2020

«Сразу после первой мировой войны российские войска стали спешно покидать военную линию, уходить из Южного Кавказа, отвлеченные февральской революцией. Беки и муллы воспользовались этой ситуацией, чтобы заполучить их оружие. Во многих пунктах железнодорожного пути из быстро вырытых траншей выскакивали вооруженные люди и останавливали поезда, требуя сдачи оружия. На этой почве разыгрались кровавые столкновения у станции Шамхор» [Лисицан 1992: 65]. Описания Лисицана вызывают кошмарные реминисценции 1991 года, рассказанные в XXI веке в семье Татев. «При подобных условиях, как во всем крае, так и в особенности в Нагорном Карабахе, где Шуши оказалось совершенно отрезанной от железнодорожной станции Евлах, стали опасаться возможности возобновления событий 1905 г.» [[Там же]. Далее Лисицан приводит свидетельства опрошенных им для книги людей, в которых затрагивается история города с его хорошо организованным самоуправлением: «В г. Шуши власть перешла к национальным комитетам — армянскому и татарскому, и, сверх того, межнациональному. Подобные комитеты возникли и по сельским округам. Задачей их было принять все меры к предупреждению каких-либо национальных трений» [Лисицан 1992: 65]. Действительно, комитетам удалось поддержать порядок и межконфессиональный мир вплоть до конца 1918 года. Однако вскоре турки вошли в Баку и, укрепив там власть мусаватистов, предъявили Шуши ультиматум — требование впустить в город турецкие власти.

После короткого колебания руководящая армянская группа вступила с турецким командованием в соглашение, и 30 сентября несколько турецких рот были впущены в Шуши. Турки

потребовали выдачи оружия, значительная часть армянской интеллигенции была арестована. Пробыв один месяц, турецкие части, в связи с заключением Версальского договора, должны были уйти из Карабаха и вообще из Азербайджана. В Баку вступили английские войска. Мусаватистское правительство по согласованию с англичанами направило в Шуши генерал-губернатором Хосров-бека Султанова, но власть его признана была только татарской частью города; армянское же население отказалось подчиняться его распоряжениям. Чтобы утратить армянское население, им 8–10 июня 1919 г. был организован с согласия и при попустительстве англичан погром в армянском селении Кайраликенте, под самой Шуши. Вскоре после этого азербайджанскими ротами были заняты казармы в армянской части [Там же]: 65–66].

В своей книге Одри Л. Альтштадт со ссылкой на британского корреспондента в Баку констатирует, что представители союзных держав в регионе решили, что полиция Карабаха должна состоять из равного числа армян и азербайджанцев. «Однако в конце марта 1920 г. армянская половина полицейских умертвила азербайджанскую половину во время традиционного празднования Новруз Байрама азербайджанцами» [Alstadt 1992: 103].

Описанные пертурбации привели к сопротивлению, которое организовывали дашнакские лидеры — Дро и др. Длительное противостояние в связи со статусом Карабаха никак не завершилось. И снова Лисицан:

Между тем в деревнях действовали армянские вооруженные отряды. Получив поддержку людьми и боеприпасами из Еревана от Армянской Республики, сельские комитеты готовили восстание в целях воссоединения Карабаха с Арменией. Вооруженный отряд проник в Шуши глубокой ночью на 20-ое марта 1920 г. набросился на казармы, чтобы разоружить азербайджанскую роту. Начались погромы и поджоги армянских кварталов [Лисицан 1992: 66].

По мнению американского историка Ричарда Ованнисяна, провал в Ханкенди стал началом развала Шуши:

Как и планировалось, ополчение Варанда вошло в Шуши вечером 22 марта, якобы для того, чтобы получить свою зарплату и поздравить генерал-губернатора Султанова по случаю Новруз Байрама. Той же ночью около 100 вооруженных людей во главе с Нерсесом Азбекином проскользнули в город, чтобы разоружить азербайджанский гарнизон в армянском квартале. Но все пошло наперекосяк. Ополченцы Варанды большую часть ночи ели-пили и опоздали с занятием назначенных по-

зиций, а отряд Азбеяна, не сумев соединиться с ополчением, начал обстреливать азербайджанский форт издалека, разбудив войска, которые бросились к оружию. Только тогда разбуженные ополченцы Варанды начали захватывать азербайджанских офицеров, расквартированных в армянских домах. Беспорядки с обеих сторон продолжались до рассвета, когда азербайджанцы узнали, что их гарнизон в Ханкенди устоял, и, воодушевленные, начали вторгаться в армянский квартал. Бои застали шушинских армян врасплох. Несколько тысяч человек бежали под покровом густого тумана через Каринтак в сельскую местность Варанды [Hovannisian 1997: 318].

После окончательной победы советской власти в регионе установился «мир» между общинами. Армянское сообщество было изгнано, и армянского квартала не стало. За исключением каринтакцев и некоторых разрозненно проживавших армянских семей в Шуши практически не осталось армян. Город получил статус курортного, здравницы — санаторий всесоюзного значения, источники «кислой воды», пионерские лагеря стали эмблемами советского Шуши. Не было ни одного участника исследования-карабахца соответствующего возраста, который не вспомнил бы пионерлагерей «Дружба», «Гагарин», источник Кислая Вода (Thyto Tchuur) — Эделия, Валерий, Ларина, Рая ассоциировали Шуши своего детства с пионерлагерями. Это означало, что формально советские армяне могли пользоваться благами города, но не могли поселиться в Шуши, поскольку азербайджанские государственники твердо противились возвращению армян в свой квартал. В таких условиях старожилы города, разбросанные по всей Варанде и по СССР, не спешили возвращаться к своим разрушенным очагам. Лишь небольшой процент армянского населения Шуши решились вернуться. Советская идеологическая доктрина добровольно-принудительно запрещала даже вспоминать о 1920-м. Возможно, в память о тех событиях, в 1988 году реакция шушинцев-азербайджанцев на освободительное движение была сильной, чтобы не сказать репрессивной, и обернулась насилем в отношении армян-жителей Шуши. Они были в очередной раз изгнаны из города, но, поскольку в основном это были каринтакцы, и бежали они в свои родовые дома в близлежащем Каринтаке, где и укрылись, то выселение их толпами воинствующих националистов прошло незамеченным. Азербайджано-населенная Шуша воинственно участвовала в блокаде Степанакерта:

23 ноября 1989 г. в 14 час. 40 мин. колонна из семи автомашин, сопровождаемая нарядом внутренних войск МВД СССР, перевозившая 44 головы крупного рогатого скота из армянского села Бердадзор (исторический Гарагышлаг) Шушинского района на степанакертский мясокомбинат, была остановле-

на неподалеку от г. Шуши толпой азербайджанцев. Разбив автомашины, националисты отобрали скот у армян-сельчан и сдали его в Шушинское РАПО. Сопровождавшим скот Д. и Э. Насибянам были нанесены телесные повреждения. Когда работники МВД и сотрудники областного управления ВД НКАО и спецвойск МВД СССР вместе с водителями вернулись в город, чтобы вернуть скот, их окружила толпа из более чем 2000 человек. В результате спецвойска еле отбили группу, были ранены¹⁴.

Далее в конце 1991 года началась карабахская война, в ходе которой мишенью Шуши стал весь доступный с высоты крепости Карабах, с фокусом на Степанакерт. 9 мая 1992 года Шуши, на протяжении веков завоевавший славу неприступной крепости, штурмом захватили военные силы армии Карабаха при поддержке добровольцев со всей Армении и диаспоры. Почти сразу начался процесс заселения обугленного города. Обездоленные люди или просто военные, которые считали, что «право имеют», занялись самозахватом жилья для себя. Видеозаписи интервью с жителями города и священником Газанчеоц Тер-Корюном, сделанные автором на перекрестке напротив церкви в мае 2001 года, зафиксировали болезненную динамику армянского (пере-)заселения. Вплоть до 2020 года в Шуши на входе у калиток в частном секторе можно было встретить «граффити» — «Здесь живут», «Занято», «Дом армян».

Вернакулярная история погрома: одежда и аксессуары

Погромы армянских кварталов в мартовские дни 1920 года произошли ко времени, когда у Сатеник и Рубена только что родилась вторая дочь. Сатеник бесконечно вспоминала эти моменты на протяжении всей своей последующей жизни:

Когда началась резня в Шуши (Shushva kotoratzy¹⁵), суэта началась неопишная. Свекровь моя велела мне взять детей и наше богатство (harustutsyuny), ценные вещи и бежать «вместе с народом» (elin nyhet phakher)¹⁶.

¹⁴ Арутюнян, В. Б. (1993). *События в Нагорном Карабахе. Часть 2. Хроника. Январь-декабрь 1989 г.*, 321–322. Ереван: Изд. АН Армении.

¹⁵ Эмические варианты некоторых высказываний с укорененными, подчас ассоциативными метафорическими смыслами приводятся здесь не случайно. «Национальный язык» (the national language), высказывания (utterances) иногда отсылают к стандарту языкового кода сообщества (to the standard language code of a community). Это соответствует требованиям интертекстуальной перспективы, когда одни высказывания, перекликаясь, могут частично отражать формы, смыслы, ценности других. То, что Бахтин назвал «организованной цепью других высказываний» (organized chain of other utterances) [Bakhtin 2001: 124].

¹⁶ Сатеник, ж., 1898 г.р., зап. Ноной Шахназарян в 1991 году в г. Мартуни, НКАО, Азерб. СССР.

Не отставать от народа, от группы — в этом заклинали Сатеник ее старшие домочадцы. Убеждали ее со слезами, что пропадет она вместе с детьми, если отобьется от людей, от группы, которую они называли *эль-оба*. Выслушав тревожные напутствия, Сатеник поспешила выполнять поручения свекра и свекрови:

Сама я была слишком молода, ничего о жизни не знала... Сейчас смеюсь, тогда разве до смеха было? Я побежала в хлев за куском фанеры, положила ее на табуреты, аккуратно застеленные белоснежной простыней, и стала спешно складывать по длине свои пальто зимнее, демисезонное, шубку, шляпы с перьями. Свекровь с минуту оцепенело следила за моими действиями. Потом сердито опрокинула табуреты с фанерой и всей одеждой. Быстро скомандовала — беги в дом, принеси свои украшения, захвати из серванта золотую и серебряную посуду. Она стала судорожно обвязывать тканью мое тело, мой живот в основном, а между слоями прятала золото — ложки, брошки, николаевские монеты, стаканчики¹⁷.

Сатеник была, видимо, мала, чтобы помнить события 1905 года, и о том, как родители долго и мучительно прятались с ними в лесистых горах Карабаха. Да и слишком упорядоченно сложилась ее жизнь после тех кошмарных событий:

Потом мама привязала трехлетнюю *hАмест* к моей спине, в руки дала вторую дочь, грудную, и благословила в путь. И все приговаривала: «Не бойся, все будет хорошо, вы спасетесь, только помни, от людей не отбивайся, куда народ, туда и ты с детьми. Главное с народом, не отставай от людей. Ну, беги! (*shtegh ely — yndegh el tu, de phaxer, matagh ynim*)». И я побежала, присоединилась к толпе, пыль столбом, все кричат, плачут, зовут, ищут друг друга. Как во сне все плывет...¹⁸

Сатеник все еще плохо понимала, что происходит, и в тумане и суматохе искала брата и сестру. Но графические картины погрома быстро вернули ее в жестокую реальность:

И вдруг я увидела обезглавленное тело. По красивой, дорогой одежде я узнала нашу соседку. Красавица была, одевали ее как куклу — красиво, богато. Они ее прятали, изредка выгянет, а на шее два ряда золотых монет, на голове пали не как у всех с серединником, а сплошь из золотых монеток; серьги тоже длинные, тяжелые. Тут до меня только дошло, что же это делается. Поняла, что ей отрубили голову, чтобы забрать золото. Не хотели возиться уже, вместе с головой все

¹⁷ Сатеник, 1991.

¹⁸ Сатеник, 1991.

унесли. Ужас охватил меня. Потрогала свой живот и побежала с народом, как мама приказывала...¹⁹

Это фрагмент из воспоминаний Сатеник — живая иллюстрация этнографических теорий одежды как текста [Богатырев 1971: 178–179; Богатырев 2006]. Описание Сатеник не оставляет сомнений, что женское тело чаще, чем мужское, выступает поверхностью, на которую наносятся различные прочитываемые знаки, в том числе и знаки культурных, этноконфессиональных и классовых различий. *Пали* (арм.) — праздничный головной убор замужней женщины, состоял из нескольких платков, *кони*, ушных валиков и аксессуаров. На рубеже XIX — XX веков богатые и знатные женщины, по свидетельствам участников исследования, носили праздничный элемент одежды — *пали* — постоянно, подчеркивая тем свое привилегированное положение в обществе. Здесь мы явно имеем дело с тем, что Владимир Малахов называет символическим производством гендера, класса и этничности и тем, какую опасную роль играют эти знаки различий в ходе межгруппового конфликта:

Жертвами погромов в феврале 1990 года в Душанбе стали, наряду с армянами и русскими, по-европейски одетые женщины-таджички. Японцы и китайцы мужского пола давно перешли на европейскую одежду, однако платье их женщин осталось почти таким же, каким было несколько столетий назад. Боснийцы и другие живущие в Европе мусульмане, если они мужчины, внешне неотличимы от своего окружения, но женщины-мусульманки не появляются на улице с непокрытой головой и голыми ногами (это правило касается даже маленьких девочек)²⁰.

Возвращаясь к истории Сатеник: «Сама Мама осталась, и Папа тоже. Не хотели они жить без сына. Дом наш сожгли. Да что там дом, все вокруг горело!²¹» Родители Рубена в то утро проводили сына на работу — играть на свадьбе. Он исполнял и пел разные мотивы и на разных местных языках. Прежде чем пришла весть о его гибели, они уже заметили место свадьбы, охваченное пламенем. «В ту ночь от огня и оружия погибло несколько тысяч человек... — засвидетельствовал события в Шуши Лисицан, — Кто мог, спасался с семьей, бросив домашний скарб; бежали к скалам, чтобы по крутым тропам спуститься в глубокие ущелья и оттуда пробираться в Варанду. Туман скрывал их бегство» [Лисицан 1992: 65–66]. Сама Сатеник бесконечно сокрушалась, что не вернулась домой, чтобы захватить висящий на роскошном ковре на стене инкрустирован-

¹⁹ Сатеник, 1991.

²⁰ <https://iphras.ru/page52332382.htm>

²¹ Сатеник, 1898 г. р., зап. Ноной Шахназарян в 1992 году в г. Мартуни, НКАО, Азерб. СССР.

ный *тар* — инструмент мужа — на память о той безвозвратно утраченной жизни. Материальный мир экзотизированного шушинского стиля жизни будоражил воображение, как рассказчиков, так и их слушателей. Дочь Сатеник от брака со вторым мужем Аванесом Эмма дополняет деталями воспоминания матери: «Остальное семейное добро — самовары, серебро и прочее — побросали в колодец, или закопали в землю, мама рассказывала... на случай, если выживут и доведется вернуться»²².

Сатеник в процессе жизни постоянно рассказывала о городе своей буржуазной жизни, хотя делала это очень осторожно, впуская в мир своих воспоминаний только самых близких — домочадцев, соседей, конфиденентов. Своей самой любимой внучке Рае она рассказывала про чудесный город с глиняными водосточными трубами, подводящими воду к домам, и канализационной системой, выводящей отходы жизнедеятельности за пределы города. Именно эти акведуки стали формулой спасения десятков, если не тысяч преследуемых армян, «отверженных»:

Во время армяно-турецкой войны Мама со своими сестрой, братом и ребенком бежали из Шуши через канализацию. Начиналось это место на окраине Шуши у высокой скалы, скала Вагифа называется, или Каринтак по-армянски, 28 км за три дня прошли и вышли к деревне Саркисашен. И пошли бродить по Карабаху, вымаливая себе приют... — так она мне рассказывала²³.

В своей аккуратной реконструкции воспоминаний бабушки, Рая, хоть и напутала многое, передает интересные детали, например, двойную альтернативную топонимию — селение с армянским названием Каринтак также называется Дашалты, хотя село было армянским, там никогда не жили азербайджанцы. «Скала Вагифа» (в поздне-советский период в том месте был выстроен Мавзолей Молла Панах Вагифа) находится на плато, и название этого места не равно вожделенному армянскому селу Каринтак, куда стремились беглецы. Однако эту путаницу могут допустить лишь те, кто абстрактно представляют себе маршрут спасения — всего один из двух. Все, кому пришлось пройти этот сложный путь, не дадут ошибиться даже в метрах, не говоря уже об ощущениях. Позже десятки людей описывали этот маршрут снова и снова²⁴. Сатеник действительно отчаянно искала своих брата и сестру:

Потеряла я их. А как найдешь в такой сутолоке, спрашивай — не спрашивай, зови — не зови Потом уже позже нашли

²² Эмма, ж., 1933 г. р., зап. Ноной Шахназарян в 2017 году в г. Ереван, Армения.

²³ Женья, 1926 г. р., зап. Ноной Шахназарян в 2012 году в г. Геленджик, Россия.

²⁴ Эдик, 1966 г. р., житель Шуши, зап. Ноной Шахназарян в 2025 году в г. Ереван, Армения.

друг друга. Брат мой Петрос выжил, пробрался через канализационные трубы, бежал в одной одежде, и та вся так провонялась испражнениями... Петрос снял рубашку, а я ее тут же в реке... стирай — не стирай, все равно разит от нее. Наплакались мы тогда, больше, конечно, от счастья — кругом весна, зеленый луг, да и живы мы...²⁵

Сестра по имени Шуши тоже спаслась. Весь остаток жизни Сатеник, Шуши и Петрос жили в Мартуни и держались друг друга до последних своих дней. Будучи старшей, Сатеник пережила всех.

Вернакулярная история побега: кризисный инфантицид

Несколько тем, связанных с шушинским периодом жизни, Сатеник не любила обсуждать. Это прежде всего тема ее первого замужества: в армянской сельской традиции повторное замужество довольно жестко осуждается. В народе имело хождение проклятие — «Чтоб тебе перешагнуть семь порогов, не сносив и пары обуви», то есть выйти замуж семь раз (*min chymyshkav 7 (okhty) tyghakav nitunnis*). Правда, форс-мажорные ситуации могли служить извиняющим фактором, но обсуждение темы предыдущего замужества и по сию пору считается неуместным. «Несколько ее шушинских фотографий, которые были ей особенно дороги, исчезли. Или она сама их спрятала, или папа их куда-то дел. Он всю жизнь ее ревновал», — вспоминает Женя²⁶.

Следующая тема была табуирована чрезмерно: судьба ее второй девочки, которая была грудным ребенком во время бегства из Шуши. В воспоминаниях Раи о своей бабушке есть неточности, скомканность и недоговоренность: «Мама со своими сестрой, братом и ребенком бежали из Шуши через канализацию»²⁷. Кроме неточности (Сатеник с детьми и брат с сестрой убегали порознь и только потом нашли друг друга) есть тут и недостающее звено — грудной ребенок, новорожденная девочка. Та самая, которую свекровь Сатеник вручила ей в руки в момент бегства, в то время как старшую она характерно для этих мест привязала шалью к спине — типичное ношение чуть подросшего ребенка, чтобы иметь свободные руки для работы в поле, огороде или дома. Что с ней стало? Поскольку сама Сатеник об этом не говорила, или говорила только по молодости, версий на этот счет несколько. Доподлинно известно то, что она погибла, или, точнее сказать, от нее пришлось избавиться

---

²⁵ Сатеник, 1992.

²⁶ Женя давала мне интервью в 2008 году, в 2012 она умерла (1926-2012).

²⁷ Рая, ж., 1945 г. р., зап. Ноной Шахназарян в 2008 году в г. Геленджик, Россия.

ся. Лаура помнит, что ее бабушка Сатеник рассказывала, обливаясь слезами, что ребенка пришлось утопить в реке Каркар²⁸. Причем она никогда не называла имени ребенка, а только — *перюрь*, то есть запеленатый ребенок (*perury qytsal um kety*). Женя — вышеупомянутая невестка Сатеник — всегда была на стороне свекрови, никогда ни в чем ее не обвиняя:

Люди ей сказали, что так надо, если хочет спасти себя и старшую дочь. «Иначе ребенок загубит нас всех: будет плакать и нас тут же обнаружат и перебьют», — убеждали они ее. Вроде в этой панике и сутолоке она его уронила, и ее затоптали. А сколько так взрослых людей затоптали, мама рассказывала. Что там этот новорожденный ребенок!²⁹

Другая реакция у дочери Сатеник от второго брака, Эммы, в словах которой слышны явные нотки критицизма:

Мама потеряла свою дочь тогда. Я не знаю, как она с этим жила потом. Был такой узкий проход над скалой, тропинка над обрывом. Люди из толпы давили на нее: как будешь кормить его, голодный ребенок будет плакать — это в горах-то, эх какое — и ей пришлось бросить его... Это то, что я знаю³⁰.

Дочь Эммы Нунэ и вовсе с комом в горле не может говорить на эту тему³¹. Интересно, что восприятие случившегося носит поколенческие особенности, выраженные в вариативности эмоциональных реакций на нарратив о «потерянном» ребенке. Следующее поколение, ввиду проживания совершенного иного опыта в абсолютно другом социальном контексте, демонстрирует новые структуры эмоций — гиперчувствительность и эмпатию уже иного типа при оценивании событий прошлого. Для меня же, правнучки, было очень важно открыть для себя, что этот опыт матери новорожденного ребенка, которую община заставляет избавиться от своего ребенка, в общем, ничуть не уникальный. Нарративы карабахских женщин о до- и раннесоветском периоде их жизни изобилуют трагедиями потери детей на базарах, при переезде на поездах с места на место (особенно душераздирающим было интервью с Н.³², которая потеряла троих детей разом и не успокаивалась, пока не народила новых). К тому же существует множество свидетельств, что именно это — убийство несмышленных малолетних детей, чаще новорожденных грудничков — происходило в многолюдных отря-

²⁸ Лаура, ж., 1947 г. р., зап. Ноной Шахназарян в 2008 году в г. Краснодар, Россия

²⁹ Женя, 2012.

³⁰ Эмма.

³¹ Нунэ, ж., 1968 г. р., зап. Ноной Шахназарян в 2014 году в г. Ереван, Армения.

³² Н., ж., из с. Мачкалашен, Мартунинский район, зап. Ноной Шахназарян в 2001 году.

Рис. 6. Натюрморт, г. Шуши. Фотография Т. Шахрамьяна
Fig. 6. Still life, Shushi. Photo by T. Shahramanyan

Рис. 7. Церковь Канач Жам (арм. Կանաչ ժամ եկեղեցի, бук. Зеленая), или Церковь Святого Иоанна Крестителя (Սուրբ Զովհաննեսու Սկրտիչ եկեղեցի) — ныне разрушенный храм ААЦ, Шуши. Церковь находилась на холме чуть выше храмового комплекса Газанчецоц. После того, как армянские жители покинули город, а сам город Шуши перешла под контроль Азербайджана, церковь была сначала частично разрушена и превращена в ресторан. Позже в 2024 году церковь была снесена, о чем свидетельствуют снимки из космоса и виртуальные «прогулки» с помощью Гугл Мапс (Google Maps). Фотография Т. Шахрамьяна
Fig. 7. Kanach Zham Church (Arm. Կանաչ ժամ եկեղեցի, lit. "Green Church"), also known as Church of St. John the Baptist (Սուրբ Զովհաննեսու Սկրտիչ եկեղեցի) — a now-destroyed Armenian Apostolic Church in Shushi. The church stood on a hill slightly above the Ghazanchetsots Cathedral complex. After the Armenian residents left the city and Shushi came under Azerbaijani control, the church was initially partially destroyed and converted into a restaurant. Later, in 2024, it was demolished entirely — as confirmed by satellite imagery and virtual "street view" data on Google Maps. Photograph by T. Shahramanyan.

дах Андраника Озаяна, когда они скрывались в горах в ходе партизанской борьбы с турками. Есть большая вероятность, что такого рода вынужденные действия, когда выживание группы важнее личных связей и эмоций, имели место как универсалия на протяжении всей мировой истории. Например, эпизод в книге Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо»³³ свидетельствует ровно о том же. Картина наливается еще более темными красками, когда выясняется, что инфантицид имел широкое распространение и в текучке повседневной жизни, просто как отложенная «контрацепция». Надо полагать, тема эта ждет своего точечного исследования.

Таким образом, женщина, ее тело являли собой ту эпоху, с одной стороны, мишень, но с другой стороны — мобильного субъекта, пересекающего границы кварталов, горных массивов, рек, сел, административных районов и государств, субъекта с наиболее динамичными идентичностями. Интервью обнажают всю сложность «говорения» об особенностях пре-модерна, его риторик и дискурсов. Пожалуй, это то контрапунктическое, контекстуальное понимание исследованных реалий, постижение которых не дает отмахиваться от навязчивых исторических параллелей.

Возможно, ввиду глубинных переживаний такого рода у Сатеник была потребность написания текстов о себе. Она вела дневник. Ей нужно было просто выговориться или осмысленно созерцать себя? А может быть, она считала историю своей жизни столь значительной, что хотела запечатлеть ее для будущих поколений? Или это был самый верный способ достичь самоактуализации? Увы, мы этого не узнаем, потому что заветный дневник сгорел вместе с сундуком в пожарах и разрушениях очередной войны в 1992 году.

Вернакулярная история и язык политических противостояний: *Pax Sovietica*

Годы до установления советской власти чаще всего в Карабахе ассоциируются с хаосом, насилием и бесчинствами, в то время как советский строй описывается в терминах порядка, трудовых будней, строгости и социального мира. Действительно, это был *Pax Sovietica* — период относительно мирного сосуществования армян и азербайджанцев в регионе, — период, когда, к удивлению старшего поколения, по меткому выражению карабахского советского писателя Леонида Гурунца, армяне решились спуститься с гор и вершин и строить свои дома на ровном месте, больше не думая о своем доме как о крепости³⁴.

³³ Алексиевич, С. (2021). *У войны не женское лицо*. М.: Время. С. 25.

³⁴ Гурунц, Л. (1981). *Карабахские перекрестки: диалогия*. М.: Советский писатель.

В оценке тех лет много противоречий, одно из самых острых — отношение к действиям дашнаков. Эмма вспоминала в 2010 году:

Мама ненавидела их. Считала, что они постоянно лезли со своими лозунгами и идеями, а несчастные люди от этого страдали. Их мертворожденные идеи приводили к смерти живых людей. Как только Дро вступал на коне в Шуши — тут же начиналась резня³⁵.

В то же время в постсоветском Карабахе житель Мартуни, невзирая на протесты родителей ребенка, назвал своего внука Дро³⁶ по имени «генерала Дро», потому что считал его освободителем армянского населения:

Я был *шушивыце* (жителем Шуши). Если бы не Дро — не жил бы я на белом свете. Видел его только раз в жизни: на коне, высокий, здоровый... ну, освободитель. Одевался как цыган, как клоун, в разной паре обуви ходил, маскировался. Он — спаситель³⁷.

Гендерные различия в оценках и восприятии, возможно, связаны с тем, что антрополог Сара Руддик называет «материнским мышлением», с погруженностью в повседневность и ежеминутную борьбу за выживание [Ruddick 1980: 345]. «А время было страшное. Люди пухли от голода, гибли, заеденные вшами... Преследуемые, гонимые, люди, и я с ними тоже, прятались по гротам и ущельям, отсиживались в них группами. От бурана пуль убегала, еле ноги унесла, кто как мог — убегал (*giullu-borany hetas kyalis ylal*)», — дословно цитирует свою свекровь Женя³⁸.

Сатеник тогда босиком обошла пол-Карабаха — села Ашан, Гиши, Норшен, Каракенд, Гызгала, Сос, Чартар. Скитались по Варанде три с лишним месяца. По запаху свежеспеченного хлеба на-

³⁵ Эмма.

³⁶ Дро — Драстамат Мартиросович Канаян (1883–1956), родился в г. Игдир провинции Сурмали Эриванской губернии. С 1903 г. член партии «Дашнакцутюн». В 1905–1906 годы вместе с Николаем Думаном организовал защиту армянского населения от турецко-татарских (кавказские татары — название общности, называемой сейчас азербайджанцы — *Н. III.*) погромов. Под видом коммерсанта из Баязета осуществлял тайную переброску оружия и боеприпасов для армянских гайдуков. Во время Первой мировой войны командовал 2-ым Армянским добровольческим полком армии царской России на Кавказском фронте. Отмечен высшим командованием за Ванский поход. В 1917 году являлся комиссаром Армянского корпуса. В 1920 году был назначен военным министром Республики Армения. После установления советской власти в Армении был временно назначен командующим войсками Советской Армении. В феврале 1921 года участвовал в восстании против коммунистического режима, и после подавления восстания перешел границу и эмигрировал в Румынию.

³⁷ Записано со слов Тиграна (1975 г. р.) о своем деде Ноной Шахназарян в 2001 году, в бывшей де факто Нагорно-Карабахской Республике* (далее: де факто НКР*).

³⁸ Женя, 2008.

*Непризнанное государство, существовавшее с 1991 по 2023 год. Официально — территория Азербайджана, — *Прим. ред.*

ходила в деревнях *туруны*³⁹ и выменивала у женщин свое вывезенное из Шуши золото на хлеб — одну золотую монету на лепешку хлеба. Так и выжила семья Лалаянов. На сбереженное шушинское золото Сатеник смогла прокормить в Чартаре в голодные годы также семью второго мужа. Оставшаяся после студенческих лет жить в Ереване Эмма, дочь Сатеник, дополняет:

У мамы было столько золота, что она с ним прокормила в голод оба гердастана⁴⁰. У тех было шестеро детей, плюс Мама с ребенком, братом и сестрой. Сначала в Чартаре жили, потом перебрались в Мартуни — Хонашен тогда назывался, по реке. Там раньше молокане жили, сосланные. Тоже бежали они от тюркских погромов, дома свои побросав.⁴¹

За годы жизни в интеллигентских кругах столицы Эмма успела наполниться критикой к коммунистическому режиму, чего никогда нельзя было сказать о ее матери. Сатеник, наоборот, приняла новый строй с благодарностью: «Все более-менее утихомирилось и вошло в колею, когда Советы пришли. Да благословенны будут Советы (Orthnvi Sovety)!» (слова эти она повторяла как речитатив после каждого рассказанного эпизода, молитвенно возводя взор к небесам)⁴². Речь ее была перенасыщена советскими индоктринированными клише вперемешку с вернакулярным языком. Внучка Сатеник Лариса рассказывает:⁴³

Одиннадцатая армия вошла в Карабах — так мне всегда рассказывала Татик (по-арм. бабушка). В Чартаре встретила Аванеса, тоже активиста и коммуниста. Началась коллективизация, и Аванес год был председателем колхоза «Коммунизм», а сама она бригадиром. Она была грамотная, и еще до революции получила гимназическое обучение на армянском языке, в Шуши. Они вместе преподавали в станции ликбеза, в ликкаяне⁴⁴.

Ликкаян — это пункт ликвидации безграмотности. В 1925–1934 годы советскими властями в Карабахе, как и в целом по СССР, проводилась так называемая политика нативизации-коренизации. Рекрутирование национальных/местных кадров, то есть политика выдвижения национальных представителей (в основном из

³⁹ *Турун* (арм. — диалектный вариант) — легкое крытое строение с врытой в землю печью для выпечки хлеба.

⁴⁰ *Гердастан* (арм.) — концепт, обозначающий большую многопоколенную патриархальную семью.

⁴¹ Эмма.

⁴² Сатеник, 1992.

⁴³ Лариса, ж., 1955 г. р., зап. Ноной Шахназарян в 2001 году в г. Ереван, Армения.

⁴⁴ Подробнее об этом см. [Martin 2003]. Русский язык пока еще не стал *lingua franca*, приоритет отводился местным языкам и кадрам. Но уже к началу 50-х ситуация со статусом языков изменилась. Политика в отношении кадров, в общем, тоже.

сельских низов) на благоприятных условиях в эти годы интенсифицировалась. Она стала сворачиваться лишь к 1933–1934 годам [Martin 2003: 10]. Официальный дискурс того времени победно провозглашал: «Победа Бакинской коммуны (1918 г.) окрылила тружеников Карабаха, но временная удача дашнаков и мусаватов вызвала искусственное межнациональное обострение. 12 мая 1920 г. XI Армия под предводительством С. М. Кирова и Серго Орджоникидзе входит в Шушу. Жители хлебом и солью встречают освободителей. Карабах тоже становится советским»⁴⁵. Тот факт, что Азербайджан подвергся советизации на несколько месяцев раньше, чем Армения, сыграл резко негативную роль для дальнейших судеб армянского населения Шуши и Карабаха в целом [Walker 1991: 99–102]. Травматический опыт так называемого прямого голосования-референдума «за» вступление в юрисдикцию Азербайджана Сатеник и вовсе стратегично замалчивала, только с заученной старательностью расхваливая доктора и политического деятеля Наримана Нариманова. Для выживания своей семьи Сатеник была готова на все — вплоть до переименования своего единственного сына именем азербайджанского пропагандиста — Нариман⁴⁶. Несмотря на цепь пережитого физического и символического насилия над собой, Сатеник стала «стальной» в своих соцубеждениях личностью-эмблемой, принявшей власть Советов как гарантию спасения от физической расправы.

Словом, Сатеник как-то очень плавно вписалась в социальные институты советского строя. Очевидно, она была человеком, которому этот строй дал все, включая и саму жизнь. Тем более, что делить ей с Советами было уже нечего. Большая часть ее имущества была разграблена, а то, что удалось спасти, она потратила на хлеб. Так она в одно мгновение редуцировала из привилегированного шушинского «буржуазного элемента» и «частника» в мартунинскую крестьянку и образцово-показательного *Homo Sovieticus*. Правда и то, что «непортативная» часть ее утраченного имущества покоилась где-то в Шуши, закопанная в земле и потопленная в колодце. Ее жизнь начиналась с чистой доски — и это совпало со сменой политического порядка. Перед ней открылось новое поле с новыми правилами игры; на нем можно было заработать новые очки, обрести новые ценности и новые стимулы к жизни и так обеспечить социальный успех детям и внукам.

---

⁴⁵ Гюль, К. К., Гулнев, А.Н., Надиров, А. А. (1971). *Советский Союз. Азербайджан*. М.: Мысль. С. 253.

⁴⁶ Сатеник, 1991.

Рис. 8. Верхняя мечеть Гевхар-аги (азерб. Yuxarı Gövhar Ağa məscidi)
Фотография Т. Шахраманяна
Fig. 8. Yukhari Govhar Agha Mosque (Azerb. Yuxarı Gövhar Ağa məscidi).
Photograph by T. Shahramanyan.

Рис. 9. Виды г. Шуши. Фотография Т. Шахраманяна
Fig. 9. Views of Shushi. Photo by T. Shahramanyan

Вернакулярная религиозность: Газанчецоц — не просто церковь

Газананчецоц, церковь св. Всеспасителя, является отправной точкой любой ментальной картинке Шуши — все, кто брал в руки карандаш, сначала размещал на листе бумаги Церковь. Аня называет ее «настоящая церковь»,⁴⁷ Татев — «наша церковь»⁴⁸. Для Элины это место их свиданий с мужем Арменом, с которым они нарождали шестерых детей: «Хотя моя любимая была Кананч, мы все же встречались в Газанчецоц»⁴⁹. Церковь выступает как этнический символ и сверх того — как индексированная память, стержень истории армянского квартала города. Накануне ритуального «матига» (жертвоприношения) к священнику Газанчецоца отправляли завернутую в белую ткань соль для освящения, благословения: намоленную соль скармливали жертвенной овечке. Газанчецоц, став центром духовно-ритуальной жизни, установился как значимое место памяти *par excellence* с самого момента постройки. Речь о том, как перегруженные историческими, коммунальными и личными значениями этнические символы могут стать инструментом дискриминации — например, обращение с церковью весь советский период и даже хранение снарядов в стенах церкви как хорошо просчитанная безопасная стоянка и убежище в 1992 году оказались легким шоком по сравнению с тем, как с ней обошлись в 2020 году. Исторические битвы религиозных этнических символов смягчались в постсоветском армянском Шуши просвещенными благодетелями (Рубен Варданян, в настоящее время находится в заточении в бакинской тюрьме, который принципиально выделил средства для реконструкции и достойного содержания шушинских мечетей, что расположены вблизи городского рынка).

Исторически широкую известность обрел женский монастырь *Шушва Кусаноц*, который славился тем, что, ломая патриархальный стандарт, «продуцировал» священников-женщин. Наиболее аутентичные описания монастыря приводятся в мемуарах вышеупомянутого Овсеп Юзбашяна. Он описывает, как в монастыре праздновали Вербное Воскресенье — Тзагказарт и свидетельствует, что монастырь постигла полная драматизма участь — жестоко убив монахинь и отца Арутюна, погромщики сожгли его. Чудом выжить удалось только сестре Егине [Yuzbashian 2017: 131–135].

Были в окрестностях Шуши и другие сакрализованные объекты, например, Исабулаг (бук. с азерб. «Ручей Исы»), который Армине, жительница Шуши до 2020 года, называла также Исааки ахпюр⁵⁰.

⁴⁷ Аня, ж., зап. Эвией Карапетян в 2021 году в г. Степанакерт, де факто НКР*.

⁴⁸ Татев, ж., 1972 г. р., зап. Тиграном Амиряном в 2021 году в г. Степанакерт, де факто НКР*.

⁴⁹ Элина, ж., 1986 г. р., зап. Ноной Шахназарян в 2021 году, в г. Степанакерт, де факто НКР*.

⁵⁰ Армине, ж., зап. Тиграном Амиряном в 2020 году, в г. Степанакерт, де факто НКР*.

В рамках «программы» поствоенного «ремонта» и бизнес-проекта местный волорд Самвел Карапетян-Огановский и олигарх из Армении по кличке Немец Рубо превратили популярный локус в свой «объект» для выколачивания прибыли. Превращение сакрализованных народных мест типа Исабулаг явно меняло мифологизированные ландшафты города, часто подвергая местность диснеизации. Однако жители Шуши были ничуть не против, воспринимая такие «инвестиции», скорее, как благо, чем ущерб.

Переключаясь обратно на исторические оптики, я могу отметить ту же неизменную сфокусированность на храмовом комплексе Газанцеоц. Христианство не занимало в пост-шушинской жизни Сатеник ровным счетом никакого места, однако религиозность все же присутствовала — только имела она явные языческие референции. Тем не менее, Газанцеоц занимала центральное место в ее травматической памяти. Собственно, это был квартал города, где она прожила счастливые годы своей молодости. После шушинских громов Сатеник так и не решилась посетить столь милый ее сердцу Шуши. Не исключено, что по политическим соображениям, а может, и не хотела беречь прошлое. Но позже в 1950-е годы семейные обстоятельства привели ее туда. По патриархальной традиции жить в новом доме Сатеник остался ее единственный сын Нариман, у которого народилось пять дочерей. Как упоминалось, из-за горного воздуха Шуши всегда считался рекреационным поясом, курортным местом, и детей Наримана отправляли в пионерлагеря в Шуши. И стоило это недорого в чадолюбивой советской стране — всего 18 рублей за путевку. Проблема была лишь в том, что в связи с дефицитом мыла (*sarinyu pakas tareya ylyal*) дети хватали в лагере вшей, и потом приходилось их подолгу выводить. Второй дочери Наримана Рае посчастливилось попасть в Шуши даже дважды. Рая, ныне покойная жительница южнороссийского города Геленджик, в 2008 году успела зафиксировать некоторые детали:

Я запомнила, как папа мой Нариман (мы его по имени только могли называть, а Папой Аванеса называли), приехал меня навестить в пионерлагере в Шуши на своем служебном мотоцикле с люлькой. Он приехал с Мамой, то есть бабушкой моей Сатеник. Пошли потихоньку смотреть церковь, ну и место, где она раньше жила, а там одни развалины. Расстроилась она, расплакалась. Нариман ее успокаивал, помню⁵¹.

По рассказам невестки Сатеник Жени, позже они снова поехали в Шуши на машине. Дом располагался вблизи Газанцеоц, вид которого оставил удручающее впечатление. Когда Сатеник прогу-

---

⁵¹ Рая.

ливалась по развалинам своего дома, ее стальные нервы не выдержали:

Мама стала прямо руками землю бередить и откопала медный ковш с ручкой со своего тогдашнего скарба. Не смогла дальше искать, расстроилась. Да ведь и страшно тогда все это было делать, если узнают — партийная все же была, именитая. Даже вспоминать громко о случившемся в Шуши боялись. Привезли домой этот ковш. Она с ним носилась. Ничего особенного, а слез было...⁵²

Заветный ковш до последнего времени лежал в мартунинском сарае, который разнесло в щепки во время последней дронной войны 2020 года.

Обе значимые церкви — Газанчеоц и Кананч — постигли страшные участи в ходе войны 2020 года, которая стала новым рубежом жизни города. 8 октября 2020 года азербайджанские силы дважды нанесли по церкви ракетно-бомбовые удары. В результате один из куполов церкви был частично поврежден. Купола сняли под предлогом реставрации, с ворот сняли также ангелов и кресты. Независимой экспертной группе от ЮНЕСКО был наложен запрет на въезд в Шуши. В Карабахе опасаются, что «реставрация» означает перестройку церкви в албанском стиле, в общем фрейме «албанизации» присутствия армян в регионе — переписывание истории в духе приписывания армянским артефактам албанского происхождения. Следующим шагом на международной сцене стала борьба за переименование церкви из Газанчеоц в Газанчи, то есть явная тюркизация названия церкви. «Победой» армянских переговорщиков в ЕС стало то, что теперь название церкви будут писать хотя бы через косую черту — Газанчеоц/Газанчи.

Поговаривают, что Зеленую церковь (Кананч) постигла участь пострашнее — ее взорвали, а «Хары бюльбюль Азербайджан» — новое название Гранд Отеля, что был отстроен вблизи церкви Кананч (Зеленая) московскими бизнесменами братьями М. Пока что Шуши — это город-призрак, в котором, однако, заключаются соглашения, ведутся переговоры и скрепляются договора. К пригорьби братьев-инвесторов, эти переговоры ведутся сегодня в роскошных залах Гранд Отеля «Хары бюльбюль».

Вернакулярный совок: воспоминания — неопубликованные книги

Как и везде, советские люди в Карабахе делились на тех, кто каким-то образом смог искренне поверить в слоганы и пафосные

⁵² Женья, 2012.

советские идиологемы, интериоризировав роль честного «строителя коммунизма», и на других, кто успешно «шизофренировал»⁵³. Интересно, как эти роли создали настоящие баррикады внутри советских семей. Коммуналок в Карабахе не было, но параноидальная слежка всех за всеми стала нормой того времени. В этом контексте бытовая сумка «сетка» (авоська) в хозяйстве и прозрачное проводочное ограждение — тоже сетка — в домостроительном быту — приобретают тождественный смысл государственного панкоптикума, осуществляемого «снизу», при помощи самих граждан, при помощи атмосферы всепронизывающего страха, доносов и анонимок [Suny 1993: 156]. Отсутствие физического пространства для развития приватности, эта самая авторитарная «прозрачность», буквальное и стратегическое отсутствие занавесей для удобства подсматривания и подслушивания были *sine qua non* советской повседневной культуры. Однако Сатеник сумела создать островки своей приватности. Это были ее печально известный дневник и пресловутый сундук, в котором она прятала свои материальные и эфемерные секреты.

Сохранились две публикации о ней в местной газете «Ашхатанк» («Работа»). В первой (1977) резюмируется весь ее жизненный путь в славной советской стране. Вторая публикация (1980) — это, по существу, ремарка или подпись: три строки, помещенные под фотографией, сделанной специально для этого случая фоторепортером. На фото — коммунистическая идиллия: заслуженный ветеран с 48-летним партийным стажем Сатеник Каграманян при всех медалях и орденах сидит на своей кровати, а ее правнучка-школьница в белом фартуке и с пионерским галстуком читает ей газету «Ашхатанк». Подпись гласит: «Газета “Ашхатанк” в каждом доме желанный гость. Очевидец установления Советской власти в Азербайджане, преданный коммунист, старожил Мартуни Сатеник Каграманян с особым интересом знакомится с нашей газетой»⁵⁴. В крестьянской части своей биографии в публичной самопрезентации Сатеник ни словом не упоминала Шуши и свою связь с городом:

Родилась в с. Гарагышлаг. Детства не было. Горькой судьбой заброшенная в с. Чартар, прислуживала, нянчила детей в доме богатого человека. Свет Октября достиг и Чартара. И я наряду со многими получила право строить свою жизнь свободно. Вышла замуж и переехала в Мартуни (прежнее название Хонашен). Наша семья была третьей в Хонашене. Постепенно разросся и Хонашен, сюда съезжались люди со всех сел района. В 1930 г. одни из первых мы связали свои судьбы

⁵³ Воронков, В. (2015). Советский Лорд Волян-де-Морт. *Аналитикон*, 83(11). Режим доступа: <http://theanalyticon.com/?p=7148&lang=ru>

⁵⁴ Газета Ашхатанк в каждом доме желанный гость, с фото (1980). *Ashxatank*, орган Мартунинского КП Азербайджана и Райсовета д/т №36 (2000) 22 марта 1980 г., с. 2.

с коллективным хозяйством. Была немного грамотна, начала учить женщин читать-писать⁵⁵...

Если вообразить альтернативные линии истории, что советский строй установился, но армянских погромов в Шуши не было, семья Сатеник, с высокой вероятностью, подверглась бы раскулачиванию и ссылке. Однако жизнь Сатеник после этнической чистки в Шуши началась с белого листа. В новом политическом контексте ей удалось выстроить свои отношения с новой властью так, чтобы не пострадать от нее, а наоборот, получить пользу, организовать свою жизнь наилучшим по тем временам образом.

Вернакулярный дух вещи: недвижимость, золото, посуда и память о вещах-символах

Какие вещи остались в Шуши после не менее экстренного бегства из города в ноябре 2020 года, когда некоторые из шушинцев, прихватив самое важное для себя, даже не смогли завести свою машину и уехать на ней, потому что услышали голоса приближающихся военных-азербайджанцев⁵⁶. Солдаты наступали на пятки, рассказывает Татев, поэтому пришлось бежать пешком, лесом, по перелескам. Среди значимых вещей, оставленных в «новом» армянском Шуши его новыми и не столь новыми шушинцами, упоминаются фотоальбомы и вещи-символы, которые отчаянно хотелось забрать⁵⁷. Остальные постоянно упоминаемые вещи забрать было невозможно — Газанчецоц, Гранд Отель, Дзиатап-Дждрдюз, Аван-плаза. Вещи такого порядка были оставлены в городе и азербайджанцами в 1992 году — кроме мечетей и владений аристократов, среди них гимназия азербайджанской поэтессы-феминистки Хуршудбану Натаван, дом-музей Узеира Гаджибекова, дача семьи Бюль-Бюль Оглы. Полад Бюль-Бюль Оглы сыграл одну из главных ролей в советской музыкальной комедии Юлия Гусмана «Не бойся, я с тобой». Неоднократно упоминая о фильме, некоторые шушинцы говорили, что Полад Бюль-Бюль Оглы (Теймур) сыграл в паре с армянином Амаяком Енгибаряном, хотя на самом деле партнером актера по фильму был Мухтарбек Кантемиров. Говоря так, тоскуют ли они по советскому *paх sovietica*, или отчаянно конструируют новые модели мира? Одна из «новых» шушинок, Армине, с благоговейным трепетом рассказывает о визитах посла Азербайджана в России:

---

⁵⁵ Газета Анхатанк, орган Мартунинского РК КП Азербайджана и Райсовета д/т (1977). *Ashxatank № 79* (1583) 7 июля 1977, с. 2 (на арм).

⁵⁶ Серия интервью, собранные в Степанакерте и в Ереване в 2020 и 2021 г. Тиграном Амрином, Эвней Карапетян и Гоар Степанян в рамках проекта «Ментальные карты Шуши»

⁵⁷ Жанна, ж., 1965 г. р., зап. Ноной Шахназарян в декабре 2020 года в г. Ереван, Армения.

Полад Бюль-Бюль Оглы дважды приезжал в Шуши «в мирное время», то есть после первой карабахской войны, как гражданин России. Но он, знал зачем едет — там музей его отца. А наши его тепло встретили, говорят в конце — Яхшы йол! (Доброго пути!)⁵⁸.

Он посетил свою летнюю дачу и, по рассказам очевидцев, остался доволен тем, что она попала в «хорошие руки» пожилой беженки из Баку, которая хорошо за ней присматривает. Возвращение шушинского добра фигурирует как сокровенное желание и среди армян, и среди азербайджанцев.

Переключаясь на исторический регистр памяти, мы получаем незавершенный, не законченный цикл или спираль блуждания вещей в пространственно-временном континууме. Путь некоторых вещей из процветающего города Шуши, память об этих вещах, говорящих о былом блеске города, выступает как редкий случай торжественно-справедливого хеппи-энда, когда, совершив роковой круг, вещь возвращается к хозяйке. Внучка Сатеник, младшая дочь Наримана Лариса вспоминает про удивительный случай, имевший место в 1984 году:

Я работала в исполкоме. Аванесян hАмик, наш секретарь окружного комитета, он корнями из села Сос, вызывает меня в свой кабинет и говорит буквально следующее: «Вы — внучка Согомонанц Сатеник?» — «Да, — говорю, — это бабушка моя». — «Она жива?» — «Да». — «Отвезешь меня к ней?» — «Да», — говорю. Садимся в его служебную «Волгу» и едем к Сатеник-татик. Здравствуйте-здравствуйте. Представляю его бабушке — член бюро окружкома. А она сама до конца Советского Союза была почетным членом этого самого бюро. Такто в собраниях уже по старости не участвовала, но числилась. Что означало, что на все праздники, 8 Марта, 1 Мая, 7 Ноября, ей присылали приглашительные билеты на все мероприятия, дарили подарки, предоставляли слово для выступления с трибуны... Ну, как заслуженному человеку, партийному работнику. Ей поэтому показалось, что он как раз приехал по такому вот поводу, пригласить ее на какое-то мероприятие. Ну, ситуация привычная для нее. Захлопотали, подали чай, расселись. И он вдруг совершенно неожиданно для нас запускает руку в карман и достает пять николаевских монет и кладет их перед ней на стол. Мы оцепенели. Она не верила своим глазам. Спрашивает его: «Откуда ты знаешь, что это мое золото?» А он говорит, что бабушка ему рассказала, что такая вот женщина, шушинка, имя назвала, в такое-то время с ребенком на руках подходила к туруну, когда мы пекли

⁵⁸ Армине, ж., примерно 1971 г. р, зап. Тиграном Амрияном в 2020 году в г. Степанакерт, де факто НКР*..

хлеб. Давала монету и брала хлеб. Один золотой за одну лепешку хлеба. «Мы тогда тоже в нужде были, времена тяжелые были, и я брала это золото. Но я оставила его, не растратила, хранила на черный день». — «Теперь бабушка вот уже второй месяц не встает с постели. Непокойно ей, просила меня разыскать вас и вернуть ваши монеты, чтоб со спокойной душой представиться богу». Да, он еще поинтересовался, что стало с тем ребенком. Сатеник рассказала, что Амест выучилась на фармацевта в Ереване, вышла замуж, живет тоже в Мартуни, но в Мартуни в Армении... Такие вот разговоры были. Такая вот история, прямо на моих глазах все произошло⁵⁹.

Женя вторит дочери:

Да, правда, вернула Сара золотые. Слышала я от людей, что эта Сара, что маме в голод хлеб продавала, совестно ей потом было, что с бездомных, оборванных шушинских беженцев деньги за хлеб брала. Вернуть пожелала их перед смертью. Муж у нее ослеп, говорят... наверное, думала, что за этот грех их бог наказывал. Говорили люди, призраки ее мучили — женщина статная, высокая, стоит возле туруна с ребенком на руках, дожидается, потом золотой протягивает, берет хлеб и уходит. И так несколько дней подряд... а кольца свои памятные, дорогие ее сердцу, она специально разыскивала потом, в 50-е, когда крепко на ноги встала, выкупить назад хотела — не вернули, отрицали. Не было такого, говорят. Видишь, разные люди встречаются. Отказывались, мол, не было такого, никаких колец они на хлеб не меняли. А Карабах, он небольшой, она все помнила, когда, кому, что отдала... Память о первом муже была, понимаешь. Я так думаю. Она сама особо об этом не распространялась⁶⁰.

Сама Сатеник не любила тему потерь в Шуши и тему армяно-азербайджанского противостояния. С годами предпочитала соблюдать некую камерность, когда эти разговоры все-таки заводились: в позднесоветский период определенные регистры ее памяти будто полностью отключались. Часто она говорила сухим, официальным языком — языком констатации фактов: минимум деталей, как бы сворачивание рассказа, раз уж не удалось избежать его вовсе. На моей памяти лишь однажды предательская фраза обнаружила ее потаенные мысли и страхи. Она позволила себе высказать горькое замечание своей внучке Лауре, счастливо живущей с семьей в Азербайджане: «Как тебе не страшно жить среди них, после всего что было?» Лаура от этих слов отмахнулась, ссылаясь на давность произошедшего и твердо веря в незыблемость советской «дружбы народов».

⁵⁹ Лариса.

⁶⁰ Женя, 2012.

Вернакулярная свобода-1988: Миацум и шушинские реминисценции

Карабахское движение в азербайджанской Шуше встретили в штыхки. Вдруг откуда ни возьмись выросла экологическая проблема, связанная с исчезновением «исконно национальных видов цветов и бабочек» в прилежащей к Шуше Топхане и на лугах близ плато Дждрдюз. За семьдесят лет советской власти националистическая политика постепенного выдавливания армян из города привела к тому, что в Шуши остались жить только армяне из с. Каринтак. Именно это не так давно и дало повод известным политикам объявить, что Шуши — мрачный город, который до карабахской войны был на 90 процентов азербайджанским. Забегая вперед, сообщу, что именно армяне-шушинцы родом из Каринтака, и в этом каринтакцы уверены, стали первыми беженцами в истории карабахского конфликта. «Поскольку мы бежали в свое родовое село, оно тут близко от Шуши, то это осталось совсем незамеченным»,⁶¹ — жаловалась Жюля в октябре 2016 года (ей вторил каринтакец Лерник)⁶².

Однако и путь к выдворению из Шуши в 1988 году был тернистым, опасным и токсичным. По рассказам А., в Шуши в дни антиармянских демонстраций женщину-армянку лет 50 заставили выйти к демонстрантам и выступить с трибуны. Посыл ее обращения был почти безобидным — *мы многие годы жили в мире и согласии, и мы не хотим отделяться от Азербайджана*. В завершение своей вполне советской речи ей подсунили, по-восточному, поднос с конфетами-ширинлик (*shirinliq* — в пер. с азерб. «сладость»), которые она под диктовку хватала и жменями бросала в толпу — в знак мира и дружбы. Видеорепортаж прокрутили по азербайджанскому телевидению, то есть по местному карабахскому в том числе. Вскоре женщина была убита армянскими радикал-националистами, которые навесили на нее ярлык «предателя нации». Организаторов убийства, то ли по привычке, то ли действительно на основании каких-то сведений, называли шепотом дашнаками⁶³.

Карабахское движение Сатеник тоже встретила в штыхки. В дни первых же демонстраций она повторяла обреченно, истово колотя себя по коленям: «Дом мой рушится, как же вы слепы, не видите, все наши дома рушатся» (идиома: дом как символ жизни — *tonys kylxes khandvits*). Слова ее были пророческими, и не только в символическом смысле, а в прямом, в буквальном. Это случилось в 1992 году, в несколько этапов — от первого до четвертого бомбового попадания. Первое попадание снаряда в мартунинский дом Сатеник было смешным. Снаряд от «Града» угодил в окно первого

⁶¹ Жюля, 1963 г. р., зап. Ноной Шахназарян в 2016 году, г. Шуши, де факто НКР*.

⁶² Лерник, 1978 г. р., зап. Ноной Шахназарян в 2025 году, г. Ереван, Армения.

⁶³ Арменак, 1922 г. р., зап. Ноной Шахназарян в 2001 году, Мартуни, де факто НКР*.

этажа, где хранились продукты; точнее он попал в мешок с сахаром, так и не разорвавшись: сахар растаял, обуглился, но взрыва не было.

Смеху было. Смех очень помогал все переносить. К примеру, в самом начале при стрельбе в нас «Алазанью» не каждый снаряд разрывался. Ну, лежит себе перед домом или в бахче. Ну, где люди такое раньше видели? Старушка одна накрыла неразорвавшийся снаряд железным тазом и думала, защитилась от него,

— вспоминал Роберт, муж Лауры, внучки Сатеник⁶⁴.

Последнее бомбовое попадание пришлось на 15 апреля — в день смерти Сатеник. Снаряд установки «Град» вывернул ее двор наизнанку и сравнял остатки ее дома с землей. Очевидица случившегося Лаура вспоминает:

В тот день азербайджанцы нещадно бомбили с Агдама, лупили из «Града» безостановочно. В блокаде мы, только вертолеты к нам изредка прилетали. Женю кое-как, с трудом отправили в Грозный, к Рае, боялась она сильно. В Мартуни остались я, Роберт и Мама [Сатеник]. Вечером это случилось, около десяти. Я с Р. были в бомбоубежище, Мама не ходила с нами, отсиживалась на своем табурете возле нашего бывшего хлева. В 10:20 мы вышли из убежища, чтоб посмотреть, как там Мама. Тут пушкой стали стрелять, и мы снова вернулись в блиндаж. В 11 все стихло, и я снова вышла и слышу слабый зов Мама — Лаура, Лаура! Темень — хоть глаз выколи. Подбегаю — а она лежит на земле, вся окровавленная, тело изрешечено осколками от пушечного снаряда. И она мне четко, трезво, твердым голосом проговорила: «Душа моя (matagh unim), мне не нужен доктор, не нужно ничего, я все равно не буду жить, зачем мне жить — мое владение на моих глазах разнесло в щепки (miulkhys ashkes yrrychin tsreva yeke l). Нет ни дома, ни двора, незачем мне жить». Соседи Славик и Олег положили ее на носилки и пешком посреди ночи понесли в больницу. Доктор Гаспарян оперировал ее, но она истекла кровью, не выжила. А утром я увидела двор и ужаснулась: тутовые деревья торчали корнями вверх, а на ветках и корнях белые лохмотья как на праздничной елке. Мы накануне белье замочили в тазу, и вот это все белье постельное, белоснежное в клочья разнесло. Глазам не могла поверить, да что это, где я, это сон, может?.. толстые стволы, представь. А от

⁶⁴ Роберт, м., 1940 г. р., зап. Ноной Шахназарян 2006 году в г. Краснодар, Россия.

дома и камня на камне не осталось — груды мусора. И все это она видела, все прямо на ее глазах⁶⁵.

Лаура заказала деревянный гроб, который сколачивать было не из чего — древесина ушла на дрова. Сосед-беженец, Сержик Евлахский, из подручных средств сколотил подобие гроба. На следующий день снова начали бомбить к моменту похорон Сатеник. Кое-как несколько мужчин погрузили гроб в грузовик и в те 40 минут между зарядкой «Града» успели наскоро вырыть яму и похоронить ее. Многие хотели присутствовать на похоронах, но по дороге на кладбище началась бомбежка: кто вернулся с полшуги, кого ранило, кого убило. Даже внучка Лаура не могла присутствовать при погребении. Были только ее племянник Гариб, сын брата Сатеник Петроса, со своими тремя сыновьями, водитель грузовика и могильщик. Наскоро засыпали землей. Никаких поминальных обедов (*myrylyahats*): «Есть было нечего, сидели в подвале с крысами, голодные, холодные, до смерти перепуганные. Вот так... Кто думал, что мы вот так вот похороним Маму, без почета. Кому могло такое даже присниться», — завершает свой рассказ Лаура⁶⁶.

Моей прабабушке Сатеник не нравился образ жертвы, и она ею не была. Этот образ она на себя и не примеряла в разноцветном калейдоскопе идентичностей, сменяющих одна другую на протяжении относительно долгой жизни. Жестоко попирая все «нормы» и вековые локальные стереотипы, Сатеник выступала всегда в активной роли, не принимая навязываемую патриархальной идеологией роль пассивной жертвы — в общем, «нормальную» женскую роль. Так она утверждала свое активное человеческое начало, не просто возносясь над местными идеологиями, но смело их ломая.

Менее чем через месяц, 9 мая 1992 года город Шуши, возвышающийся на горе над Степанакертом, был взят армянскими силами обороны. Высокопоставленный муж ее внучки Ларисы горевал, что что бабушка Сатеник немножко не дожидала до своей мечты — пойти в свой район в Шуши, где она выросла, и без страха посмотреть на то, что осталось от ее родной церкви Газанчеоц, даже если на ее месте пустырь. Спустя 72 года церковь Сатеник отреставрировали, чтобы потерять ее снова в загадочных военных операциях в ноябре 2020 года.

15 апреля 2002 года родня Сатеник съехалась в Мартуни помянуть ее, накрыть для народа столы и выполнить положенный ритуал... постфактум.

---

⁶⁵ Лаура, 2008.

⁶⁶ Лаура, 2008.

Рис. 10. Город Шуши, центральная площадь (с памятником герою войны Вазгену Саргсяну — сидит на скамейке), 28 февраля 2020 года. Фотография Л. Матевосян

Fig. 10. Central square of Shushi (with monument to war hero Vazgen Sargsyan on a bench), 28 February 2020. Photo by L. Matevosyan

Вернакулярная (двойная) топонимика и гений места: город богатых и этносимволы

Автор и вдохновитель книги «Я жил в Шуши» Овсеп Юзбашян описывает армянскую часть города и его жителей в такой манере, что читатель по очереди погружается в каждый из домов квартала. Каждый из шушинцев постоянно плетет и переплетает свои преломленные в этническом и персонализированном опыте нарративы о месте, о квартале и его жителях, о семьях и фамилиях и их стилях жизни, о личных отношениях между шушинцами, о повседневных практиках. Книга, автор которой рассказывает о том, в какой манере «пишутся локальные истории и складываются дискурсы об этническом месте», тесно связанные с «пространствами памяти» (spaces of memory), посвящена разнообразным проявлениям этой самой этнизированной идентичности в Шуши. Этнические символы интерпретируются в мемуарах Овсепе также в терминах потребления. Они служат инструментом индексации традиционализированных социальных памятей. Описания Юзбашяна наглядно иллюстрируют процессуальность того, как память о фольклорных практиках (как то: трапезы, салонная жизнь, ритуальное поедание мяса животного в священных местах, танцы на улицах города, будни [Yuzbashyan 2017]) может наделять пространства городского квартала «чувством этнического места», способствовать производству новых значений и возникновению того, что Тимоти Тангер-

лини называет «концептуальными картами» и чувством фольклорной географии [Tangerlini 1996: 149]. Но при этом обрывание этих повседневных практик на долгие годы не способствует забвению, если не наоборот, обостряет память об утраченном этнизированном месте. Прекращение регулярных посещений первого театра в Шуши — театра Мкртича Хандамирова (Хандамиряна) — никак не означало забывания этих походов, наоборот, застревало в памяти, становясь семейным нарративом о корнях.

В свою очередь, фольклористы заметили, что повседневные практики могут усиливать социальный порядок; в то же время эти практики составляют форму вернакулярной культуры [Buccitelli 2016: 159]. Этнические нарративы из прошлого служат легитимации современных посылов и самовыражений, создавая интертекстуальность, о которой часто говорят в современных неклассических исследованиях города или в рамках дисциплины социальная география. В вертикальной перспективе (по Михаилу Бахтину) патримониальная интертекстуальность предоставляет огромную власть для примордиализации как текстов, так и культурных реальностей, которые они репрезентируют [Briggs, Bauman 1992: 131–134].

«Стоя перед окном ее [Хуршудбану Натаван] комнаты, я понял, откуда она черпала вдохновение», — делится в своем Instagram французский фотограф Реза Дегати⁶⁷.

«Это проникает в тебя вместе с водой», — рассматривая фотографии шушинского периода из семейного альбома, убежденно говорит азербайджанец-уроженец Шуши⁶⁸.

Именно эти взаимовлияния и власть проявляются через устойчивую связь символов и дискурсов. Татев Хосровян, проживавшая в Шуши в квартале Тюрьмы (*Тюрми таг*), заявляет об этом в ожидании, что слушатель знает подноготную. Исследования риторических и нарративных тактик вокруг этносимволов помогают понять экспрессивные техники, с помощью которых выстраиваются и поддерживаются сложные символические ассоциации. «Моя мама — коренная шушинка и Шуши — мой дом. Шуши — это фантастика: там тепло, хотя находится на вершине 1800 м», — ностальгически смотря вдаль, говорит о потерянном городе А⁶⁹. Разные исторические слои вернакулярной памяти, индексированные в символах, функционируют в режиме интертекстуальности, которая наделяет мощным инструментом заказа исторического и/или социального дискурса. Исходя из рассуждений Буччителли, интертекстуаль-

⁶⁷ <https://www.instagram.com/p/CKtKpbihyX8/> Компания Meta, деятельность которой запрещена в России.

⁶⁸ <https://www.bbc.com/russian/media-58671217>

⁶⁹ А., примерно 1982 г. р., зап. Тиграном Амиряном в 2021 году в г. Степанакерт, де факто НКР*.

Рис. 11. Вид Театральной улицы г. Шуши после пожара 1905 года
Fig. 11. View of Teatralnaya Street, Shushi, after the 1905 fire

ность обладает властью натурализовать как сами тексты, так и культурные реалии, которые они репрезентируют. В этом смысле 1920 год стал мощным вызовом «чувству этнического пространства». Вступает в силу принцип групповой идентичности «кто с нами чувствует, тот — свой». Шуши выступает как символ конфликта не в последнюю очередь ввиду трагизма событий 1920 года и тщательно хранимой народной памяти о них. Цитируемые в тексте выжимки из интервью оголяют разломы и социальные деления *тогда* и *сейчас* — территориальные, гендерные, классовые, статусные. Каро и Нарине считают свое пребывание в качестве «новых» жителей Шуши вполне легитимным, потому что здесь в Шуши похоронены останки их предков, потому что их дед, преодолевая непогоду, отвесные скалы, ущелья и холодные горные реки, спасался бегством и нашел пристанище в Тагаварде, который, как новая реальность, снова захвачен азербайджанцами. Бабушка Каро мечтала

быть похороненной в Шуши, и он осуществил ее мечту, даже если это стоило ему инвалидности в первую войну⁷⁰.

Для рассмотрения связей между символами и дискурсами наиболее показательными представляются церкви-мечети, гимназии-училища, институты производства «вернакулярной культуры». В попытках найти адекватную (ре)концептуализацию для «магического, фантастического места» (формулировка, данная партнерами по интервью), я пытаюсь вычлнить репрезентированные в текстах интервью эмблематические и символические места, которые и составляют совокупность того, что называют «чувством локального пространства». Многочисленные интервью и другие письменные и визуальные источники показывают, что эмблемы Шуши для армян (Газанчецоц, учебные заведения, типографии) и для азербайджанцев (дом дочери последнего хана, азербайджанский цветок и вид национальной бабочки) обычно разнятся, но, бывает, и сходятся (Джыдырдыз-Дзиатап, Каринтак-Дашалты, Исабулаг-Исааки ахпюр). Это дает поводы журналистам говорить о том, что Шуши – культурный центр для азербайджанцев и имеет религиозное значение для армян (см. репортаж русской службы ВВС)⁷¹. Безусловно, символы бесконечно реинтерпретируются. Для многих пост-1992 шушинцев город – символ демократических ценностей и колыбель новой культуры социального равенства и справедливости: в Шуши располагался Женский кризисный центр (филиал Женского кризисного центра в Ереване, директор Гаяне Амбарцумян). Ровно в это верит и Лиза, дочь Гаяне.⁷²

Литература

- Богатырев, П. Г. (1971). *Вопросы теории народного искусства*. М.: Искусство.
- Богатырев, П. Г. (2006). *Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы)*. М.: ИМЛИ.
- Дэвис, Н. З. (1990). *Возвращение Мартена Герра*. М.: Прогресс.
- Лисицан, С. (1992). *Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк*, 65–66. Ереван: Издательство АН Армении.
- Нора, П. (1999). *Между памятью и историей. Проблематика мест памяти*. В П. Нора, М. Озуф, Ш. Пюимежа, М. Винока. *Франция – память*, 17–50. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Alexander, J. C., Eyerman, R., Giesen, B., Smelser, N. J., Sztompka, P. (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*. University of California Press.
- Altstadt, A. L. (1992). *Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule*. Hoover Press.

⁷⁰ Каро, м., примерно 1975 г. р., зап. Тиграном Амрияном, 2021 году в г. Ереван, Армения.

⁷¹ <https://www.youtube.com/watch?v=Htzlh7hwHz8>

⁷² Гаяне, ж., 1971 г. р., и Лиза, ж., 1996 г. р., зап. Ноной Шахназарян в 2009 году в г. Шуши, де факто НКР*.

- Arva, E. C., Roland, A. (2022). Traumatic Imagination in Traditional Stories of Gender-Based Violence. *AMA Journal of Ethics*, 24(6), 530–534.
- Bakhtin, M. M. (2001). The Problem of Speech Genres. In A. Jaworski, N. Coupland (Eds.). *The Discourse Reader*. London and New York: Routledge.
- Berger, H. M., Negro, G. D. P. (2004). *Identity and everyday life: Essays in the study of folklore, music and popular culture*. Wesleyan University Press.
- Bodnar, John E. (1989). Power and Memory in Oral History: Workers and Managers at Studebaker. *The Journal of American History*, 75(4), 1201–1221.
- Borghini, E. N. (2023). Engaging with Trauma: From Reflections on a Survivor's Experience to Developing a Trauma-Informed Approach. *Teaching Anthropology*, 13(2), 63–74. <https://doi.org/10.22582/ta.v13i2.722>
- Briggs, C. L., Bauman, R. (1992). Genre, Intertextuality, and Social Power. *Journal of Linguistic Anthropology*, 2(2), 131–172.
- Bruce, G. (2004). An Average Azeri Village (1930): Remembering Rebellion in the Caucasus Mountains. *Slavic Review*, 63(4/Winter 2004), 705–731.
- Buccitelli, A. B. (2016). *City of neighborhoods: Memory, folklore, and ethnic place in Boston*. University of Wisconsin Press.
- Durand, G. (1964). *L'Imagination Symbolique*. Presses Universitaires de France.
- Grant, B., Yalcin-Heckmann, L. (Eds.). (2007). *Caucasus Paradigms. Anthropologies, Histories and the Making of a World Area* Ed by Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. Lit Verlag.
- Hovannisian, R. (Ed.). (1997). *The Armenian People from ancient to modern times, II*. New York: St. Martin's Press.
- Martin, T. (2003). *The Affirmative Action Empire. Nation and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Chicago: University of Chicago.
- Rahimi, S. (2021). *The Hauntology of Everyday Life*. Palgrave Macmillan.
- Ruddick, S. (1980). Maternal Thinking. *Feminist Studies*, 6(2/Summer), 342–367. <https://doi.org/10.2307/3177749>
- Ryden, K. C. (1993). *Mapping the Invisible Landscape: Folklore, Writing, and the Sense of Place*. Iowa City: University of Iowa Press.
- Shami, S. (2007). The prehistory of globalization: Circassian identity in motion. In B. Grant, L. Yalcin-Heckmann (Eds.). *Caucasus paradigms. Anthropologies, histories, and the making of a world area*. Berlin: Lit Verlag.
- Suny, R. G. (1993). *Stalin and the Armenians. Looking Toward Ararat: Armenian in Modern History*. Palo Alto, Stanford University Press.
- Tangherliini, T. R. (1999). Remapping Koreatown: Folklore, narrative and the Los Angeles riots. *Western Folklore*, 58(2), 149–173. <https://doi.org/10.2307/1500164>
- Walker, C. J. (1991). *Armenia and Karabagh: The Struggle for Unity*. London: Minority Rights publications.
- Yuzbashian, H. (2017). *I lived in Shushi*. Yerevan: Antares.

References

- Alexander, J. C., Eyerman, R., Giesen, B., Smelser, N. J., Sztompka, P. (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*. University of California Press.
- Altstadt, A. L. (1992). *Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule*. Hoover Press.
- Arva, E. C., Roland, A. (2022). Traumatic Imagination in Traditional Stories of Gender-Based Violence. *AMA Journal of Ethics*, 24(6), 530–534.
- Bakhtin, M. M. (2001). The Problem of Speech Genres. In A. Jaworski, N. Coupland (Eds.). *The Discourse Reader*. London and New York: Routledge.

- Berger, H. M., Negro, G. D. P. (2004). *Identity and everyday life: Essays in the study of folklore, music and popular culture*. Wesleyan University Press.
- Bodnar, John E. (1989). Power and Memory in Oral History: Workers and Managers at Studebaker. *The Journal of American History*, 75(4), 1201–1221.
- Bogatyrev, P. G. (1971). *Theory of Folk Art*. Moscow: Iskustvo. (In Russian).
- Bogatyrev, P. G. (2006). *Functional-structural study of folklore (Little-known and unpublished works)*. Moscow: Institut mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo. (In Russian).
- Borghini, E. N. (2023). Engaging with Trauma: From Reflections on a Survivor's Experience to Developing a Trauma-Informed Approach. *Teaching Anthropology*, 13(2), 63–74. <https://doi.org/10.22582/ta.v13i2.722>
- Briggs, C. L., Bauman, R. (1992). Genre, Intertextuality, and Social Power. *Journal of Linguistic Anthropology*, 2(2), 131–172.
- Bruce, G. (2004). An Average Azeri Village (1930): Remembering Rebellion in the Caucasus Mountains. *Slavic Review*, 63(4/Winter 2004), 705–731.
- Buccitelli, A. B. (2016). *City of neighborhoods: Memory, folklore, and ethnic place in Boston*. University of Wisconsin Press.
- Davis, N. Z. (1990). *The Return of Martin Guerre*. Moscow: Progress. (In Russian).
- Durand, G. (1964). *L'Imagination Symbolique*. Presses Universitaires de France.
- Grant, B., Yalcin-Heckmann, L. (Eds.). (2007). *Caucasus Paradigms. Anthropologies, Histories and the Making of a World Area* Ed by Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. Lit Verlag.
- Hovannisian, R. (Ed.). (1997). *The Armenian People from ancient to modern times, II*. New York: St. Martin's Press.
- Lisitsan, S. (1992). *The Armenians of Nagorno-Karabakh: An Ethnographic Sketch*, 65–66. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of Armenia. (In Russian).
- Martin, T. (2003). *The Affirmative Action Empire. Nation and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Chicago: University of Chicago.
- Nora, P. (1999). Between Memory and History: The Problem of Sites of Memory. In P. Nora, M. Ozouf, S. Puihmezha, & M. Winock, *France—Memory*, 17–50. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
- Rahimi, S. (2021). *The Hauntology of Everyday Life*. Palgrave Macmillan.
- Ruddick, S. (1980). Maternal Thinking. *Feminist Studies*, 6(2/Summer), 342–367. <https://doi.org/10.2307/3177749>
- Ryden, K. C. (1993). *Mapping the Invisible Landscape: Folklore, Writing, and the Sense of Place*. Iowa City: University of Iowa Press.
- Shami, S. (2007). The prehistory of globalization: Circassian identity in motion. In B. Grant, L. Yalc in-Heckmann (Eds.). *Caucasus paradigms. Anthropologies, histories, and the making of a world area*. Berlin: Lit Verlag.
- Suny, R. G. (1993). *Stalin and the Armenians. Looking Toward Ararat: Armenian in Modern History*. Palo Alto, Stanford University Press.
- Tangherliini, T. R. (1999). Remapping Koreatown: Folklore, narrative and the Los Angeles riots. *Western Folklore*, 58(2), 149–173. <https://doi.org/10.2307/1500164>
- Walker, C. J. (1991). *Armenia and Karabagh: The Struggle for Unity*. London: Minority Rights publications.
- Yuzbashian, H. (2017). *I lived in Shushi*. Yerevan: Antares.

ДЕТАЛИ ГОРОДА

О проекте «Мифы и легенды Сельмы» читайте в статье М. Д. Алексеевского (с. 52–76). © Фото В. Комарова

ПРИКЛАДНЫЕ КЕЙСЫ

От редактора

Результатом антропологических прикладных проектов являются не только конкретные советы по формированию тех или иных продуктов – концепций брендов, рекомендаций по развитию товаров и услуг, туристических стратегий, дизайн-кодов, мастер-планов и стратегических планов развития городов и т.д., но и прирост объема знания, в том числе, методологического. В этом номере в рубрике «Прикладные кейсы» впервые представлены материалы о специфике организации прикладного антропологического исследования в ситуации, когда в него вовлечены не только профессиональные участники, но и люди, которые только обучаются методам городской антропологии и фольклористики в ходе образовательной деятельности разного уровня – от профильных университетских программ и программ дополнительного профессионального образования до отдельных мастерских и мастер-классов, где антропология является одним из нескольких осваиваемых направлений.

Такого рода проекты часто оказываются ярким и значимым эпизодом в профессиональной биографии начинающих исследователей: они получают возможность работать в реальном прикладном проекте при поддержке опытного специалиста и увидеть в результате конкретный продукт, созданный ими или при их участии. Но исследователь, который выступает в качестве преподавателя или тьютора, оказывается здесь в непростой ситуации: как примирить запросы заказчика с требованиями образовательной программы? Как полноценно и в короткие сроки обучить людей, часто принадлежащих к совершенно разным и далеким от антропологии профессиям, азам полевой работы и анализа данных? Как побудить участников такого рода проектов к дальнейшему профессиональному развитию в качестве исследователя или «квалифицированного заказчика»?

Педагогические кейсы, опубликованные на страницах этого выпуска журнала, посвящены проектам, сильно различающимся и по целям, и по срокам, и по специфике участников: мастерская для школьников, которая проводилась в рамках кинофестиваля в Калининграде, исследовательско-образовательная программа в области урбанистики в Челябинске, предпроектные исследования для девелоперов или органов муниципального управления Тюмени в рамках производственной практики магистрантов. Авторы материалов подробно раскрывают «кухню» такого рода работы, ее особенности и «подводные камни». Надеемся, что эти кейсы положат начало широкому обсуждению организации антропологических проектов, имеющих двойную – прикладную и педагогическую – прагматику.

Подростковая мастерская градоустройства в Калининграде и книжный проект «Мифы и легенды Сельмы»

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ АЛЕКСЕЕВСКИЙ^[1]

ORCID: 0000-0001-9933-4374

✉ alekseesvsky@yandex.ru

^[1] Центр городской антропологии, КБ Стрелка, Москва, Россия

В статье описан опыт создания подростковой мастерской по городским исследованиям и социокультурному проектированию, действовавшей в Калининграде в 2019–2021 годы как часть программы международного кинофестиваля «Край света. Запад». Около 10 учеников старших классов из различных школ города проводили полевое антропологическое исследование устной истории, локальной идентичности и актуальных проблем вернакулярного района Сельма. Этот район начал строиться на северной окраине Калининграда во второй половине 1990-х годов. Сейчас это крупнейший постсоветский район города, который состоит из нескольких жилых комплексов многоэтажных новых зданий. Жители города часто воспринимают его как самый неинтересный район Калининграда, потому что он был построен совсем недавно и не имеет длинной истории. Однако школьники старших классов под руководством автора статьи собрали богатый архив воспоминаний о районе, коллекцию городских легенд и ярких устных нарративов про Сельму, а также ментальных карт, созданных жителями. Кроме того, участники мастерской использовали методы визуальной антропологии (делали этнографические фотографии района и коллекционировали визуальные артефакты — объявления на подъездах и вернакулярные граффити). После анализа собранных материалов молодые исследователи написали книгу «Мифы и легенды Сельмы». Публикация необычной книги о новом районе города стала важным событием для Калининграда, активно обсуждалась в местных медиа, а также повлияла на формирование сообщества активистов Сельмы. Данный кейс показывает, что программа образовательных и социокультурных проектов кинофестиваля с использованием методов антропологии может работать как инструмент городского развития и создания локальных сообществ.

Ключевые слова: фестивальные исследования, городской район, Калининград, устная история, постсоветский район, устные нарративы, создание сообществ

Для цитирования статьи:

Алексеевский, М. Д. (2025). Подростковая мастерская градоустройства в Калининграде и книжный проект «Мифы и легенды Сельмы». *Фольклор и антропология города*, VII(2), EDN: AVNOUT. 53–76.

Дата поступления в редакцию: 27.03.2025

Дата принятия к публикации: 09.04.2025

© М. Алексеевский

The youth urban workshop in Kaliningrad and the book project “Myths and legends of Selma”

MIKHAIL D. ALEKSEEVSKY ^[1]

ORCID: 0000-0001-9933-4374

✉ alekseevsky@yandex.ru

^[1] Centre for Urban Anthropology, Strelka KB, Moscow, Russia

The paper presents a case study of a youth workshop on urban studies and socio-cultural programming, which operated in Kaliningrad in 2019–21 as part of the program of the International Film Festival “On the Edge. West.” About 10 high school students from various schools in the city conducted field anthropological research on oral history, local identity, and current problems of the vernacular Selma district. This territory began to be developed on the northern outskirts of Kaliningrad in the second half of the 1990s. Now it is the largest post-Soviet district of the city, consisting of several residential complexes of multi-storey new buildings. Residents of the city often perceived it as the most uninteresting area of Kaliningrad because it was built very recently and did not have a rich history. However, under the guidance of the author of the article, high school students collected a wealth of material on the history of the district, assembled a collection of urban legends and vivid oral narratives about Selma, as well as mental maps created by residents. In addition, the workshop participants used methods of visual anthropology: they took ethnographic photographs of the area and collected visual artifacts such as advertisements on entrances and vernacular graffiti. After analyzing the collected materials, the young researchers wrote the book “Myths and Legends of Selma Urban District”. The publication of this unusual book about a new district of the city became an important event for Kaliningrad, was actively discussed in the local media, and also influenced community building among Selma activists. This case shows that the film festival’s program of educational and socio-cultural projects using anthropological methods can work as a tool for spatial development and community building.

Keywords: festival research, urban area, Kaliningrad, oral history, post-Soviet area, oral narratives, community building

To cite this article:

Alekseevsky, M. D. (2025). The youth urban workshop in Kaliningrad and the book project “Myths and legends of Selma”. *Urban Folklore & Anthropology*, VII(2), 53– 76.. (In Russian). EDN: AVNOUT.

Междисциплинарное направление «фестивальных исследований» (festival studies) сравнительно слабо развито в России, однако за рубежом, начиная с 1990-х годов, оно неуклонно набирает обороты. Признанный классик и фактически один из отцов-основателей этого направления Дональд Гетц в программной статье «Суть и границы фестивальных исследований» указывал на то, что один из трех ключевых дискурсов изучения фестивалей строится вокруг их роли, значения, а также влияния на общество и культуру [Getz 2010: 4–5]. Исследователи фестивалей часто предлагают рассматривать эти мероприятия в качестве инструментов территориального развития [Moscardo 2007; Гафар, Лисицкий 2016]. Фестивали могут оцениваться в качестве одного из способов маркетингового продвижения города/региона [Ooi, Strandgaard Pedersen 2010], но чаще их социально-экономические эффекты анализируют с точки зрения событийного туризма [Prentice, Andersen 2003; Thomas, Wood 2003; Robinson, Picard, Long 2004; Getz, Page 2016].

Так как большинство фестивалей проводится в городах, то особое внимание исследователи уделяют взаимосвязям этих мероприятий с городским пространством [Quinn 2005; Jakob 2013; Cudny, 2016; Finkel, Platt 2020], а также влиянию фестивалей на развитие человеческого капитала и укрепление городских сообществ [Derrett 2003; Arcodia, Whitford 2007]. Рассматриваемый ниже кейс как раз укладывается в это направление — речь пойдет о том, как в Калининграде в 2019–2021 годы в рамках международного кинофестиваля «Край света. Запад» действовала мастерская градоустройства для старшеклассников, участники которой обучались основам городской антропологии, а затем работали над исследовательским проектом, который был посвящен постсоветскому микрорайону Сельма. Результатом работы стал выпуск книги «Мифы и легенды Сельмы»¹ (2021), в основе которой были собранные материалы исследования: расшифровки глубинных интервью, фотографии, материалы местных СМИ, публикации из социальных сетей. Кейс мастерской градоустройства интересен не только тем, что это яркое доказательство того, как за короткое время можно научить школьников проводить антропологические исследования, но и тем, что данная инициатива способствовала развитию и укреплению активистского сообщества Сельмы, а также помогла жителям оспорить репутацию этого постсоветского района как «неинтересного» и «безликого».

---

¹ *Мифы и легенды Сельмы* (2021). Калининград: Мастерская градоустройства Калининградского международного кинофестиваля «Край света. Запад»; МАОУ гимназия № 40 им. Ю. А. Гагарина.

Фестиваль

Прежде чем перейти к истории создания мастерской градостройства, необходимо несколько слов сказать о специфике фестиваля «Край света. Запад». Впервые международный кинофестиваль «Край света» был проведен в Южно-Сахалинске в 2012 году (его предшественником был проводившийся там же в 2011 году российский фестиваль «Сахалинский экран»). Необычное название «Край света», по замыслу создателей, отсылало не к географической удаленности острова Сахалин от центральной части России, а к самой сути киноискусства — просмотр фильма в темном кинозале возможен лишь благодаря тому, что световые лучи из проектора падают на белый непрозрачный экран, поэтому киноизображение — это и есть «край света».

Генеральный продюсер кинофестиваля, актер и режиссер Алексей Агранович изначально задумывал «Край света» как драйвер социокультурного развития территории, где он проводится. В 2017 году в интервью газете «Известия» он так описывал миссию фестиваля: «“Край света” — это прежде всего социальный проект, где собственно кинопоказ выступает драйвером иных активностей. Конкурс, жюри, звезды на красной дорожке — всё это дает нам выход на большую аудиторию, с которой мы ищем новые способы коммуникации. <...> В этом году мы запускаем шесть разноплановых мастерских, в рамках которых сахалинцы смогут попробовать себя в каком-то новом деле. А в следующем, если всё будет хорошо, мы вместе с участниками мастерских будем придумывать, как превратить эти маленькие начинания из хобби в реальное дело»².

Творческие мастерские, в которых приглашенные кураторы вели бесплатные практические занятия для заинтересованных жителей Сахалина, обучая их созданию фильмов и мультфильмов, графическому дизайну, современной фотографии, основам музейного проектирования и т. д., стали яркой отличительной чертой фестиваля. Первоначально эти мастерские были ориентированы на взрослую аудиторию, однако со временем более важной и перспективной была признана работа с детьми и подростками. Автор данной статьи с 2014 года несколько лет работал на Сахалине со «взрослой» Мастерской урбанистики, а затем стал одним из кураторов Продюсерской мастерской для подростков.

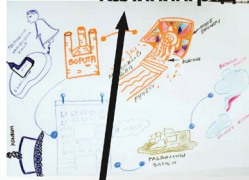
За несколько лет проведения «Край света» стал одним из наиболее популярных культурных мероприятий на Сахалине и, во многом благодаря своей ориентации на социокультурное развитие территории, был признан одним из самых успешных кейсов региональных кинофестивалей в России [Головецкий, Туманов

² <https://iz.ru/637151/nikolai-kornatckii/kinofestival-eto-draiver-sotcialnykh-aktivnostei>

мастерская градоустройства. калининград

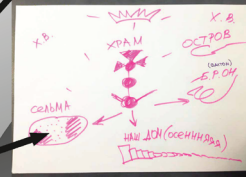
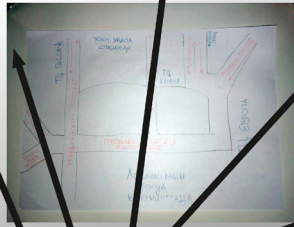

мастерская градоустройства. калининград

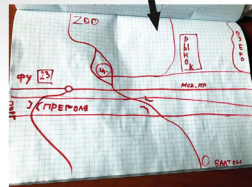
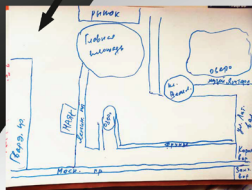
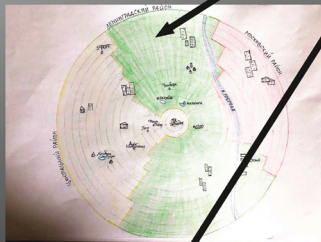
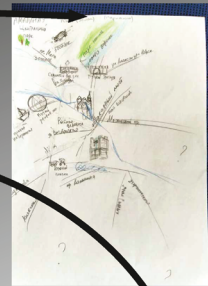

мастерская градоустройства. калининград

мастерская градоустройства. калининград

сельма на ментальных картах калининграда

Сельма 2019

мастерская градоустройства. калининград
исследование перспективного стального района

сельма 2019

2017]. Интерес к проведению подобного фестиваля начали проявлять другие регионы России, и в 2019 году на противоположном от Сахалина краю страны — в Калининграде — был запущен второй фестиваль, получивший название «Край света. Запад» (кинофестиваль в Южно-Сахалинске с этого момента стал называться «Край света. Восток»).

Мастерская градоустройства

Как и фестиваль на Сахалине, «Край света. Запад» тоже с самого начала замыслился как «драйвер социальных активностей» и предполагал не только кинопоказы, но и работу нескольких творческих мастерских. Однако важно было выбрать для них правильную проблематику, отвечающую специфике города, ведь «продвинутый» западный Калининград сильно отличался от «изолированного на острове» восточного Южно-Сахалинска. Было решено, что большинство мастерских нового фестиваля тоже будет ориентировано на детей и подростков, но их тематика должна быть увязана с актуальными проблемами города. Яркой спецификой Калининграда является большое количество дискуссий и конфликтов, связанных с вопросами городского развития. Объясняются эти споры тем, что в границах Калининграда причудливо перемешаны, порой буквально накладываясь друг на друга, слои городской среды из различных эпох: историческая застройка прусского Кенигсберга, послевоенные советские «панельки», постсоветские жилые комплексы.

Чтобы разобраться в этом хаосе и научиться работать с ним в рамках социокультурного проектирования, было решено создать подростковую Мастерскую градоустройства, которую вели два куратора — автор данной статьи, городской антрополог Михаил Алексеевский, и графический дизайнер Кирилл Благодатских, один из арт-директоров кинофестиваля «Край света». Предполагалось, что проекты, над которыми будет работать Мастерская градоустройства, будут состоять из двух частей: исследовательской частью руководит первый куратор, а творческой — второй. В качестве предмета изучения планировалось взять один из районов Калининграда. Организаторы фестиваля специально выбрали слегка архаичное и не вполне понятное слово «градоустройство» вместо слова «урбанистика», которое к концу 2010-х годов начало использоваться некоторыми горожанами как ругательное и вызывало стойкие ассоциации с благоустройством общественных пространств.

Зимой 2019 года, за несколько месяцев до запуска фестиваля и мастерских, часть команды приехала в Калининград, чтобы более точно выстроить программу работы. К этому моменту у команды

мастерская
градоустройства.
калининград

мастерская
градоустройства.
калининград

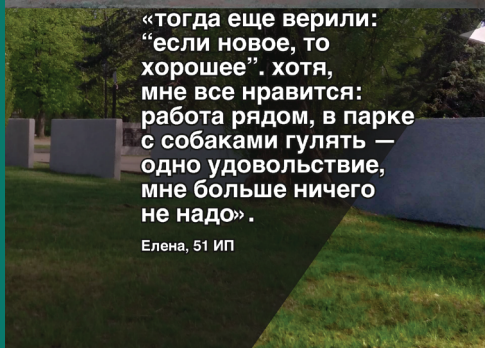
мастерская
градоустройства.
калининград

мастерская
градоустройства.
калининград

— ты знаешь,
где границы
сельмы?

— там, где
большие
дома.

Ульяна 10

«тогда еще верили:
“если новое, то
хорошее”. хотя,
мне все нравится:
работа рядом, в парке
с собаками гулять —
одно удовольствие,
мне больше ничего
не надо».

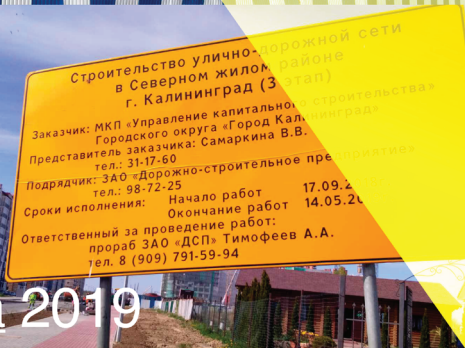
Елена, 51 ИП

Сельма 2019

мастерская градоустройства Калининграда
исследования перспективного отдаленного района

сельма 2019

Строительство улично-дорожной сети
в Северном жилом районе
г. Калининград (3 этап)
Заказчик: МКП «Управление капитального строительства»
Городского округа «Город Калининград»
Представитель заказчика: Самаркина В.В.
тел.: 31-17-60
Подрядчик: ЗАО «Дорожно-строительное предприятие»
тел.: 98-72-25
Сроки исполнения: Начало работ 17.09.2019
Окончание работ 14.05.2020
Ответственный за проведение работ:
прораб ЗАО «ДСП» Тимофеев А.А.
тел. 8 (909) 791-59-94

была рабочая идея, что почти все мастерские будут реализовывать свои творческие проекты в вернакулярном микрорайоне города, получившем название «Улица Левитана». Расположенный на юго-востоке Калининграда небольшой квартал многоэтажных домов окружен промзонами и пустырями, плохо обеспечен социальной инфраструктурой и не имеет хорошего транспортного сообщения с центром города. Его изначально проектировали как район социального жилья для уволенных в запас военнослужащих, приехавших из других регионов медиков и учителей, а также для детей-сирот, которых по закону после достижения совершеннолетия государство обязано обеспечить жильем.

Заселение первых многоэтажных домов на улице Левитана началось в 2012 году, и значительная часть квартир в этих зданиях предоставлялась детям-сиротам. Столь плотное проживание в одном обособленном районе имеющих слаборазвитые социальные навыки детей-сирот привело к тому, что район улицы Левитана стал считаться неблагополучным в социальном плане, некоторые журналисты даже называли его «калининградским гетто»³. Организаторы мастерских рассчитывали, что реализация связанных с улицей Левитана культурных проектов поможет привлечь внимание города к проблемам неблагополучного микрорайона, а в идеале — изменить его судьбу к лучшему. Однако предварительная поездка представителей команды фестиваля в этот квартал показала, что его дурная слава возникла не на пустом месте, поэтому реализовывать там исследовательские и культурные проекты с участием несовершеннолетних школьников было небезопасно. И хотя «взрослая» Мастерская документального кино (куратор — Ольга Привольнова) все же проводила часть съемок на улице Левитана, кураторы Мастерской градостроительства приняли решение выбрать какой-то другой район для исследования.

В марте 2019 года в региональных СМИ и в социальных сетях фестиваля было объявлено о начале приема заявок. Записаться на участие в мастерских можно было, отправив заявку по электронной почте. Требования при отборе сознательно были сформулированы несложно: так, в объявлении о наборе в Мастерскую градостроительства школьников 8–11-х классов сообщалось, что «для того, чтобы стать участником <...>, не нужно обладать какими-то особыми знаниями или умениями; нужен лишь живой интерес к Калининграду, готовность открывать его тайны и заниматься творчеством». Претенденты на участие должны были отправить на адрес кинофестиваля заявку, где в свободной форме рассказать о себе и своих увлечениях, написать, какое место в Калининграде является у них любимым, а также объяснить, почему. Всего за несколько недель

---

³ <https://ruwest.ru/interview/65975/>

мастерская
градоустройства
калининград

мастерская
градоустройства
калининград

мастерская
градоустройства
калининград

мастерская
градоустройства
калининград

«мне не очень нравится мой подъезд: в него постоянно заходят чужие, ломают все и портят, но зато здесь тихо, можно кататься на велике».

Женщина 30–35, с ребёнком

сельма 2019

— события яркие помните какие-нибудь?

— нет

— какие проблемы можете назвать?

— их нет.

Девушка, 20–25, флорист

«нужно было строить улицы, а не переулки. На гербе должны быть деревья. у нас растут редкие породы».

Валентин. Работающий пенсионер

Сельма 2019

мастерская градоустройства, калининград
исследование перспективного сельского района

было получено около 10 заявок на участие в мастерской, все они были приняты, однако по факту на занятия во время кинофестиваля приходило в среднем 7–8 человек. Также к работе мастерской с самого начала по собственной инициативе подключилась Валентина Артимовская, педагог дополнительного образования, ведущая занятия по программе «Архитектура и дизайн» для детей младшего и среднего школьного возраста в Центре творческого развития и гуманитарного образования «Информационные технологии». Первоначально у нее была идея подключить к работе Мастерской градоустройства своих наиболее взрослых учеников, однако для этого возраста занятия оказались слишком сложными. Впрочем, в дальнейшем они все-таки смогли внести свой вклад в работу над проектом, о чем еще будет рассказано.

Микрорайон Сельма

Работа мастерских на фестивалях «Край света» была выстроена в виде годовых циклов, где очные интенсивы, когда кураторы на несколько дней приезжают в город на занятия с участниками, чередуются с продолжительными периодами самостоятельной работы команды. В это время кураторы осуществляют поддержку в удаленном режиме, периодически проводя занятия в формате видеоконференций. Главный интенсив года всегда проходит во время фестиваля, а ближе к его завершению команда должна публично представить результаты своей работы, а также объявить, чем будет заниматься в течение года до следующего фестиваля. В этой связи запуск новой мастерской — это особенно сложная задача, ведь всего за несколько дней интенсива во время фестиваля надо не только заинтересовать записавшихся участников, погрузив в предмет изучения и обучив азам профессии, но и сделать с ними полноценный творческий проект, который будет представлен публично.

Очные занятия Мастерской градоустройства во время первого фестиваля «Край света. Запад» проходили в здании Калининградской областной научной библиотеки, которая расположена в центре города в шаговой доступности от Областного драмтеатра, где проходили основные кинопоказы. После вводных лекционных занятий о том, что такое городская антропология и какие методы она использует, пришло время выбирать район для проведения исследования. Участники мастерской в ходе лекции узнали, что такое «вернакулярный район», и получили задание нарисовать ментальную карту Калининграда, где изобразить все известные им вернакулярные районы города.

Анализируя и обсуждая результаты задания, старшеклассники обратили внимание на то, что чаще всего на ментальных картах встречаются названия трех районов: Амалиенау (исторический

пруссский район малоэтажных домов в центре города), Балтрайон/Балтон (упраздненный в 2009 году Балтийский район на юге от центра с доминированием советской панельной застройки, который долгое время имел «дурную репутацию» как окраинный и криминальный), Сельма (большой район новостроек на севере Калининграда, который появился только в середине 1990-х годов и с тех пор постоянно разрастается). Из этих вариантов наиболее очевидным выбором для исследования казался Амалиенау, самый известный и самобытный исторический район города, вызывающий повышенный интерес у туристов, но крайне любимый и местными жителями. Неплохим кандидатом выглядел и Балтрайон, обладающий развитой локальной мифологией и причудливой историей заселения и развития. Напротив, Сельма казалась самым сомнительным вариантом. Хотя про этот вернакулярный район знали все жители города, у него была репутация безликого района новостроек, где нет ни достопримечательностей, ни интересных мест. Даже знатоки Калининграда оказывались в тупике, пытаясь описать его отличительные особенности. В лучшем случае его хвалили за то, что там «много ТЦ и развитая торговая инфраструктура». Казалось, что там нет и не может быть ничего интересного для изучения.

Безликость и «неинтересность» Сельмы в ходе обсуждения была воспринята как исследовательский вызов, поэтому именно этот район был выбран в качестве объекта изучения мастерской. Дополнительным аргументом в его пользу стало то обстоятельство, что никто из юных участников мастерской никогда там не жил, поэтому все оказались в равных условиях и могли ездить туда «в экспедицию». На полевые исследования у мастерской было буквально пара дней, поэтому антропологическое изучение этого района проходило в блиц-формате: в первой половине дня участники парами или по одиночке ездили туда, а вечером в библиотеке происходило обсуждение результатов работы за день.

В качестве отчетного проекта по результатам интенсива было решено сделать небольшую выставку про Сельму на втором этаже главной фестивальной площадки — драмтеатра. Чтобы быстро собрать материал для выставки, было решено сосредоточить внимание на визуальном анализе района. Участники, приехав в «экспедицию на Сельму», получили задание фотографировать наиболее типичные для этого места урбанистические пейзажи, фиксировать с помощью смартфонов повседневную жизнь обитателей Сельмы, снимать «артефакты» городской среды — граффити на стенах и самодельные бумажные объявления рядом со входом в подъезды. Было и отдельное «творческое задание» — участники мастерской должны были найти жителей Сельмы любого возраста, взять у них блиц-интервью про особенности района, а затем попросить их придумать и нарисовать на чистом листе бумаги возможный

Мастерская
градоустройства.
Калининград

Мастерская
градоустройства.
Калининград

Мастерская
градоустройства.
Калининград

Мастерская
градоустройства.
Калининград

**«пробки.
мой муж уже
1,5 года как
пересел на
велосипед:
в любое время
года».**

Ирина 27 лет

— а тут
случаются
какие-то
интересные
события:
приезды
людей,
преступления
и т.д.?

— да, вот туда
охлобыстин
приезжал

— это раз, там
еще что
было... еще
полине тут
руку сломали.

Мальчик, около 11 лет.

**«оказалось
— нет мест для
прогулок. муж
с ребенком ходит
в лесополосу
на окружной».**

Ольга 37 методист

Сельма 2019

Мастерская градоустройства, Калининград.
Использованы перспективные озеленяемые территории

Сельма 2019

герб Сельмы. Этот эксперимент показал, что на большинстве «народных» гербов района доминировали многоэтажные высотки и строительные краны.

Так как времени на подготовку выставки было очень мало, то дизайн стендов для нее делал второй куратор — графический дизайнер Кирилл Благодатских, сложивший из собранных участниками изображений и артефактов причудливые коллажи из фотографий, объявлений и «народных гербов» Сельмы, дополненные цитатами из блиц-интервью (см. иллюстрации в статье). Выставка открылась в последний день кинофестиваля и вызвала большой интерес у калининградцев, удивленных тем, что окраинный жилой район может стать главным героем антропологического исследования. Также для церемонии закрытия командой фестиваля был снят трехминутный видеоролик, где участники Мастерской градоустройства во дворах Сельмы рассказывают про то, чем их больше всего удивил изучаемый район⁴. Сделанное всего за несколько дней блиц-исследование явно привлекло внимание горожан и было признано удачным. Поэтому кураторы приняли решение продолжить исследование Сельмы, чтобы за год к следующему фестивалю подготовить уже большой творческий проект — полноценную книгу об этом районе. Однако для этого надо было перепридумать формат работы на год, исходя из того, что кураторы будут почти все время находиться в Москве, а участники Мастерской градоустройства — в Калининграде.

Гимназия № 40

Первый фестиваль «Край света. Запад» прошел в мае 2019 года, впереди были летние каникулы, когда все школьники разъезжаются, поэтому решено было тоже объявить перерыв и продолжить работу Мастерской градоустройства в новом учебном году. Однако команда явно нуждалась в обновлении — после летнего перерыва лишь несколько самых стойких участников первого набора были готовы почти целый год продолжать работу над проектом. К тому же было ощущение, что важно вовлечь в исследование и старшеклассников, живущих на Сельме, чтобы дополнить «внешний» взгляд на район «внутренним». Сначала возникла идея объявить в СМИ набор участников мастерской, однако возникли сомнения, что в отрыве от масштабной медийной кампании кинофестиваля этот вариант работает.

После внутренних обсуждений появилась альтернативная идея — найти партнера среди образовательных или культурных институций, расположенных на Сельме. Довольно быстро стало

---

⁴ <https://www.youtube.com/watch?v=hv27yFMu4C4>

понятно, что идеальный кандидат — МАОУ гимназия № 40 им. Ю. А. Гагарина, которая находится в самом сердце района и имеет репутацию одного из лучших учреждений общего образования в городе. Изначально школа № 40 (с 2005 года — гимназия № 40) располагалась гораздо ближе к центру города на улице Комсомольской в историческом прусском районе Хуфен. Практически с момента основания она считалась одной из самых престижных и инновационных школ города; например, там впервые в Калининграде появились группы продленного дня, в младших классах использовалась прогрессивная система развивающего обучения, разработанная советским психологом Леонидом Занковым, учеником Л. С. Выготского.

В 2013 году гимназия № 40 переехала в огромное новое здание на Сельме общей площадью более 30 тыс. кв. метров. Несмотря на прекрасные условия в современном корпусе (бассейн, спортивные залы, огромный современный актовый зал), многим педагогам первоначально было непривычно обживать на новом месте. Сравнительно небольшая гимназия, перебравшись из малоэтажного исторического района в огромное здание среди больших многоэтажных новостроек, столкнулась с необходимостью выстраивать отношения с Сельмой. И в этом контексте идея участия в антропологическом исследовании района, чтобы поближе познакомиться с ним, оказалась для гимназии № 40 крайне актуальной.

Чтобы представить педагогам и ученикам гимназии № 40 проект исследования, автор статьи в январе 2020 года договорился о том, чтобы прочитать в актовом зале публичную лекцию для старшеклассников про городскую антропологию, рассказав в ней о работе Мастерской градостроительства и о планах по написанию книги о Сельме. Эта стратегия оказалась успешной: сразу после лекции директор гимназии № 40 Татьяна Мишуровская поддержала идею партнерства с кинофестивалем и предложила проводить очные занятия Мастерской градостроительства на базе гимназии, учитель истории и обществознания Константин Осетинский выразил интерес к участию в проекте в качестве сокуратора на месте, а сразу несколько старшеклассников захотели присоединиться к мастерской.

Занятия январского интенсива начались в следующие дни после лекции и проходили в одном из кабинетов гимназии № 40. Всего в работе Мастерской градостроительства на этом этапе принимало участие 10–12 старшеклассников: примерно половину из них составлял костяк первого набора, а вторую половину составили заинтересовавшиеся проектом ученики гимназии. Главной задачей интенсива стала организация сбора антропологических интервью с жителями Сельмы для будущей книги. Участники мастерской прошли краткое обучение методикам полевой работы, составили

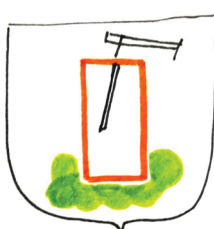
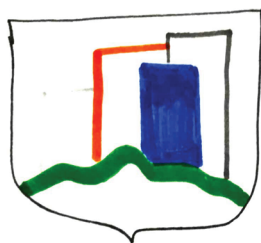
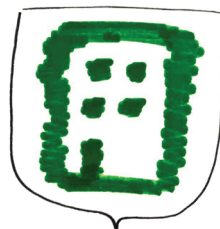
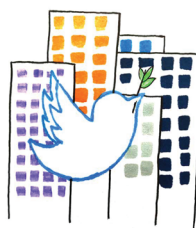
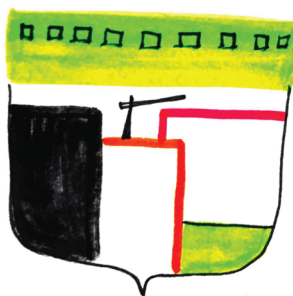
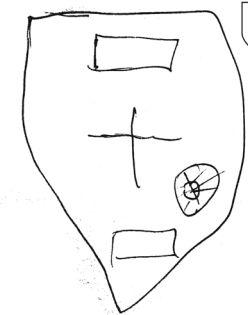
мастерская
градоустройства.
калининград

мастерская
градоустройства.
калининград

мастерская
градоустройства.
калининград

мастерская
градоустройства.
калининград

сельма 2019

«Что
должно
быть на
гербе?
небоскреб
и озеро».

Сельма 2019

мастерская градоустройства, калининград
исследование перспективного спального района

Елена, 51, ИП

вместе опросник для проведения интервью и определили, кого именно надо опрашивать.

Предполагалось, что участники должны разбиться на пары и записывать интервью вдвоем. Считалось, что в идеале каждая пара должна была состоять из одного ученика гимназии и одного «ветерана» из первого набора, чтобы представлять как «внутренний», так и «внешний» взгляд на район, но, конечно, это правило не всегда соблюдалось, так как многие хотели работать в паре со своими знакомыми. Каждая пара должна была записать, как минимум, 4 глубоких интервью с жителями Сельмы из разных возрастных групп: 1) молодежь; 2) люди среднего возраста; 3) пенсионеры; 4) люди, чья профессиональная деятельность связана с Сельмой. Опросник, который при этом необходимо было использовать, состоял из 9 тематических блоков: краткая биографическая информация; идентичность Сельмы; устная история района; символы и достопримечательности; знаменитые люди района; его пространственная структура; общественная жизнь и добрососедство; мобильность и транспорт; проблемы Сельмы. Также нужно было попросить информантов нарисовать на чистом листе бумаги ментальную карту района. Все интервью записывались на диктофон, встроенный в смартфон.

Так как юным участникам мастерской остро не хватало опыта проведения глубоких интервью, их первые записи были очень короткими и сумбурными. Как правило, интервьюеры зачитывали вопросы по бумажке и, получив даже самый короткий и формальный ответ, сразу переходили к следующему пункту. Чтобы решить эту проблему, во время занятия устраивались обсуждения взятых интервью. Каждая группа рассказывала, как проходила их полевая работа, с какими трудностями они сталкивались, какие сюжеты смогли записать, а куратор-антрополог давал обратную связь и комментарии: объяснял, какие из записанных нарративов ценнее всего для книги; объяснял, какие уточняющие вопросы можно было дополнительно задать; подсказывал, как правильнее переходить от одной темы опросника к другой. Эти обсуждения помогали участникам чувствовать себя увереннее, а их новые интервью начали становиться продолжительнее и насыщеннее по материалу.

Очень ценной оказалась организационная поддержка Константина Осетинского, который не только сам участвовал в сборе полевого материала, но и помогал школьникам договариваться об интервью для проекта с такими значимыми для города людьми, как живущая на Сельме рекордсменка мира в беге на сверхдлинные дистанции Ирина Реутович, писатель Олег Глушкин, директор дворца спорта «Янтарный» Татьяна Васильева и даже тогдашний глава Калининграда Андрей Кропоткин.

Активный сбор интервью начался еще во время январского очного интенсива и продолжился в феврале. Московские кураторы координировали этот процесс дистанционно через специально созданную рабочую группу мастерской, созданную в социальной сети «ВКонтакте». План предполагал, что к началу марта 2020 года полевая часть работы будет завершена, и кураторы приедут на второй интенсив, чтобы разобрать и обсудить собранные материалы, а также определить план работы над книгой. Завершить работу над текстом книги планировалось в первой половине апреля, чтобы успеть сверстать и напечатать ее ко второму кинофестивалю «Край света. Запад», который должен был состояться в начале мая.

Однако разворачивающаяся по всему миру пандемия ковида разрушила эти планы. Кураторы не успели приехать на второй интенсив, так как в марте 2020 года сначала ввели ограничительные меры в школах, переводя учеников на дистанционное обучение, а затем объявили режим самоизоляции и ввели режим нерабочих дней, который действовал до 12 мая. Второй кинофестиваль «Край света. Запад» был отменен, а реализация проекта книги о Сельме оказалась под большим вопросом.

«Мифы и легенды Сельмы»

Неопределенность с продолжением работы над проектом длилась почти год. В феврале 2021 года эпидемиологическая обстановка в стране улучшилась, и было принято решение, что фестиваль «Край света. Запад» с годовым опозданием все же состоится в Калининграде. Это дало возможность возобновить работу над книгой с того же места, где она остановилась, но при этом сроки на подготовку книги оказались очень жесткими. У кураторов были опасения, что за годовую паузу участники мастерской «перегорели» и потеряли интерес к проекту, однако, к счастью, оказалось, что это не так. Большинство с энтузиазмом отреагировало на перспективы все-таки реализовать проект и выразило готовность работать над книгой.

Времени на то, чтобы добирать материал для проекта, уже не было, поэтому было решено взять за основу записи тех 43 глубоких интервью⁵, которые были проведены к весне 2020 года. Главная идея заключалась в том, чтобы выстроить текст книги как монтаж цитат из интервью, раскрывающих те или иные аспекты истории, повседневности и идентичности Сельмы. Предполагалось, что книга будет состоять из предисловия от редактора и четырех больших

⁵ В итоге в книгу вошли цитаты из интервью, которые записали следующие собиратели: Марина Алимшьева, Вероника Андреева, Денис Довгополик, Леон Костевич, Елизавета Крутова, Артем Мясников, Ирина Тельшьева, Марк Терехов, Мария Федорова, Константин Осетинский, Валентина Артимовская, Наталия Клиш, Михаил Алексеевский.

глав: «Что такое Сельма» (идентичность и мифология района); «Истории» (устная история); «Места» (символы и достопримечательности района); «Проблемы» (недостатки района глазами местных жителей). Каждая из глав делилась на тематические главки; так, например, раздел «Что такое Сельма» включал в себя следующие подтемы: «Происхождение названия», «Границы и структура района», «Жители Сельмы: добрососедство и активизм», «Ассоциации». Каждый соавтор книги должен был выбрать, какие главки он готов написать⁶. Кто-то выбрал только одну тему, а, например, самая активная участница первого набора Марина Алимпиева писала сразу 6 главок.

После распределения главок книги каждый участник должен был последовательно прочитать расшифровки всех интервью, копируя в отдельный файл все цитаты, которые касались взятых им тем. Затем он должен был выстроить отобранные цитаты таким образом, чтобы они последовательно раскрывали проблематику главки, а также написать небольшие аналитические «подводки», которые связывали общей логикой блоки цитат. Не у всех авторов сразу получалось хорошо писать свои тексты, однако основу каждой главки все же составляли цитаты, работать с которыми старшеклассникам было гораздо проще. Итоговую редактуру всех текстов книги осуществлял автор статьи, стараясь бережно сохранить своеобразие стиля каждого автора.

Еще на уровне замысла книга получила слегка провокационное название «Мифы и легенды Сельмы», отсылающее к легендарному собранию рассказов о похождениях античных богов «Легенды и мифы Древней Греции» Николая Куна. С одной стороны, идея о том, что у постсоветского спального района на окраине Калининграда тоже могут быть свои «мифы и легенды», звучала смело и парадоксально. С другой стороны, название книги подчеркивало субъективный характер историй, представленных в этом издании; это не строгие исторические факты про Сельму, а мифологизированные рассказы о ней, где воспоминания местных жителей переплетаются с городским фольклором. В этом смысле органичной частью книги стали два вставных текста, написанные ее героями: в раздел про историю Сельмы добавлен небольшой рассказ-воспоминание калининградского историка Сергея Трифонова про то, как на Сельме был обнаружен закладной камень разрушенного в конце 1960-х годов Королевского замка, а в главу «Места» включена сокращенная версия поэтического эссе про Сельму, которое написала писательница Лидия Довыденко.

---

⁶ Авторами главок книги стали Марина Алимпиева, Вероника Андреева, Денис Довгополук, Марк Терехов, Артем Мясников, Константин Осетинский, Михаил Алексеевский.

Отдельного внимания заслуживают верстка и дизайн книги, выполненные сокуратором мастерской Кириллом Благодатских. В качестве иллюстративного ряда здесь были использованы многочисленные визуальные материалы, собранные в ходе полевого исследования: современные фотографии дворов и торговых центров Сельмы, старые карты, авторские фотоколлажи, надписи на стенах, уличные объявления, архивные фотографии и даже... мемы. Специально для книги сразу несколько интернет-мемов про Сельму придумали и сделали юные ученики объединения «Архитектура и дизайн» Валентины Артимовской. К фестивалю книга была напечатана тиражом 500 экземпляров и была готова для бесплатного распространения.

Презентация

Книга «Мифы и легенды Сельмы» была написана и подготовлена к печати в рекордные сроки — всего за 2,5 месяца. Однако важно было успешно представить ее «городу и миру» во время второго международного кинофестиваля «Край света. Запад». Первая сложность возникла с выбором площадки. С одной стороны, можно было бы организовать презентацию книги в кинотеатре «Заря», где проходили основные кинопоказы фестиваля. В гуще фестивальной жизни на нее явно больше обратили бы внимание звездные гости и СМИ. С другой стороны, книга посвящена району Сельма, поэтому как-то странно презентовать ее в центре города, а не среди местных жителей. После долгих дискуссий было принято решение все-таки проводить презентацию на Сельме, площадку любезно предоставил расположенный в этом районе Центр творческого развития и гуманитарного образования «Информационные технологии», чья преподавательница Валентина Артимовская была бессменным участником Мастерской.

Анонсы презентации, распространяемые через местные СМИ и социальные сети кинофестиваля, акцентировали внимание на то, что на презентации можно будет получить бесплатный экземпляр книги, а также обсудить ее с авторами и некоторыми героями. Опасения, что презентация не вызовет достаточного интереса у целевой аудитории, оказались напрасными. В назначенное время большой зал Центра «Информационные технологии» был набит битком, причем наибольшую активность проявили жители Сельмы: от мам, которые приходили с маленькими детьми на руках, до военных пенсионеров, являющихся старожилками района.

О замысле и истории создания книги рассказали сами юные авторы, после чего началось бурное обсуждение проекта, где эмоциональные воспоминания о прошлом района перемежались обсуждением его насущных проблем. Было видно, что книга вызвала

большое воодушевление у жителей района и способствовала сплочению городских активистов. Фактически выпуск книги стал триггером формирования сообщества (того процесса, который в англоязычной науке получил название *community building*). Хотя на уровне отдельных домов и ЖК активные жители Сельмы и раньше объединялись в небольшие группы (например, чтобы «кошмарить управляйки» ради улучшения работы коммунальных служб), книга про Сельму помогла им почувствовать локальный патриотизм и осознать свою общерайонную идентичность.

Показательно, что на презентации они активно поддерживали комментарии друг друга, обменивались контактами и высказывали желание «продолжить проект» (например, звучало предложение сделать на основе книги серию экскурсий по Сельме). Когда организаторы презентации спросили аудиторию, готовы ли они участвовать в каких-то инициативах, посвященных Сельме, в качестве активистов, подавляющее большинство ответило положительно. К сожалению, работа Мастерской градоустройства после проведения фестиваля не получила продолжения, но можно предположить, что если бы какие-то подобные проекты разрабатывались и дальше, наиболее активные местные жители действительно были бы готовы в них участвовать.

Огромный интерес книга вызвала и у пришедших на презентацию журналистов. Весьма комплементарные статьи про «Мифы и легенды Сельмы» выпустили почти все калининградские медиа, а радиостанция «Балтик плюс» пригласила Марину Алимпиеву и автора статьи на часовой прямой эфир. Выход книги определенно стал заметным событием в масштабах города.

Непосредственно перед началом церемонии закрытия второго кинофестиваля «Край света. Запад» подарочный экземпляр «Мифов и легенд Сельмы» получил губернатор Калининградской области Антон Алиханов. Книга его настолько заинтересовала, что он даже взял ее с собой, когда вышел на сцену для подведения итогов фестиваля, выразил готовность поддерживать дальнейшую работу мастерских и даже высказал пожелание, чтобы следующим районом Калининграда, который будет исследовать Мастерская градоустройства, стал Шпандин.

После завершения кинофестиваля часть тиража книги получила гимназия № 40, а оставшиеся экземпляры были размещены для бесплатного распространения в двух учреждениях, расположенных на территории Сельмы — в Центре «Информационные технологии» и в городской юношеской библиотеке. По словам сотрудников библиотеки, после анонсов в СМИ к ним было настоящее паломничество жителей Сельмы, желающих получить книгу про свой район, поэтому буквально за пару дней все экземпляры закончились. Сейчас электронная pdf-версия «Мифов и легенд Сельмы» доступна

в интернете⁷ и активно распространяется в калининградских группах в социальных сетях. Кажется, ни один из бывших участников Мастерской градоустройства после окончания школы не пошел учиться на антрополога, зато сразу несколько из них приняли решение получать высшее образование в области архитектуры, территориального развития и градостроительства, графического дизайна.

* * *

История Мастерской градоустройства показывает, что даже в полудистанционном режиме обучения и с вынужденным перерывом в год старшеклассники могут не только научиться проводить полевые исследования по городской антропологии и устной истории, но и в сверхсжатые сроки написать по этому материалу полноценную книгу. Такие проекты, как подростковые мастерские кинофестивалей «Край света», успешно доказали свою эффективность в качестве инструментов социокультурного развития территорий. С одной стороны, участники мастерских получают новые знания, опыт и сильный импульс профессионального роста; с другой стороны, выход книги про Сельму способствовал развитию местных сообществ и укреплению локальной идентичности.

Еще стоит отметить, что «Мифы и легенды Сельмы» продемонстрировали, как антропологи могут работать с постсоветскими многоэтажными районами, которые в масштабах города традиционно воспринимаются как «безликие» и «неинтересные». Исследование Сельмы показывает, что и у таких районов, которые возникают в крупных городах по всей России, есть своя устная история, свои достопримечательности, свои герои, свои «мифы и легенды». Это абсолютно «непаханное поле» для антропологов, причем такого рода исследования оказываются актуальными и востребованными местными жителями. За те несколько лет, которые прошли с момента выхода книги, автор данной статьи несколько раз разобрал этот кейс в публичных лекциях в разных городах России, и эта тема всегда вызывала живейший интерес у аудитории от Великого Новгорода до Владивостока, где слушатели наперебой предлагали свои варианты новых районов города, в которых стоило бы провести подобные исследования. И тем ценнее, что столь большой резонанс вызывает книга, написанная школьниками.

---

⁷ Например, на краеведческом сайте «Восточная Пруссия в литературе» [<https://prussia.online/books/mifi-i-legendi-selmi>].

Литература

- Гафар, Т. В., Лисицкий, А. В. (2016). «Большое неопознанное движение». Фестивали в Волгограде как инструмент влияния на городскую среду и развитие территории. *Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса*, 10(1), 98–104.
- Головецкий, Н. Я., Туманов, А. И. (2017). Кинофестивали как фактор развития социальной инфраструктуры и туристической привлекательности региона. *Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*, 2017(3/22), 90–94.
- Arcodia, C., Whitford, M. (2007). Festival attendance and the development of social capital. *Journal of convention & event tourism*, 8(2), 1–18. https://doi.org/10.1300/J452v08n02_01
- Cudny, W. (2016). *Festivalisation of Urban Spaces: Factors, Processes and Effects*. Cham: Springer.
- Derrett, R. (2003). Making sense of how festivals demonstrate a community's sense of place. *Event Management*, 8(1), 49–58. <https://doi.org/10.3727/152599503108751694>
- Finkel, R., Platt, L. (2020). Cultural festivals and the city. *Geography Compass*, 14(9), 1–21. <https://doi.org/10.1111/gec3.12498>
- Getz, D. (2010). The Nature and Scope of Festival Studies. *International Journal of Event Management Research*, 5(1), 1–47. <https://doi.org/10.1108/17852951011029298>
- Getz, D., Page, S. J. (2016). Progress and prospects for event tourism research. *Tourism Management*, 2016(52), 593–631. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2015.03.007>.
- Jakob, D. (2013). The Eventification of Place: Urban development and experience consumption in Berlin and New York City. *European Urban and Regional Studies*, 20(4), 447–459. <https://doi.org/10.1177/0969776412459860>
- Moscardo, G. (2007). Analyzing the role of festivals and events in regional development. *Event Management*, 11(1–2), 23–32. <https://doi.org/10.3727/152599508783943255>
- Ooi, C.-S., Strandgaard Pedersen, J. (2010). City Branding and Film Festivals: Re-Evaluating Stakeholder's Relations. *Place Branding and Public Diplomacy*, 6(4), 316–332. <https://doi.org/10.1057/pb.2010.30>
- Prentice, R., Andersen, V. (2003). Festival as Creative Destination. *Annals of Tourism Research*, 30(1), 7–30.
- Quinn, B. (2005). Arts festivals and the city. *Urban studies*, 42(5), 927–943. <https://doi.org/10.1080/00420980500107250>
- Robinson, M., Picard, D., Long, P. (2004). Festival tourism: producing, translating, and consuming expressions of culture(s). *Event Management*, 8(4), 187–189.
- Thomas, R., Wood, E. (2003). Event-based tourism: A survey of local authority strategies in the UK. *Local Governance*, 29(2), 127–136. <https://doi.org/10.3727/1525995031436836>

References

- Arcodia, C., Whitford, M. (2007). Festival attendance and the development of social capital. *Journal of convention & event tourism*, 8(2), 1–18. https://doi.org/10.1300/J452v08n02_01
- Cudny, W. (2016). *Festivalisation of Urban Spaces: Factors, Processes and Effects*. Cham: Springer.
- Derrett, R. (2003). Making sense of how festivals demonstrate a community's sense of place. *Event Management*, 8(1), 49–58. <https://doi.org/10.3727/152599503108751694>

- Finkel, R., Platt, L. (2020). Cultural festivals and the city. *Geography Compass*, 14(9), 1–21. <https://doi.org/10.1111/gec3.12498>
- Gafar, T. V., Lisitsky, A. V. (2016). “The Great Unidentified Movement”. Festivals in Volgograd as a Tool for Influencing the Urban Environment and Territorial Development. *Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service*, 10(1), 98–104. (In Russian).
- Getz, D. (2010). The Nature and Scope of Festival Studies. *International Journal of Event Management Research*, 5(1), 1–47. <https://doi.org/10.1108/17852951011029298>
- Getz, D., Page, S. J. (2016). Progress and prospects for event tourism research. *Tourism Management*, 2016(52), 593–631. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2015.03.007>.
- Golovetsky, N. Ya., Tumanov, A. I. (2017). Film Festivals as a Factor in the Development of Social Infrastructure and Tourist Attractiveness of a Region. *Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 1: Economics and Management*, 2017(3/22), 90–94. (In Russian).
- Jakob, D. (2013). The Eventification of Place: Urban development and experience consumption in Berlin and New York City. *European Urban and Regional Studies*, 20(4), 447–459. <https://doi.org/10.1177/0969776412459860>
- Moscardo, G. (2007). Analyzing the role of festivals and events in regional development. *Event Management*, 11(1–2), 23–32. <https://doi.org/10.3727/152599508783943255>
- Ooi, C.-S., Strandgaard Pedersen, J. (2010). City Branding and Film Festivals: Re-Evaluating Stakeholder’s Relations. *Place Branding and Public Diplomacy*, 6(4), 316–332. <https://doi.org/10.1057/pb.2010.30>
- Prentice, R., Andersen, V. (2003). Festival as Creative Destination. *Annals of Tourism Research*, 30(1), 7–30.
- Quinn, B. (2005). Arts festivals and the city. *Urban studies*, 42(5), 927–943. <https://doi.org/10.1080/00420980500107250>
- Robinson, M., Picard, D., Long, P. (2004). Festival tourism: producing, translating, and consuming expressions of culture(s). *Event Management*, 8(4), 187–189.
- Thomas, R., Wood, E. (2003). Event-based tourism: A survey of local authority strategies in the UK. *Local Governance*, 29(2), 127–136. <https://doi.org/10.3727/1525995031436836>

«Мастерская» челябинского Дома архитектора

ПЕТРОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ^{[1], [2]}

✉ pena.talya@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6514-5601

^[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

^[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

В статье рассказывается об антропологическом направлении междисциплинарного проекта по исследованию городских пространств «Мастерская», организованного челябинским Домом архитектора (подразделением АНО Агентство инновационного и инвестиционного развития города Челябинска). Представлена история и общая специфика цикла: с 2020 по 2024 годы несколько десятков участников (студенты, молодые и уже состоявшиеся специалисты) смогли попробовать себя в предпроектных исследованиях и разработке проектов городского развития реальных территорий Челябинска. Под руководством приглашенных из разных городов кураторов студенты «Мастерской» осваивали теорию и практику работы по направлениям «Архитектура и граданализ», «Экономика», «История», «Экология», «Локальная идентичность (художники)» и «Антропология». Более подробно освещена работа в 2024 году: состав участников, дизайн и результаты исследования, сложности реализации и значение проекта. Особенностью проекта в 2024 году стал характер выбранной территории: впервые внимание уделялось не центральному, а отдаленному городским пространствам с расположенными там корпусами противотуберкулезного диспансера и заводских производств, создающими множество вызовов для проектирования. К сложностям организации работы антропологического направления такого проекта можно отнести сжатые сроки и интенсивность исследовательского процесса, совмещенного с освоением новой для участников-неантропологов дисциплины; неполное понимание специфики городской антропологии со стороны организаторов проекта, участников других направлений и членов жюри. В целом проект Дома архитектора кажется весьма эффективной формой производственной практики для студентов, весомым пунктом в портфолио молодого специалиста, полезным знакомством с коллегами, преподавателями и потенциальными работодателями.

Ключевые слова: городская антропология, прикладная антропология, Челябинск, Дом архитектора

Для цитирования статьи:

Петрова, Н. С. (2025). «Мастерская» челябинского Дома архитектора. *Фольклор и антропология города*, VII(2), EDN: QUVРХУ. 77–88.

Дата поступления в редакцию: 05.03.2025

Дата принятия к публикации: 07.04.2025

“Workshop” of the Chelyabinsk House of Architects

NATALIA S. PETROVA ^{[1], [2]}

✉ pena.talya@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6514-5601

^[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

^[2] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

The article describes the anthropological aspect of the interdisciplinary project on urban space research, “Workshop”, organized by the Chelyabinsk House of Architects (a division of the Agency for Innovation and Investment Development of the City of Chelyabinsk). The history and general specifics of the cycle are presented: from 2020 to 2024, several dozen participants (students, young specialists, and established professionals) had the opportunity to engage in pre-project research and the development of urban planning projects for real territories in Chelyabinsk. Under the guidance of curators invited from different cities, the students of the “Workshop” mastered both the theory and practice of work in the areas of “Architecture and Urban Analysis”, “Economics”, “History”, “Ecology”, “Local Identity (Artists)”, and “Anthropology”. The work in 2024 is covered in more detail: the composition of the participants, the design and results of the study, the challenges encountered, and the project’s significance. A special feature of the 2024 project was the nature of the chosen territory: for the first time, attention was focused not on the central but on the peripheral urban spaces, which included buildings from the tuberculosis dispensary and factory production facilities. This presented many challenges for design. The difficulties of organizing the anthropological direction of such a project include tight deadlines and the intensity of the research process, combined with the need to introduce a new discipline to non-anthropologist participants; incomplete understanding of the specifics of urban anthropology on the part of the project organizers, participants in other directions, and jury members. Overall, the House of Architects project appears to be a highly effective form of industrial practice for students, a significant addition to the portfolio of young specialists, and a valuable introduction to colleagues, teachers, and potential employers.

Keywords: urban anthropology, applied anthropology, Chelyabinsk, House of Architects

To cite this article:

Petrova, N. S. (2025). “Workshop” of the Chelyabinsk House of Architects. *Urban Folklore & Anthropology*, VII(2), 77–88. (In Russian). EDN: QUVXPY.

Контексты: история и специфика программы

Цикл междисциплинарных исследовательско-образовательных проектов Дома архитектора (АНО Агентство инновационного и инвестиционного развития города Челябинска¹), организованный в 2020–2024 годах командой event-направления АИиИР в лице Галины Зубаировой, Полины Ильиной, Дмитрия Колесникова, Анны Озеровой и др., помог нескольким десяткам участников познакомиться с городскими исследованиями. Создателями были заявлены следующие цели этих проектов:

- разработать единую концепцию развития (определенной городской – Н.П.) территории, которая в будущем станет основой для создания общественных и жилых пространств;
- познакомить студентов и отработать с ними методы разных исследовательских практик изучения территорий;
- дать опыт работы в междисциплинарных командах;
- посотрудничать в рамках научной работы с будущими работодателями [Мастерская'23 2024: 5].

Пять потоков программы «Мастерская» (ранее – «Перемена») дали возможность отобраным по конкурсу мотивационных писем студентам и молодым (а также вполне взрослым) специалистам за 2–3 летних и осенних месяца попробовать себя в предпроектных исследованиях и разработке проектов городского развития. Под руководством приглашенных из разных городов кураторов студенты «Мастерской» осваивали теорию и практику работы по направлениям «Архитектура и граданализ», «Экономика», «История», «Экология», «Локальная идентичность (художники)» и «Антропология» применительно к различным городским территориям (каждый год выбирался новый район). После этапа предпроектного исследования участники делились на сборные междисциплинарные команды, в каждую из которых входило по несколько архитекторов, экономистов, антропологов и т. д., и уже в этом составе они работали на этапах «Концепция» (выработка гипотез по развитию территории), «Проектирование» (подготовка мастер-плана и социоэкономической стратегии), «Сборка» (формирование разделов книги из отдельных отчетов и ее верстка, защита проекта). Финальные проекты презентовались строгому жюри, состоящему из сотрудников городской администрации, архитектурных бюро, девелоперских компаний. В 2024 году был добавлен состязательный элемент, а также денежные и памятные призы командам по итогам защиты.

Результаты работы размещались в открытом доступе на сайте проекта² и/или публиковались в виде книг с небольшим тиражом

¹ <https://air174.ru/agency/>

² <https://peremena74.ru/>

(например, [Мастерская'23 2024]). Участники художественного направления представляли свои творческие работы в виде выставок («Свойства территории» в 2023 году), паблик-арта³ и аудиоспектакля («Голоса Пушкина» — «это аудио-прогулка. Вы услышите истории людей, которые живут и бывают на этой улице, формируют ее облик и образ»⁴).

Кураторами социально-антропологического трека в разные годы выступали Святослав Мурунов и Никита Петров. Я курировала «Антропологию» в 2023 и 2024 годах. Особенность антропологического направления заключалась в том, что для всех студентов это было первым знакомством с такой сферой исследований: социальных / городских антропологов в челябинских вузах не готовят. Поэтому здесь задачей куратора было не только организовать изучение конкретной городской территории, но и в очень сжатые сроки около двух недель уместить обучающий курс введения в дисциплину, при этом из-за интенсивного характера занятий привычный формат «послушали лекцию, почитали дома литературу по теме, разобрали на семинаре» пришлось заменять на активности в виде кейс-игр. По той же причине антропологическая группа обычно была немногочисленной: 3–4 человека в сравнении с 8–10 архитекторами или художниками.

Кто же становился антропологом на время проекта? Как правило, это были уже вышедшие из студенческого возраста люди — те, кто интересуется урбанистикой в целом, но не обладает специфической подготовкой в других направлениях «Мастерской» (например, архитектура, экономика или экология) и хотел бы получить новые знания. В отборочных мотивационных письмах озвучивались такие аргументы к участию, как любовь к городу, желание лучше его узнать и внести какой-то вклад в его возможное развитие, стремление приобрести опыт работы в команде и профессиональные связи. Так, в антропологическую команду «Мастерской-24» вошли Дарья Журавлева, преподаватель факультета изобразительного искусства ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского, и Юлия Семейкина, создатель экскурсионного проекта «Челябинск пешком»⁵. Организовывать работу направлений помогали менеджеры из числа выпускников программы прошлых лет. Кроме того, в 2024 году в рамках «Мастерской» действовало экспериментальное подростковое направление под кураторством Александры Горчаковой. Очень активные и любознательные старшеклассники пополнили ряды всех направлений (к антропологам пришли Мила и Маша),

³ <https://masterskayapushkina2022.tilda.ws/public-art>

⁴ <https://masterskayapushkina2022.tilda.ws/golosa-pushkina>

⁵ https://taplink.cc/chelyabinsk_peshkom

а на этапе проектирования разработали собственное видение будущего исследуемой территории.

Обучающую часть антропологического трека составляли лекции и семинары по городской антропологии: «Люди в городе: взгляд социального антрополога», «Город как коммуникативная площадка: техники чтения городского текста», «Виды антропологических интервью и методики проведения» (дополнительно проводилась кейс-игра, воспроизводящая сложные коммуникативные ситуации во время интервью, в разработке которой помог опыт обучения команды для проекта «Народная история России»⁶ — см. об этом [Матвеева, Петрова, Петров 2021: 194–196]), «Ментальное картирование как метод городской антропологии», «Спросите горожан, как сделать город лучше: социальные исследования и соучаствующее проектирование в городском благоустройстве» и др.

Помимо кураторских занятий в программу входили также лекции приглашенных экспертов. Так, в 2024 году Дарья Радченко провела лекцию и практикум по цифровой антропологии для студентов антропологического трека, а Никита Петров прочитал точную для всех направлений «Мастерской» лекцию «Нужна ли городу идентичность, или Собственная логика городов». Здесь хотелось бы отдельно отметить просветительский функционал проекта: помимо мероприятий только для прошедших конкурсный отбор студентов (в рамках как отдельных направлений, так и сквозных междисциплинарных) была организована также публичная программа открытых лекций и подкастов по урбанистике, доступная всем желающим⁷.

«Мастерская-24»: как это было

Об исследовательской части подробнее расскажу на примере «Мастерской-24». В этот раз изучаемой территорией стал участок Ленинского района Челябинска (в границах улиц: Копейское шоссе — Машиностроителей — Дзержинского — Гранитная), и это было расширением горизонтов проекта в том плане, что впервые внимание уделялось не центральным, а отдаленным городским пространствам. Организаторы так аргументировали свой выбор: 1) концентрация локаций, планируемых к реновации в рамках программы «Комплексное развитие территории»; 2) соседство с садово-парковым комплексом монастырской заимкой «Плодушка», предлагающее много культурно-исторических контекстов для исследования; 3) расположение на территории корпусов противо-

⁶ <https://pastandnow.ru/>

⁷ Например, публичные лекции «Мастерской-24» [https://www.youtube.com/playlist?list=PLYU5yVCskVy6W6B2p_cWxwr2nQrGEbDE6] или подкасты «Мастерской-23» [<https://vk.com/podcasts-211656082>].

туберкулезного диспансера и заводских производств, создающее множество вызовов для проектирования; 4) близость к транспортному кольцу, которое связывает крупные дорожные артерии Ленинского района Челябинска с городом-спутником Копейском⁸.

Задачами антропологов на этапе предпроектного исследования было выявить группы пользователей территории и текущие пользовательские сценарии; проанализировать репутационные смыслы территории; определить ценности и проблемы территории (по мнению пользователей); зафиксировать запросы на изменение территории и отношение к перспективам ее реновации. На все это (вместе, напомним, с общим ликбезом по городской антропологии) отводилось 13 рабочих дней.

В первую неделю участие куратора было дистанционным, а студенты помимо вводных собственно антропологических занятий посещали поточные лекции по истории и gis-интенсив, ездили на ознакомительную экскурсию по территории и совместно с архитекторами проводили предварительный swot-анализ. Первым исследовательским полевым выходом стало антропологическое наблюдение с акцентом на качествах пространства (включая звуки, запахи, визуально доминирующие объекты, точки притяжения), людях и их взаимодействиях между собой и с пространством. Впечатления от выхода мы обсудили и проблематизировали онлайн. Завершали первую неделю работы занятия по цифровой антропологии с Дарьей Радченко, практическим результатом которых стал собранный при помощи программы Медиалогия PR корпус из почти 5000 комментариев и ответов в городских пабликах и социальных сетях за прошедший год (затем эти тексты были исследованы методом контент-анализа для выявления ключевых обсуждаемых пользователями проблем территории).

Наша очная совместная работа на второй неделе началась с составления онлайн-опроса и гайда интервью (в которых мы отталкивались от результатов исследований первой недели), к чему были привлечены и участники других направлений, чтобы собранные антропологами полевые материалы далее использовались максимально продуктивно. Художникам оказались интересны чувственные соотношения с пространством: «С каким цветом ассоциируется территория?», а от архитекторов поступил запрос выяснить, готовы ли жители в случае реновации жилого фонда переехать: при предложении жилья, аналогичного по стоимости и площади, но в другом районе, или только при условии размещения примерно на этой же территории.

Эта неделя была очень интенсивной: антропологи запустили онлайн-анкету (получено 75 ответов), взяли 14 глубинных очных

---

⁸ https://vk.com/domarch74?w=wall-211656082_1326

и дистанционных интервью (причем первые из них — вечером того же дня, утром которого они посетили лекцию и кейс-игру о методах интервьюирования) и оперативно обсудили их результаты, провели уличный блиц-опрос (6 опрошенных) и мини-проектную сессию с активными горожанами (7 участников). А еще сходили на поточные лекции и встречи со стейкхолдерами. Важно подчеркнуть хорошую административную поддержку программы: у студентов была возможность напрямую задать интересующие их вопросы главному архитектору города, комитету дорожного хозяйства, управлениям культуры и ЖКХ, сотрудникам девелоперских компаний и районной администрации, что, кажется, не всегда легко организовать в случае коммерческого прикладного проекта.

Третья неделя исследовательского этапа была посвящена сведению и анализу собранных данных, подготовке отчетной презентации и антропологического раздела в итоговой книге. Забегая вперед, добавлю, что еще один заход в полевую работу ждал антропологов на финальных этапах проекта, когда нам нужно было спрогнозировать эффекты от паблик-арта, созданного направлением «Локальная идентичность». Для этого проводился уличный блиц-опрос в местах планируемого размещения арт-объектов (опрошено 20 человек). Его результаты были учтены художниками при корректировке предварительных эскизов. Монтаж арт-объектов согласован с собственниками и запланирован на весну 2025 года.

Что же удалось понять о Ленинском районе в результате проведенного исследования? Один из ключевых смыслов территории связан с промышленной идеей бывшего поселка ТЭЦ, главной персонификацией которой является образ рабочего, претерпевающий исторические изменения. «Золотой век» территории в ностальгических нарративах относится к периоду бурного развития 1930–1940-х годов и позднесоветскому этапу стабильности, размеренного промышленного производства, когда профессия рабочего была социально уважаемой и зачастую семейно преемственной, а заводской поселок — благоустроенным и ухоженным пространством (отсюда, отчасти, вытекает трепетное отношение к оставшейся на территории советской застройке как к следам «былого величия»). Постсоветский упадок производства приводит к маргинализации фигуры рабочего: связь с промышленным производством начинает ассоциироваться не со стабильностью, а с ее отсутствием и неустроенностью. С этого времени начинается репутационное падение территории, ее геттоизация, особенно во внешних представлениях о ней как о полузаброшенной криминальной окраине (тут любопытны диаметрально противоположные расхождения в оценке о безопасности места между демонизирующими его редкими посетителями и постоянными жителями, ценящими здешний уют и добрососедство). Если для многочисленных постсоветских рабочих поселков промышленная

история заканчивается вместе с закрытием исходных предприятий, то в случае Челябинска мы наблюдаем ревитализацию этой сферы (а вместе с тем и позитивных смыслов промышленной идеи): предприятия продолжают работу, предлагают рабочие места с конкурентоспособной зарплатой. Рост престижности промышленного кластера влечет повышение статуса современного рабочего — квалифицированного специалиста, что может вернуть профессии популярность и социальную значимость, а вместе с тем и изменить репутацию территории, сделать ее более привлекательной.

Антропологической командой были предложены следующие рекомендации по развитию территории с учетом ее социальной специфики:

1. Рассмотреть возможность сохранить обилие зеленых насаждений и отдельные элементы исторического облика района, поскольку сталинская застройка воспринимается как аттрактор территории, как ее ценность.

2. При перемещении жителей аварийного фонда учитывать важность сложившихся соседских связей, предусмотреть возможность компактного расселения для сохранения добрососедских групп.

3. Разработать имиджевые стратегии для территории, которые бы сгладили ее негативную внешнюю репутацию криминализованной рабочей окраины и сделали район более привлекательным для сторонних пользователей:

- акцент на удачное территориальное расположение (близость к популярному как место отдыха парку «Плодушка», к озеру Смолино и благоустраиваемой современной набережной);
- ревитализация промышленной идеи территории (активно развивающийся кластер, позитивный образ современного рабочего)⁹.

Присутствовавшие на презентациях исследовательского модуля кураторы проектного этапа (один из которых провел детство непосредственно в Ленинском районе) и участвовавшие в антропологических опросах в качестве респондентов горожане в целом согласились с антропологической трактовкой территории.

Сложности реализации

То, что нельзя было спрогнозировать. Летом 2024 года мы столкнулись с природным форс-мажором, сильно осложнившим полевые выходы. Из-за обильных ливней произошло подтопление значительных территорий в Челябинской области, и один из эпицентров пришелся на улицу Энергетиков в исследуемом районе го-

⁹ Подробнее об этом см. видеозапись финальной защиты проекта «Мастерская-24» (выступление команды антропологов) [https://vkvideo.ru/playlist/-211656082_10/video-211656082_456239358]

Рис. 1. Собираемый образ исследуемой территории для жителей, сгенерированный нейросетью Kandinsky 3.1

Fig. 1. Collective image of the study area for residents, generated by the Kandinsky 3.1 neural network

рода¹⁰. Часть улиц стала просто непроходимой, возникли перебои с электричеством. Помимо чисто физической недоступности территории возникли и коммуникативные сложности: горожане были сконцентрированы на актуальных проблемах и не были склонны общаться на менее злободневные темы. Из-за погодных условий пришлось отменить второй выход на уличный блиц-опрос (перенести его уже не было возможности из-за завершения сроков исследовательского этапа).

---

¹⁰ См. об этом публикации в региональных СМИ: [<https://74.ru/text/incidents/2024/07/30/73892723/>; <https://74.ru/text/gorod/2024/07/26/73881800/>]

Рис. 2. Собирательный образ исследуемой территории для посетителей, сгенерированный нейросетью Kandinsky 3.1

Fig. 2. Collective image of the study area for visitors, generated by the Kandinsky 3.1 neural network

Организационные условия. Сжатые сроки повышали интенсивность и местами — стрессовость рабочего процесса. Частично снизить нагрузку на антропологов удалось передачей расшифровок аудиозаписей интервью сторонним исполнителям (хочу сказать большое спасибо организаторам, пошедшим на эти дополнительные финансовые траты) и использованием специализированных программ.

Трудноохватимыми были в этот раз размеры территории: за один полевой выход невозможно, не поделившись на подгруппы (что, в свою очередь, непросто, учитывая малочисленность команды), обойти ее всю целиком, что приводило к фрагментарности наблюдений и сложностям в проведении уличных блиц-опросов.

Человеческий фактор. Одна из ключевых сложностей работы заключалась в уже упомянутом выше отсутствии профильной подготовки у участников антропологической команды, компенсировавшемся высокой замотивированностью, личным интересом к новым знаниям и ответственностью. Отдельно не хватало технических навыков для автоматической обработки собранных материалов, а также для верстки антропологического раздела книги (в этом нам очень помогла менеджер направления Александра Димова, взявшая на себя основную часть технической работы, а также организаторы, создавшие общие шаблоны презентаций и проводившие обучающие консультации). Разновозрастной состав требовал ранжирования задач по сложности и индивидуального подхода при распределении заданий.

Дисциплинарная непроницаемость. Неполное понимание специфики городской антропологии со стороны организаторов проекта, участников других направлений и членов жюри (в состав которого входили преимущественно архитекторы, хотя для большей объективности в оценке предпроектных исследований всех направлений, возможно, стоило бы добавить туда историка, эколога, художника и антрополога) порождало неоправданные ожидания и — как временами казалось — недооценку проделанной антропологической командой работы. Так, в одном из первых вариантов техзадания на антропологическое исследование значился пункт «анализ криминогенной обстановки», который потом удалось заменить на «представления пользователей о безопасности территории». Главным камнем преткновения стал приоритет количественных методов над качественными: нас просили в презентациях «подчеркнуть цифры», запрашивали у нас половозрастную статистику по территории и интересовались «а почему так мало интервью?». К финалу проекта антропологи научились стойко парировать такие претензии к их презентациям.

Выходом из такой ситуации видится просвещение далекой от антропологии общественности через публичные лекции или междисциплинарные антропологические практики. Удачным в этом плане стал опыт «Мастерской-23»: тогда проект был более продолжительным и включал «нулевой» этап знакомства участников и общего для всех направлений вводного курса по антропологии. И антропологи, и архитекторы, и экономисты, и историки, и художники проводили наблюдение на территории, собирали цифровые следы, а самым «инсайтным» заданием, судя по отзывам, стала исследовательская прогулка по пользовательским маршрутам. Студентам нужно было пройти по территории, глядя на нее с позиции «пенсионера, идущего из дома в продуктовый магазин», «неприкаянного подростка на скейте / велосипеде в день каникул», «тури-

ста, впервые попавшего в Челябинск и идущего пешком с чемоданом от железнодорожного вокзала в сторону центральной улицы Кирова» и др. Это дало возможность оценить связность маршрутов и понять, насколько удовлетворяются запросы разных пользователей территории.

Значение проекта для участников

Если говорить конкретно о студентах антропологического направления, то для них «Мастерская» стала принципиально новым опытом, знакомством с ранее не изучавшейся дисциплиной, наконец, важным в первую очередь для расширения кругозора. В отдельных случаях это в дальнейшем использовалось в личных профессиональных целях: например, Юлия Семейкина разработала новую аудиоэкскурсию для своего проекта «Челябинск пешком» с опорой на материалы антропологического исследования.

В целом же проект Дома архитектора кажется весьма эффективной формой производственной практики для студентов, весомым пунктом в портфолио молодого специалиста, полезным знакомством с коллегами, преподавателями и потенциальными работодателями (есть случаи трудоустройства выпускников «Мастерской», ярко проявивших себя на презентациях).

В этом было очень интересно и комфортно участвовать, и я благодарна организаторам за такую возможность и опыт.

Литература

Матвеева, Э. Г., Петрова, Н. С., Петров, Н. В. (2021). *Город в историях людей – Мурманск: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. М.: Неолит.

Мастерская'23. Исследовательский проект (2024). Челябинск: АИиИР.

References

Matveeva, E. G., Petrova, N. S., Petrov, N. V. (2021). *The City in the stories of people – Murmansk: Selected texts and methodological recommendations for collecting interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).

Workshop'23. Research project (2024). Chelyabinsk: Agency for Innovation and Investment Development of the City of Chelyabinsk.

«Наконец-то мы видим город»: участие студентов магистратуры «Концептуальная урбанистика» в предпроектных исследованиях Центра урбанистики ТюмГУ

ФЕДОР СЕРГЕЕВИЧ КОРАНДЕЙ ^[1]

✉ brecht_1@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1781-1937

^[1] Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

В статье научный сотрудник Центра урбанистики Тюменского государственного университета и руководитель студенческих практик магистерской программы «Концептуальная урбанистика» рассказывает о работе с начинающими или непрофессиональными исследователями. Основными характеристиками этой практики являются а) предпроектный характер исследований, в которые включаются студенты магистерской программы; б) особый состав студентов, в который, помимо выпускников бакалавриата, входит много работающих в городской сфере профессионалов; в) сочетание практических и фундаментальных исследовательских задач; г) абдуктивная логика постановки исследовательских задач. Ведущим принципом студенческих практик Центра урбанистики является включение в прикладные предпроектные исследования фундаментальных научных задач, при котором не только выполняются конкретные задачи, поставленные заказчиком, но и производится рефлексия над ситуацией с точки зрения общегородского процесса, который они наблюдают. Студенты, как правило, прорабатывают базовые исследовательские навыки, прежде всего полевые — интервью, наблюдение, ведение полевых дневников и т. д. Наиболее важным в педагогическом смысле представляется то, что ситуация полевой работы в настоящих городских контекстах, отличающаяся от стандартных форм обучения, раскрывает знания и навыки студентов гораздо эффективнее, чем учебная. В то время как проектная логика предполагает, что студенты являются прежде всего собирателями материала, выполняющими конкретные технические задачи, исследовательская логика стремится к тому, чтобы студенты становились интерпретаторами материала, как и их старшие коллеги.

Ключевые слова: предпроектные исследования, магистерская программа «Концептуальная урбанистика», Центр урбанистики Тюменского государственного университета

Для цитирования статьи:

Корандей, Ф. С. (2025). «Наконец-то мы видим город»: участие студентов магистратуры «Концептуальная урбанистика» в предпроектных исследованиях Центра урбанистики ТюмГУ. *Фольклор и антропология города*, VII(2), EDN: NRCIMB. 89–94.

“Finally we see the city”: involving of students of the Conceptual Urban Studies Master’s program in pre-design research of the Center for Urban Studies of Tyumen State University

FEDOR S. KORANDEI ^[1]

✉ brecht_1@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1781-1937

^[1] Tyumen State University, Tyumen, Russia

In this papers, the research fellow at the Center for Urban Studies at Tyumen State University and the head of student field studies for the Conceptual Urban Studies Master’s program writes about involving early career researchers in field research work. The key aspects of practice of the Center for Urban Studies are a) the pre-design nature of the research, which involves students of the Master’s program; b) the student staff, which, in addition to bachelor’s graduates, includes many professionals working in the urban enterprises; c) a combination of practical and fundamental research tasks; d) the abductive logic of setting research tasks. The main principle of the student practices is to integrate fundamental sholarly tasks into applied pre-project research, in which not only are specific tasks set by the employer carried out, but also study is carried out on the situation from the point of view of the city process that they observe. Students typically work on basic research skills, primarily field skills — interviews, observations, keeping field diaries, etc. What is most important from an educational perspective is that the situation of fieldwork in real urban contexts, which differs from standard forms of training, reveals students’ knowledge and skills much more effectively than the classroom. While the project logic assumes that students are primarily data collectors performing specific technical tasks, the research logic aims for students to become data interpreters like their senior colleagues.

Keywords: pre-design research, Conceptual Urban Studies Master’s program, Center for Urban Studies at Tyumen State University

To cite this article:

Korandei, F. S. (2025). “Finally we see the city”: involving of students of the Conceptual Urban Studies Master’s program in pre-design research of the Center for Urban Studies of Tyumen State University. *Urban Folklore & Anthropology*, VII(2), 89–94. EDN: NRCIMB. (In Russian).

ДАТА ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ: 17.04.2025

ДАТА ПРИНЯТИЯ К ПУБЛИКАЦИИ: 18.04.2025

С самого начала деятельности Центр урбанистики ТюмГУ, в задачи которого входят академические и прикладные исследования, а также развитие магистерской программы «Концептуальная урбанистика», ориентируется на то, чтобы заданные учебным стандартом студенческие практики становились пространством приобретения действительных знаний и опыта, и по этой причине активно вовлекает студентов в свои исследования обоих типов. Мы постоянно экспериментируем с форматами, особенно учебных практик и прикладных исследований. Происходит это динамично, как жизнь, поэтому я предпочел бы опираться на опыт не одного исследования, а всех наших исследований, в которые был вовлечен, — иногда в качестве руководителя, иногда как соисполнитель, — за последние годы.

Самый распространенный тип исследований в нашей практике — предпроектные, связанные с запросами городских стейкхолдеров, органов власти или девелоперов, испытывающих дефицит знаний о территории, на которой будет осуществляться проект развития, или социальной проблеме, которую предстоит решить. Научный бэкграунд большинства из нас — гуманитарные и социальные науки, и в данном случае это обстоятельство обращается в конкурентное преимущество. Мы знаем городскую историю и ландшафт, можем провести пространственный анализ в QGIS, пойти в поле, чтобы узнать мнения экспертов и обычных жителей, провести фокус-группу или фасилитационную сессию. Технические задания проектов обычно это учитывают — заказчики ценят нашу способность «вычитать» из городского ландшафта скрытые смыслы и аффордансы, узнать потребительную стоимость территории с точки зрения местных и общегородских сообществ, и таким образом избежать конфликтов.

Сроки, как правило, небольшие — несколько месяцев, что как раз совпадает с темпоральностью студенческого семестра, масштабы — тоже: обычно это городской вернакулярный район, что как раз под силу нашей не очень большой команде.

Во многом такой дизайн сложился благодаря нашим студентам — на магистерской программе «Концептуальная урбанистика» учатся не только выпускники академического гуманитарного или социального бакалавриата, но и уже состоявшиеся городские профессионалы, архитекторы, сотрудники девелоперских компаний и бизнесмены. Люди, все, конечно, молодые, но не юные, между двадцатью и тридцатью с небольшим, активные, много знающие о своих профессиональных мирах, но ищущие. Чаще всего поиск таких людей формулируется в терминах профессионального самосовершенствования, урбанистика в этом смысле сообщает им метаязык для того, чтобы говорить о собственной миссии в контексте других городских профессий. При этом рядом с ними находится

много людей чуть помладше с академическими интересами, которые видят себя в науке и которых город интересует как предмет исследования. Встреча с людьми, которые этот город уже делают, хотя и находятся в том же статусе студентов, позволяет, например, взять у своего сокурсника интервью для своей магистерской диссертации.

Во время наших практик и предпроектных исследований и те, и другие получают базовые исследовательские навыки, прежде всего полевые: интервью, наблюдение, ведение полевых дневников и т. д. Что мне представляется наиболее важным в педагогическом смысле — это ситуация полевой работы в настоящих городских контекстах, отличающаяся от стандартных лекций, семинаров и докладов. Она раскрывает студентов иначе и, на мой взгляд, гораздо эффективнее, чем привычная учебная. Те, кто привык работать в реальном секторе, вносят в общее дело предприимчивость, уверенность, знание конкретных городских сфер и контактов; те, кто имеет академический бэкграунд и стремится в науку — свои базовые скиллы, например, способность за короткое время проработать огромное количество источников по теме; и даже те, кто, пока не определился (что скрывать, бывают и такие), тоже начинают участвовать, и это дорогого стоит. «Наконец-то мы видим город», — такую реакцию от студентов я слышал не раз. Не менее важно, что в процессе возникает ситуация рабочей коммуникации, которая тоже выглядит иначе, чем стандартная дискуссия на семинаре. Фрейм «учитель — ученик», древний и могущественный, вколачивается в человека с первого класса и до последнего курса, но тут мы становимся коллегами и что-то можем ему противопоставить. Пример такого взаимодействия: А., задействующий свой академический бэкграунд, чтобы описать археологию места и связанный с этим пакет ограничений в контексте предпроектного исследования территории, по которой есть планы реконструкции; Б., предлагающая выход на собеседника, с которым при иных обстоятельствах нам пришлось бы долго знакомиться; и В., способный прокомментировать ситуацию с точки зрения его бизнеса.

Основной принцип вовлечения студентов при этом (во всяком случае, мы к этому стремимся) — «зашивание» в прикладные задачи проекта или практики исследовательских урбанистических задач, метапозиции, при которой мы бы не только выполняли конкретную задачу, поставленную заказчиком, но и рефлексировали над ситуацией с точки зрения общегородского процесса, который перед собой видим. Иногда это обсуждается в терминах *основной задачи*, которая отвечает требованиям заказчика, и *теневой задачи*, которая будет заключаться в понимании того, как эта сфера в целом устроена, и какие фундаментальные вопросы развития города она затрагивает.

Так, мы пытаемся организовать что-то вроде эпохи в вальдорфской педагогике — погружаясь в тему конкретного заказа, мы не только выстраиваем необходимую для его решения последовательность технических действий, но и параллельно взаимодействуем с практиками, которые занимаются тем же на постоянной основе, проводим с ними встречи и глубинные интервью. На уровне отвлеченного примера (в реальности таким мы никогда не занимались, разумеется): если перед нами стоит задача переименовать улицу в садовом товариществе, включаемом в состав города, то мы не будем ограничиваться проведением только этой процедуры, но пойдем в другие садовые товарищества посмотреть, как там проходят аналогичные процессы переименования, побеседуем с участниками процесса, с представителями Комиссии по топонимике и т. п.

На практике у этой схемы есть ряд проблем, которые приходится решать творчески.

Во-первых, сама по себе она тоже вырастает из обычного вопроса практики взаимодействия с городскими стейкхолдерами — они отнюдь не всегда переводят прагматическую цель нашей работы в совокупность конкретных операций. Техническое задание — продукт коллективной работы. Хорошо, если студентов удастся задействовать уже на этом этапе, когда обязательно нужны интервью с заказчиками. Интервью часто воспринимаются с энтузиазмом и студентами, для которых это, может быть, первое такое взаимодействие, и заказчиками, потому что к студентам у них, как правило, отношение особое.

Во-вторых, после интервью, на этапе согласования утвержденного ТЗ с исследовательскими задачами практики возникают творческие сложности, связанные с противоречием прикладного и фундаментального. Проектная логика, индуктивный ход от уже назначенной цели к разбиению на технические операции, наверное, больше подходит и для прагматической сферы, в рамках которой выполняются наши проекты, и для практики как таковой — назначай задания и делай. Здесь студенты могут сказать: «Дайте нам конкретные цели». В то же время, в моей интерпретации урбанистика все-таки часть социальных и в какой-то степени даже гуманитарных наук. Идея в том, чтобы сначала зайти в поле, посмотреть, что ты там видишь и что оно вообще способно дать, а уже потом подбирать инструменты, концептуализировать и операционализировать. Это не то чтобы дедуктивный, а скорее, как говорит мой коллега Илья Севастьянов, абдуктивный метод — сначала посмотреть, потом выдвинуть гипотезу, обычно небольшого уровня, и начать ее проверять. Поэтому практика, посвященная решению определенной прагматической задачи, одновременно может представлять собой серию исследовательских экспериментов.

В-третьих, именно такая постановка вопроса делает некомфортной ситуацию и для преподавателя, и для студентов. В проектной логике студентов можно сделать собирателями материала, выполняющими конкретные технические задачи, получающими навык в экспресс-интервью или полевых наблюдениях. Именно к такой их роли приходится прибегать, когда, например, на проект отводится немного времени — поэтому коллеги помладше становятся собирателями, а коллеги постарше интерпретаторами материала. В идеальных условиях стремишься к тому, чтобы и студенты были интерпретаторами. Но в этом случае прагматическое и фундаментальное вступают в противоречие. Выполнять конкретные задачи, поставленные другими, проще, чем самому для себя их формулировать (хотя последнее, разумеется — ключевое умение профессионала). Разная степень вовлеченности студентов, потеря интереса к проекту — такое случается. Тогда, увы, приходится переводить проект в конкретные задачи.

Привычка к командной работе, академический бэкграунд и энтузиазм приводят к тому, что отчеты получаются отнюдь не сухими ответами на перечень поставленных вопросов, но разновидностью монографии, снабженной навигацией и вынесенными в отдельные разделы рекомендациями. Тот, что мы презентовали недавно, наш коллега назвал энциклопедией района и предложил заказчику так его и читать — не пытаться осилить сразу, а смотреть в оглавление и выбирать раздел в зависимости от задачи, которая стоит перед читающим специалистом. Один из отчетов по практике, руководителем которого был я, мы со студентами превратили в научную статью, которая должна выйти в «Городских исследованиях и практиках». И эту тенденцию мы планируем продолжать.

ДЕТАЛИ ГОРОДА

О конюшнях С. М. Буденного и исторической памяти Сколково читайте в статье А. А. Кашников и др.
(с. 95–122).

Рис. 1. «Конь Софист Маршала Советского Союза С. М. Будённый».
Фотография М. Ивановой. Архив ФИЦ «Немчиновка»

Fig. 1. "A horse named Sophist belonging to Marshal of the Soviet Union S. M. Budyonny".
Photo by M. Ivanova. Archive of the Federal Research Center "Nemchinovka"

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

«Пустое место» или место памяти? Инновационный центр «Сколково» в устных нарративах

КАШКИНА АННА АЛЕКСЕЕВНА ^[1]

ORCID: 0009-0004-8287-1586

✉ aakashkina@edu.hse.ru

^[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия

МИХАЙЛОВСКАЯ ВАРВАРА АЛЕКСАНДРОВНА ^[1]

ORCID: 0009-0004-9596-7042

✉ vmikhaylovskaya@hse.ru

^[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия

ПАРШАКИНА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ^[1]

ORCID: 0009-0001-3770-2511

✉ taparshakina@gmail.com

^[1] Независимая исследовательница

ТАРАСОВА ПОЛИНА АНАТОЛЬЕВНА ^[1]

ORCID: 0009-0000-5250-1200

✉ florapolya@mail.ru

^[1] Независимая исследовательница

Заметки посвящены исследованию конкуренции и сосуществованию нарративов о прошлом территории, на которой расположен инновационный центр «Сколково». Авторы анализируют пересечения и противоречия между публичным образом «Сколково» как проекта, созданного «на пустом месте», и альтернативным нарративом, сохраняемым местными жителями и сотрудниками Научно-исследовательского института сельского хозяйства (НИИСХ ЦРНЗ). Основу исследования составили интервью, архивные материалы и данные цифровой этнографии, собранные в рамках проектной мастерской НИУ ВШЭ «Историческая память города» и проекта «Народная история России» в 2023–2025 годах.

Ключевой фокус работы — анализ того, как различные акторы (СМИ, государственные институты, сотрудники НИИ, местные жители) конструируют память о месте. Публичный нарратив, продвигаемый в медиа, представляет «Сколково» как инновационный кластер, возникший «с чистого листа», что позволяет дистанцироваться от советского наследия и подчеркнуть ориентацию места на будущее. В противовес этому альтернативный нарратив, поддержива-

емый НИИ, акцентирует историческую преемственность территории, связанную с сельскохозяйственными исследованиями, экспериментальными полями и градообразующей ролью института в советский период. Параллельно с альтернативным нарративом существует городской фольклор, освещающий более раннюю историю территории «Сколково», который также рассматривается авторами заметок.

Особое внимание уделяется материальности, обеспечивающей устойчивость нарративов. Например, здания НИИ, архивные фотографии и продолжающаяся научная деятельность поддерживают альтернативную версию прошлого, тогда как медийные ресурсы и инфраструктура «Сколково» усиливают доминирующий нарратив. Городской фольклор воспроизводится без ориентации на материальные объекты, что не мешает его сохранению, но влияет на гибкость и рассеянность образов места.

Ключевые слова: память о месте, инновационный центр «Сколково», НИИ сельского хозяйства, альтернативный нарратив, городской фольклор, материальность памяти

Благодарности

Авторы выражают сердечную благодарность жителям исследуемых районов Москвы и Московской области за предоставленную информацию для анализа. Также авторы благодарят коллег по проекту за возможность использования общих данных, необходимых для написания этого текста, и Дарью Радченко за руководство проектом и ценные замечания.

Исследование выполнено в рамках совместной проектной мастерской НИУ ВШЭ «Историческая память города» и проекта «Народная история России» (pastandnow.ru).

Для цитирования статьи:

Кашкина, А. А., Михайловская, В. А., Паршакина, Т. А., Тарасова, П. А. (2025). «Пустое место» или место памяти? Инновационный центр «Сколково» в устных нарративах. *Фольклор и антропология города*, VII(2), EDN: LYMHQW. 96–122.

“Empty space” or a place of memory? Skolkovo Innovation Center in oral narratives

ANNA A. KASHKINA ^[1]

ORCID: 0009-0004-8287-1586

✉ aakashkina@edu.hse.ru

^[1] National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

VARVARA A. MIKHAYLOVSKAYA ^[1]

ORCID: 0009-0004-9596-7042

✉ vmikhaylovskaya@hse.ru

^[1] National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

TATIANA A. PARSHAKINA ^[1]

ORCID: 0009-0001-3770-2511

✉ taparshakina@gmail.com

^[1] Independent researcher

POLINA A. TARASOVA ^[1]

ORCID: 0009-0000-5250-1200

✉ florapolya@mail.ru

^[1] Independent researcher

This study examines the competing and coexisting narratives about the past of the territory where the Skolkovo Innovation Centre is located. The authors analyze the intersections and contradictions between the public image of Skolkovo as a project built “from scratch” and a locally preserved alternative narrative maintained by residents and employees of the Research Institute of Agriculture. The research is based on interviews, archival materials, and digital ethnography conducted within the framework of the HSE project workshop “Urban Historical Memory” and the “People’s History of Russia” project (2023–2025).

The key focus of the study is how various actors — media, state institutions, research institute employees, and local residents — construct the memory of the place. The public narrative, promoted in the media, portrays Skolkovo as an innovation cluster emerging from a “blank slate”, distancing it from its Soviet heritage and emphasizing a future-oriented agenda. In contrast, the alternative narrative, maintained by the Research Institute, stresses the historical continuity of the territory, linked to agricultural research, experimental fields, and the institute’s foundational role in local urban development during the Soviet era. Alongside this narrative, the study also explores urban folklore addressing the earlier history of the Skolkovo area.

Special attention is given to the materiality that sustains these narratives. The buildings of the research institute, archival photographs, and ongoing scientific activi-

ties reinforce the alternative version of the past, while media resources and Skolkovo's infrastructure amplify the dominant narrative. Urban folklore — though untethered from material objects — persists due to its flexibility and dispersion, shaping multiple perceptions of the place.

Keywords: memory of place, Skolkovo Innovation Center, Research Institute of Agriculture, alternative narrative, urban folklore, materiality of memory

To cite this article:

Kashkina, A. A., Mikhaylovskaya, V. A., Parshakina, T. A., Tarasova, P. A. (2025). "Empty space" or a place of memory? Skolkovo Innovation Center in oral narratives. *Urban Folklore & Anthropology*, VII(2), 96–122. (In Russian). EDN: LYMHQW.

В 2023 году, будучи студентами бакалаврской программы НИУ ВШЭ, мы выбирали место для небольшого прикладного исследования в рамках проектной мастерской по изучению исторической памяти в Подмосковье. Курс подразумевал сбор материалов для проекта «Народная история России»¹ и подготовку на их основе цифрового продукта — интерактивной карты, подкаста или лонгрида. Оставляя продуктовую часть проекта за скобками, в заметках мы стараемся сосредоточиться на данных, которые нам удалось собрать для «Народной истории России».

Проект специализируется на поиске и документировании устных историй жителей России об их городах, домах и семьях. В основе проекта лежит концепция «непубличной памяти»: образ города складывается из личного опыта и частной памяти конкретных людей и семей, которые обычно не присутствуют в публичном образе места [Петрова 2021]. Материалы, собранные для «Народной истории России», стали основой для книг и будущих инициатив. Например, в 2020 году инициатива «Историческая память» получила развитие в виде проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций», а в результате экспедиций были опубликованы книги и статьи о народной истории Советска [Радченко, Петров 2021], Сортавала [Матвеева, Петров, Радченко 2021; Матвеева 2021], Новозыбкова [Петров, Гаврилова, Радченко 2021] и других приграничных городов [Петров 2021]. Также авторы проекта выпустили сборник рекомендаций по сбору интервью, связанных с устной историей места, и работе с ними [Петров, Матвеева, Байдуж, Петрова, Радченко, Рычкова 2019].

На одном из первых занятий мастерской мы изучали карту «Народной истории России» в поисках пространства недалеко от Мо-

---

¹ <https://pastandnow.ru/>

сквы, еще не исследованного командой проекта. Одним из таких пространств оказалась территория в районе инновационного центра «Сколково» — значимого для федеральной медийной повестки российского технологического кластера. Поскольку профилем нашей мастерской были исследования памяти, нам показалось интересным соотнести неизвестное нам прошлое места с его настоящим и будущим, которое символизирует инновационный центр. Помимо этого, нас интересовали опыт и личная память жителей окрестных территорий, которые могли бы сделать наше описание поля более «насыщенным».

В качестве методов сбора данных мы выбрали полуструктурированные интервью по гайду «Народной истории России», адаптировав вопросы под конкретную территорию исследования. Чтобы нащупать нарративы памяти и подготовиться к полевой работе, мы воспользовались инструментарием цифровой этнографии: провели анализ публичных репрезентаций «Сколково» и близлежащих населенных пунктов, изучили краеведческие ресурсы и социальные сети. Нашей первой «находкой» и отправной точкой исследования стал медийный образ инновационного центра как «иннограда “на пустом месте”»². Мы провели 7 интервью с жителями территорий, окружающих Инновационный центр, в октябре 2023 года — марте 2024 года: в основном, мы затронули Новоивановское, а также Трехгорку и Немчиновку.

Прошлое «пустого места»

Современные границы инновационного центра — это около 400 гектаров, ограниченных МКАД, Минским и Сколковским шоссе в Можайском районе Москвы. Однако такие границы района сформировались лишь с созданием технологического кластера. Это побудило нас обратиться к архивным материалам по этой территории до возникновения на ней инновационного центра.

«Сколково» расположено на месте нескольких поселений, крупнейшими из которых были Мамоново, находившееся на Смоленской (ныне Можайской) дороге, и деревня Сколково [Лекомцев, Заика 2012: 22]. Первые сведения о деревне относятся ко второй половине XVI века. Владельцы этих территорий постоянно сменяли друг друга, так, например, в 1701 году деревня была продана князю Меншикову, который построил поблизости свое имение [Насырова, Хайруллина, Гафурова 2015: 56].

Интересным нам показалась также территория пустоши, или урочища «Гусева полоса», которое, согласно краеведческой справ-

---

² <https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2013/12/27/pochemu-innograd-stroyat-v-skolkovo.aspx>

ке, появляется на картах во второй половине XIX века. С приходом советской власти там образуется совхоз и строится усадьба в неоклассическом стиле, которая в 1960-х стала домом отдыха «Баковка» (более позднее название — «Полет») [Лекомцев, Заика 2012: 28–29]. Имение располагается на территории инновационного центра «Сколково» и сейчас. Здание было в аварийном состоянии, пока в 2021 году не завершилась его реставрация:

Дом отдыха «Полет»... Он так и назывался — «Полет». <...> Это был дом отдыха для летчиков и космонавтов. <...> Когда я начала работать [в НИИ], там часто проводились конференции, там роскошный был конференц-зал, современнейшее здание³.

Вот усадьба, Дом отдыха «Полет», если теперь она правда принадлежит... отошла Москве в связи со «Сколково», с образованием «Сколково». Там жили люди, которые работали в нашем зональном институте. Он относился к зональному институту. <...> Очень красивая усадьба⁴.

Помимо этого, в советское время в деревне Сколково и ее окрестностях были дачи многих известных советских деятелей, в том числе полководца С. М. Буденного, чьи конюшни располагались недалеко от современной территории инновационного центра:

А это в 60-х каких-то годах по этим полям всегда... Катался, здесь Буденный, у него тут была конюшня. <...> Вот этот Буденный с своим детеночком [показывает на фотографию из архива (см. Рис. 1)]. С сыночкой. Уже поздний у него ребенок был⁵.

Таким образом, мы задались вопросом о состоянии исторической памяти этого места: с одной стороны, в медиа создается впечатление, что история и память о территории, на которой расположено «Сколково», не выходят за пределы XXI века. С другой, карты и исторические записи говорят об обратном.

Мы продолжили «прощупывать» найденное противоречие, обратившись к онлайн-архиву фотографий Pastvu⁶ и материалам первых полевых выездов на территорию инновационного центра (см. Рис. 7). На Pastvu пользователи активно делились фотографиями и воспоминаниями о сельскохозяйственной инфраструктуре: скотном дворе имений начала XX века, коровнике 1952 года. Ключевой точкой сосредоточения фотографий советского периода стал Научно-исследовательский институт сельского хозяйства (далее —

³ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

⁴ Информант 2, ж., 1947 г. р., житель Немчиновки.

⁵ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

⁶ <https://pastvu.com/>

НИИ сельского хозяйства, НИИ), его корпуса, лаборатории и, главное, экспериментальные поля, которые ранее занимали внушительную часть нынешней территории кластера (см. Рис. 2–4). Так, это то, что всегда упоминается и местными жителями, и работниками НИИ как основная особенность местности вокруг в прошлом.

Там, где «Сколково», где сейчас новые дома стоят за школой, это все-все-все... Туда, если идти через Пожарку. Вы не поверите, но это все были засеянные опытные поля. Там росла пшеница, рожь. То есть НИИ сельского хозяйства нечерноземной зоны. Еще лет пять-семь-восемь [назад] оно [поля] существовало, когда я приехала. Засевали поля, собирали урожай, проводили опыты, теплицы стояли в полях⁷.

А раньше это был полноценный научно-исследовательский институт, где находились поля. А еще, кстати, был интересный момент в моей жизни. Вы знаете, где пруды там за фермой дальше? Там находилось учебное поле, на котором делались какие-то интересные опытные всхождения то ли гороха, то ли... Помню, что это были бобовые. И бобовые обычно атаквали то ли вороны, то ли галки. И моя задача заключалась в том, что я приходил в четыре-полпятого утра летом на этот участок и должен был заниматься тем, что отпугивать этих пернатых птиц. Это 4–5 класс. <...> Я зарабатывал за это деньги⁸.

В округе были поля. Здесь недалеко от Москвы, два километра от Москвы, вдоль Можайского шоссе слева и справа были поля пшеницы, ячменя, овса, ржи. [Еще где «Сколково»?] <...> Да, 250 гектар было под зерновыми культурами. Зерновыми и зернобобовыми культурами⁹.

НИИ сельского хозяйства: институция и актор памяти

Следующим этапом стало установление контактов с самим НИИ. В феврале 2024 года был первый выезд в НИИ, а следующие – весной 2025 года, чтобы добрать информацию, связанную непосредственно с историей НИИ. Нам удалось собрать 6 интервью с сотрудниками института. Рекрутинг происходил методом снежного кома: после первых контактов с представителями НИИ нам порекомендовали встретиться с несколькими сотрудниками с большим стажем, которые застали позднесоветский период и первые десятилетия постсоветского времени. Также мы побывали на

⁷ Информант 3, ж., 1971 г. р., житель Новоивановского.

⁸ Информант 4, м., 1963 г. р., житель Москвы.

⁹ Информант 5, ж., 1963 г. р., сотрудник НИИ.

Рис. 2. Здание Лаборатории искусственного климата. Фотография М. Ивановой. Архив ФИЦ «Немчиновка»

Fig. 2. The building of the Laboratory of Artificial Climate. Photo by M. Ivanova. Archive of the Federal Research Center “Nemchinovka”

Рис. 3. Опытные поля. Фотография М. Ивановой. Архив ФИЦ «Немчиновка»

Fig. 3. Experimental fields. Photo by M. Ivanova. Archive of the Federal Research Center “Nemchinovka”

Рис. 4. Опытные поля. Фотография М. Ивановой. Архив ФИЦ «Немчиновка»
Fig. 4. Experimental fields. Photo by M. Ivanova. Archive of the Federal Research Center
 “Nemchinovka”

конференции в «кластере»¹⁰ НИИ в Сколковском институте науки и технологий (Сколтех), где сейчас расположена часть лабораторий, требующих нового оборудования и технологий, и на интервью в главном здании. Одна из собеседниц провела нам экскурсию по территории бывших корпусов и теплиц, а также по музею, где хранятся архивные документы и фотографии. Во время интервью с работниками НИИ мы следовали адаптированному гайду проекта «Народная история России», но большее внимание уделяли истории самого института и практикам сотрудников.

Начиная разговор о деятельности нынешнего селекционного центра, мы расспрашивали собеседников о жизни НИИ в советское и раннее постсоветское время. Во время первых интервью мы столкнулись с перформативным нарративом о роли института для исследуемого района, в котором сплелись усвоенная память и ностальгия по значимости селекционного центра. Собеседники рисовали нам образ НИИ как кузницу высококвалифицированных кадров советской селекции и «градообразующую»¹¹ организацию:

¹⁰ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

¹¹ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

вокруг института строился и расширялся «специальный поселок, созданный для научных работников»¹².

[В советские годы] Строили для сотрудников и для ученых дома. <...> Там шикарные квартиры. Они назывались «сталинские застройки». Вот эти трехэтажные дома, они из того же кирпича, что и этот корпус¹³ сделан. Получается, что институт был, как сейчас говорят, градообразующим предприятием. Здесь больше другой работы практически не было¹⁴.

Уместно кратко упомянуть историю НИИ сельского хозяйства. В 1931 году на основе Московской селекционной станции был создан Селекционный центр для Центрального района Нечерноземной зоны, позднее переименованный в Научно-исследовательский институт сельского хозяйства центральных районов Нечерноземной зоны (НИИСХ ЦРНЗ). Основная часть работы и исследований сотрудников была связана с животноводством, селекцией и семеноводством зерновых, зернобобовых и кормовых культур. Уже в постсоветские годы НИИСХ ЦРНЗ был преобразован в Федеральный исследовательский центр «Немчиновка» (ФИЦ «Немчиновка»), который и сейчас продолжает исследования сельского хозяйства¹⁵:

Институт-то наш, считается, был образован в [19]32 году. Это была такая программа правительства, чтобы на различных таких вот территориях создавались центры научные. И на этих базисах создавался и селекцентр у нас. Знаете, что такое селекцентр, да? Это, значит, те, которые потом занимались конкретно селекцией сортов. Тогда много самокультур было, а сейчас, в основном, мы ориентируемся на зерновые культуры¹⁶.

Постсоветское время для наших собеседников ассоциируется со множественными трансформациями НИИ, которые пережили и другие научные институты в стране. Одна из них — это существенное сокращение финансирования, повлекшее за собой потерю важного оборудования, требующего специального обслуживания в зимний период:

Вы знаете, когда началась перестройка, конечно, очень было ограничено финансирование. Были даже годы, когда задерживались зарплаты, они были очень минимальные, но это даже... Для ученых это еще можно было бы выдержать, но,

¹² Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

¹³ Первое здание НИИСХ ЦРНЗ, построенное в 1931 году. Сейчас фасад обновили, в самом здании располагается миграционный центр. Адрес: улица Калинина, 1, рабочий поселок Новоивановское (см. Рис. 5, б).

¹⁴ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

¹⁵ <http://ficnemchinovka.ru/page28527582.html>

¹⁶ Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

Рис. 5. «Здание “Научно-исследовательского института сельского хозяйства центральных районов Нечерноземной зоны” (НИИСЗ ЦРНЗ), построенное в 1931 году». Фотография М. Ивановой. Архив ФИЦ «Немчиновка»

Fig. 5. “The building of the Scientific Research Institute of Agriculture of the Central Regions of the Non-Black Earth Zone, built in 1931”. Photo by M. Ivanova. Archive of the Federal Research Center “Nemchinovka”

Рис. 6. Первый корпус НИИ сельского хозяйства, где сейчас располагается паспортно-визовый сервис МВД России. Фотография А. Кашкиной

Fig. 6. The first building of the Agricultural Research Institute, where the passport and visa service of the Russian Ministry of Internal Affairs is currently located. Photo by A. Kashkina

тем не менее, многие молодые, особенно, люди, они уходили, уезжали за рубеж, самые лучшие, если честно. Остались уже такие самые, можно сказать, преданные этому делу люди. Не только, значит, был у нас фитотрон¹⁷, но еще не хватало средств на отопление, на освещение, потому что это же все очень дорого. Они [теплицы и здания НИИ] разрушались. Потому что, если тепличный такой комплекс не отапливается, особенно в снежные зимы, происходят из-за снега обрушения территории. Мы потеряли тогда фитотрон¹⁸.

Другая — изменение рабочей повседневности вследствие нескольких переездов между старыми корпусами и выделения институту помещений в Сколковском институте науки и технологий несколько лет назад:

[А когда первый корпус перестал функционировать, который, где миграционка сейчас?] Подождите, сейчас я вспомню, в каком это году... при каком же это директоре? Я точно не могу сказать, где-то уже в 2005. [А почему [НИИ переехал из него]?] Потому что тоже не смогли его содержать. Дорого было. И там же старый был корпус, там перекрытия были деревянные, пожарные были всякие ограничения, поэтому нами было решено отдать его¹⁹.

У нас был разборочный корпус, селекццентр, главный корпус. Но поскольку действительно сейчас людей сократилось, если раньше работало по 20 человек в отделе, ну или по 15, то сейчас все это уже до 5 сократилось человек, по минимуму²⁰.

Один из последних переездов был связан с административной реорганизацией — объединением в 2003 году нескольких ранее отдельных институтов, крупнейшими из которых были НИИСХ ЦРНЗ и ВНИПТИХИМ (Всероссийский научно-исследовательский и проектно-технологический институт химизации сельского хозяйства) под общим названием ФГУП «Немчиновка».

Это было здание [корпус ВНИПТИХИМа, в котором проходит интервью (см. Рис. 7, 8)], которое принадлежало раньше, был еще другой институт — ВНИПТИХИМ. Осталась выставка. А потом, значит, было объединение, этот институт объединили вместе с нами, тоже где-то в начале 2000-х. Ну

---

¹⁷ Закрытая исследовательская теплица, используемая для изучения взаимодействия растений с окружающей средой в регулируемых искусственных условиях.

¹⁸ Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

¹⁹ Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

²⁰ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

и мы совсем по разным направлениям работаем, это химический такой был²¹.

Немчиновка — это научный городок. Тут было три сельхозинститута. Сейчас остался один наш институт²².

Несмотря на общее направление исследований — сельское хозяйство, — деятельность институтов была разной, соответственно, и корпуса изначально проектировались и строились под разные задачи. Подобные переезды неизбежно связаны с необходимостью адаптироваться к другой инфраструктуре и обустройству лабораторий. Кроме того, если в советские годы, по воспоминаниям сотрудииков, большая часть жителей поселка была связана с местными сельскохозяйственными институциями, то в настоящее время ФИЦ «Немчиновка» утратил градообразующий статус из-за сокращения кадров и некомпактного расселения новых сотрудников по ближайшим районам Подмосковья и Москвы. Многие объекты инфраструктуры также перестали принадлежать НИИ: например, бывшее общежитие, квартиры в котором выдавались сотрудникам института, было приватизировано.

Все было в шаговой доступности. Большая часть, насколько я знаю, сотрудников на тот момент, но сейчас уже не так много, проживали непосредственно в этом поселке. То есть все в шаговой доступности, было очень удобно. <...> А вот здесь, получается, вот это кирпичное здание рядом. Там было... То есть что-то такое типа физкультурно-оздоровительного комплекса. Но на тот момент, когда я пришел, это уже у сотрудников не было возможности туда попасть²³.

Летом из Москвы приезжаем, у нас тут воздух был, у нас же сонны. Прямо вот выходишь и чувствуешь, что даже воздух у нас другой. Такой был поселочек. Ну был, но Москва растет. <...> Здание было построено как общежитие, но потом квартиры приватизировали²⁴.

[А если сравнивать поселок тогда (в 1975 году), когда в первый раз были (на студенческой практике), и сейчас — сильная разница?] Да, конечно. Понимаете, когда я сюда приехала, это был райский уголок, потому что работали очень увлеченные люди, женщины. Он был весь в цветах. <...> Очень чисто было. И тогда небольшой такой поселок, мы все друг друга знали. Конечно, вот сейчас этих домов настроили, и все, конечно,

²¹ Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

²² Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

²³ Информант 7, м., 1979 г. р., сотрудник НИИ.

²⁴ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

Рис. 7. Корпус ВНИИПТИИМ, где располагается ФИЦ «Немчиновка».

Фотография П. Тарасовой

Fig. 7. The VNIIPТИИМ building, where the Federal Research Center “Nemchinovka” is located. Photo by P. Tarasova

Рис. 8. Корпус ВНИИПТИИМ, где располагается ФИЦ «Немчиновка».

Фотография П. Тарасовой

Fig. 8. The VNIIPТИИМ building, where the Federal Research Center “Nemchinovka” is located. Photo by P. Tarasova

поменялось. Уже вот этого эффекта, что создано для научных работников, его нет. Мы уже, как бы сказать, как инородное тело, получаемся, на самом деле²⁵.

Приведенный выше фрагмент интервью позволяет зафиксировать не только ностальгию сотрудников по прошлому института и поселка, но и важную социальную трансформацию: некогда камерное научное сообщество «для своих», воплощенное в пространстве поселка, превратилось в обычный населенный пункт.

Много народу работало, очень много. Что научных сотрудников, что вот такого [административного] состава. Потому что институт реально был большой. Лабораторий было много, направлений много. Здесь даже было садоводство и овощеводство. Вот так. Так что охватывали все... Вообще, есть в аграрной науке практически все направления. Зерно, молоко, мясо, корма, травы²⁶.

В тот момент [примерно в 2005 году] основной корпус находился тут же, в поселке одноименном нашем. Рядом находился, так мы его называли между собой, разнорабочий корпус, то есть корпус для таких работ, скажем, пыльных, грязных. Рядом находилась — и сейчас там же есть — трехэтажная теплица, и там же помещение, где мы занимаемся первичным семеноводством, то есть, так мы их называем, хозяйственные помещения, где производилась и сейчас тоже производится подработка семян, хранение семян, в общем, такие моменты. Ну и поля, естественно, все наши основные, так как основное, что для нашей работы нужно, это поля²⁷.

Рассказывая нам историю института, сотрудники непременно упоминали, что они не первые занимаются сельским хозяйством на этой территории: в дореволюционное время здесь располагалось имение помещика Лемана, который с XIX века развивал «сельскохозяйственную науку». Нарратив преемственности можно встретить в следующем фрагменте:

А история здесь началась, буквально недавно мы тоже на эту тему общались, был помещик Леман здесь, это конец XIX века. То есть началась эта работа в плане такой опытной сельскохозяйственной науки еще с него. Он здесь, представляете, заложил на этих землях дренажную систему. Даже когда здесь работы велись, остатки той дренажной системы находили. То есть человек был настолько в этом смысле увлеченный, что

²⁵ Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

²⁶ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

²⁷ Информант 7, м., 1979 г. р., сотрудник НИИ.

поля были очень окультуренные у нас, уже когда мы здесь занимались²⁸.

Так, НИИ сельского хозяйства существенно трансформировался в постсоветский период, с одной стороны, и сохранил преемственность научной деятельности и памяти, с другой. Мы предлагаем определять его не в качестве единого актора внутри района, а как кристаллизованную структуру взаимосвязанных акторов, объединяющую несколько институций²⁹, темпоральностей и локальностей. Эта структура формирует относительно единый нарратив о прошлом, особенно связанный со строительством инновационного центра «Сколково».

Прошлое и настоящее территории инновационного центра «Сколково»

Вернемся к инновационному центру «Сколково». Его история началась в 2009 году, во время президентского срока Дмитрия Медведева, который в ежегодном обращении к Парламенту высказал идею о создании российского технологического кластера³⁰. Изначально «Сколково» должен был стать аналогом Кремниевой долины, однако затем из-за геополитической ситуации и опыта реализации проекта от такого сравнения отказались. Территория в Одинцовском районе, которую мы рассматриваем, была лишь одним из кандидатов в качестве места для возведения кластера. На опытные поля около НИИ сельского хозяйства выбор места пал год спустя, в 2010 году. Сами поля вынужденно перенесли в деревню Сколково.

Для наших собеседников-сотрудников института земельный перенос — это один из травмирующих мотивов, связанных со «Сколково», в том числе из-за качества грунта и оборудованности ушедших под инновационный центр полей:

[В нулевые годы, получается, были поля в «Сколково»? А куда потом делись эти поля?] Да, было принято решение на тот момент. Президентом был Дмитрий Анатольевич Медведев. Я уж не знаю, почему был выбран именно этот участок наш. Здесь порядка 330 гектаров в общей сложности, насколько я знаю. У нас, так скажем, нас попросили их [поля] [уступить]... Как на тот момент считалось, более каким-то, наверное, лучшим развитием для страны был именно этот инно-

²⁸ Информант 7, м., 1979 г. р., сотрудник НИИ.

²⁹ Современный ФИЦ «Немчиновка» — результат множественных институциональных трансформаций: от Московской селекционной станции, Селекционного центра для Центрального района Нечерноземной зоны, Научно-исследовательского института сельского хозяйства центральных районов Нечерноземной зоны до Федерального исследовательского центра «Немчиновка».

³⁰ <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979>

вационный центр «Сколково». В общем, по сути, отобрали, если так по-простому выразиться³¹.

Было четыре, значит, варианта, где разместить это «Сколково». Ну и она [бывший министр сельского хозяйства] приехала [смотреть варианты]. Ну, вы понимаете, что тут зимой могло быть? Ну, какие поля там, да? Ну, ферма стояла. А ферма была только-только года 4 как реконструирована, новейшая. <...> в нее вбухали, по-моему, больше 70, около 80 миллионов тогда, а она проработала лет 5, и приехала [бывший министр сельского хозяйства]. <...> Ну там, говорит, ничего особенного. Место хорошее, близко к Москве, все. Да, и получается типа нецелевое использование земель, что мы там зимой ничего не посеяли³².

Все территории переведены в «Сколково». Потому что «Сколково» сказало: «Мы забираем вот эту территорию, даем вам там [в деревне Сколково] территорию». Но там территория не совсем обустроена, хотя мы ее тоже облагородили. Следим за этими полями³³.

Тем более нас фактически выкинули просто в чисто поле. Нам обещали финансирование, что мы там свою базу сможем развивать. Но до сих пор у нас даже электричество не проведено на эту территорию. То есть там какими-то кустарными методами, чтобы хоть охрана была там, чтобы, условно, чайник какой-то кипятить. А так, здесь, когда у нас сезон идет с подработкой семян, у нас стоят достаточно мощные генераторы. То есть гул такой серьезный в поселке [Сколково] стоит³⁴.

Когда этот проект «Сколково» [появился], мы потеряли самые лучшие, уже выровненные, очень такие, ценные площади, которые выравнивались на протяжении достаточно длительного времени [сотрудниками НИИ]³⁵.

Если для НИИ земля является, в первую очередь, источником научного знания, из которой оно производится, то для выросшего на этой земле кластера — это почва под фундаменты зданий, не связанная напрямую с наукой. Такая диспозиция способствует, с одной стороны, формированию конфликта между институциями, но с другой стороны, сотрудничеству двух научных организаций. Как мы ранее упомянули, ФИЦ «Немчиновка» и ИЦ «Сколково» связаны друг с другом: в начале 2020-х годов в Сколковский институт науки и технологий переехали несколько лабораторий института, по мнению сотрудников,

³¹ Информант 7, м., 1979 г. р., сотрудник НИИ.

³² Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

³³ Информант 5, ж., 1963 г. р., сотрудник НИИ.

³⁴ Информант 7, м., 1979 г. р., сотрудник НИИ.

³⁵ Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

в качестве компенсации за «взятые»³⁶ у него поля (Рис. 9, 10). Несмотря на это, компенсация считается недостаточной: новые офисные и лабораторные помещения не так ценны для наших собеседников, как непосредственная близость опытных полей к НИИ:

Когда мы освобождали уже те помещения со старой территории ввиду того, что здесь «Сколково» взяло вот эти земли, ну, вот так вот решили, что здесь будет. И нам выделили [помещения] в «Сколково», у нас там [в Сколтехе] свой кластер. «...» То есть минус первый этаж, первый, второй, третий. У нас там вот такие этажи. А земли все были здесь, их перенесли. Наши земли — это самое главное средство производства в аграрии, в землях, конечно. Офисы — это уже второстепенно³⁷.

В «Сколково» [Сколтехе], значит, кабинеты есть, там компьютеры. Но, понимаете, туда очень трудно [попасть], там охрана, если какие-то для анализа образцы, допустим, надо заказывать. Машины туда особо не пускают. Тяжело там работать. Особенно очень трудно работать там, где опыты технологические, потому что поля далеко и не очень выровненные и, как бы сказать, почва там не совсем нас устраивает³⁸.

Рис. 9. Вход в лаборатории ФИЦ «Немчиновка» в Сколтехе.

Фотография В. Михайловской

Fig. 9. Entrance to the laboratories of the Federal Research Center “Nemchinovka” in Skoltech. Photo by V. Mikhaylovskaya

³⁶ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и хранитель музея НИИ.

³⁷ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

³⁸ Информант 6, ж., 1954 г. р., сотрудник НИИ.

Рис. 10. Экскурсионный уголок ФИЦ «Немчиновка» в Сколтехе.

Фотография В. Михайловской

Fig. 10. Exhibition corner of the Federal Research Center “Nemchinovka” in Skoltech.

Photo by V. Mikhailovskaya

Однако не стоит считать, что среди жителей ближайших населенных пунктов — Новоивановского, Немчиновки, Трехгорки и пр. — существует консенсусное мнение о негативных последствиях строительства технологического кластера. За пределами НИИ сельского хозяйства постепенно возникающая в 2010–2020-е годы инфраструктура воспринимается по-разному. Одна из собеседниц высказала предположение о том, что к инновационному центру положительно относится скорее «молодое население»³⁹, не связанное воспоминаниями с прошлым этой территории. Такой взгляд на «Сколково» предполагает, что некогда, действительно, пустое пространство использовалось ограниченным числом людей: рыбаками для ловли рыбы, сотрудниками НИИ для выращивания сельскохозяйственных культур. С постройкой инновационного центра территория стала предрасполагать к более широкому набору практик и, соответственно, стала привлекать больше людей:

³⁹ Информант 8, ж., 2004 г. р., житель Одинцово.

«Сколково» — удобное пространство для всяких встреч, прогулок просто и до станции [МЦД], и беговых тренировок. Лично я отношусь к «Сколково» очень положительно, как и мои все знакомые. Ну, что в этом плохого? Мы, честно говоря, даже не помним, что там было раньше. Потому что само «Сколково», оно же строилось очень долго. С 2012 года, так что практически всю мою жизнь там что-то строится. Ну, насколько я знаю, там раньше были поля с картошкой, с капустой. <...> Один рыбак рассказывал нам, что их в школьные годы отправляли собирать капусту, лук, морковку, которые там росли. И вот это такие детские воспоминания. Понятно, что старшему поколению оно [новое «Сколково»] не нравится⁴⁰.

Однако предположение нашей молодой собеседницы о взаимозависимости возраста и точки зрения на «Сколково» оказалось не совсем верным: похожее описание доступности и разнообразия инфраструктуры инновационного центра мы встретили в интервью со старожилами района. Интересно заметить, что конструируемый образ кластера связан не с его целевым назначением, а с его аффордансами для местных жителей как места для встреч, прогулок, приятного транзитного пространства:

У нас, во всяком случае, народ не ропщет по поводу «Сколково». Ни мы, ни — я так понимаю — в соседней деревне, ни Марфино. Очень часто, когда мы гуляем, видим, что мамочки с колясками [гуляют], кто-то на роликах, кто-то на велосипедах [катается]. То есть народ пользуется территорией «Сколково», если кому-то надо⁴¹.

Мы очень рады, что он [инновационный центр «Сколково»] есть. Жаль, что он за забором! <...> «Сколково» для меня ценно ощущением простора. Вот туда заходишь, и вот такой простор. Все эти построенные многоэтажные дома, они, конечно, сжимают это [пространство]. А там именно ощущение простора, там есть, чем дышать⁴².

Концептуализация кейса

Чтобы рассмотреть феномен «Сколково» на теоретическом уровне, вернемся к публичному представлению проекта инновационного центра — истории о проектировании и реализации инфраструктуры или, пользуясь эмным языком, экосистемы. При

⁴⁰ Информант 8, ж., 2004 г. р., житель Одинцово.

⁴¹ Информант 9, ж., 1949 г. р., житель Новоивановского.

⁴² Информант 10, ж., 1953 г. р., житель Новоивановского.

внимательном прочтении тематических публикаций 2010–2020-х годов — в первую очередь, интервью с так называемыми лицами, принимающими решения, — возможно выявить две точки зрения на местоположение «Сколково». Одна из них убеждает нас в том, что инноград (как его называют в СМИ) построен на пустом месте, в «чистом поле»⁴³:

...создатели проекта хотели выбрать местность без внятного бэкграунда, на которой можно было бы начать историю нового города «с чистого листа». Возможно, именно это обстоятельство оказалось решающим⁴⁴.

Задача такой репрезентации заключается в переносе акцента с прошлого места на его будущее. При этом важно брать во внимание, что метафора «чистого листа» используется не для замалчивания истории местности и ее «бэкграунда». С большей вероятностью PR-менеджеры и лица, принимающие решения, стремятся выделить инновационный центр из общего ряда наукоградов России и разорвать преемственность с советской инфраструктурой, которая ассоциируется с риском устаревания и потенциальными социальными конфликтами:

...площадка, построенная «с нуля», становится свободной от проблем и противоречивого влияния среды, сложившейся в советское время, а сам проект — более открытым к восприятию мирового опыта⁴⁵.

Другая, реже встречающаяся точка зрения представляет инновационный центр как инфраструктуру вне конкретных географических координат — модно и, можно сказать, очень по-антропологически. Маркетинговая задача, опять же, заключается в создании уникального образа «Сколково» как социального института без четко очерченных территориальных границ, формируемого через сеть взаимодействия людей, идей и технологий:

Сколково — это не территория, это философия, сказал когда-то Жорес Иванович Алферов, наш великий нобелевский лауреат, стоявший у истоков проекта... Несмотря на весь скепсис, на потоки негатива, мы верили и не отступали. И наша мечта стала реальностью⁴⁶.

⁴³ <https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2013/12/27/pochemu-innograd-stroyat-v-skolkovo.aspx>

⁴⁴ <https://rewizor.ru/society/stati/skolkovo-iz-neprimechatelnoy-derevushki-v-ultrasovremenny-naukograd/>

⁴⁵ <https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2013/12/27/pochemu-innograd-stroyat-v-skolkovo.aspx>

⁴⁶ <https://tass.ru/interviews/8625219>

Эти точки зрения или способы репрезентации объединяются в целостный публичный нарратив о «Сколково» как о проекте, в котором география не играет ключевой роли. Однако мы предлагаем рассуждать о нем как о конкретной инфраструктуре в географически определенном месте, у которого есть не только будущее, но и настоящее и, более того, прошлое.

Публичный нарратив об инновационном центре, транслируемый в СМИ, демонстрирует пример трансформации пустого места в наполненное [Филиппов 2008, 23]: оно насыщается разнообразной материальностью — зданиями, сетью дорог, ландшафтными и цифровыми решениями — и, следовательно, широким набором практик. По крайней мере, это подразумевается в рамках такого нарратива. Выход за его пределы и проведение полевого исследования показали, что существует альтернатива. В пространственном измерении вокруг «Сколково» расположены населенные пункты, жители и институциональные акторы которых также пользуются созданной инфраструктурой, производя и воспроизводя аффордансы места [Gibson 2014]. С точки зрения фокуса наших полевых заметок — темпорального восприятия — в конструировании прошлого места задействовано большее количество акторов, чем это подразумевает публичная репрезентация: те же жители, социальные институты и другие гетерогенные сети, выходящие за пределы «Сколково» (будь то географические или социальные границы) и преследующие другие интересы. В социальной памяти место расположения инновационного центра, как мы показали, не является «чистым листом»: оно связывается с деятельностью НИИ сельского хозяйства, рекреационными практиками — рыбалкой и прогулками, ностальгией по советскому, городским фольклором о дворце Меншикова, сталинских дачах.

Описанная картина не представляет собой противостояние доминирующего нарратива (*master narrative*) и его периферийных вариаций [Somers 1994]. Мы имеем дело с публичным нарративом, обладающим большей силой (*power*) за счет медийности, материально ощутимой инфраструктуры и федеральной институциональной поддержки. У него есть ресурсы для приписывания идентичности акторам, попадающим в его поле, и самому месту [Joenniemi 2008]. Помимо него существует множество альтернативных нарративов, один из которых воспроизводится НИИ сельского хозяйства и благодаря институциональной поддержке и сохранившейся инфраструктуре стал наиболее видимым в нашем поле исследования. Так, мы говорим о социальном пространстве памяти, образованном множеством нарративов. Внутри этого пространства памяти нам интересно пересечение и несоответствие нескольких репрезентаций прошлого конкретного места.

Трансформация пустого места в инновационный центр, которая конструируется в публичном нарративе, в альтернативном становится обратным процессом преобразования: искусственным очищением места от наполненности прошлым [Филиппов 2008: 23]. Утрата НИИ материальной территории — опытных полей, теплиц и части корпусов — и роли доминирующего научного актора в рассматриваемом нами поле позволяет говорить о формировании в таком нарративе места памяти как формы коммеморации в меняющихся условиях среды [Нора 1999: 26]. Не углубляясь в формы поддержания национальной памяти и оставаясь в рамках заданного поля, мы можем обратиться к трактовке места памяти Поля Рикера. Прошлое территории, ныне принадлежащей «Сколково», — это не просто символ ушедшей эпохи советской селекции. Оно действительно проявляет себя в виде «опорных пунктов воспоминания» — сохранившихся зданий, появляющегося местного музея, экскурсий и преемственности деятельности НИИ, — которые в синтезе с самими воспоминаниями, то есть мнемоническими практиками, образуют *ars memoria*, искусство памяти [Рикер 2004: 68]. Как нам кажется, именно под этим термином скрывается форма существования прошлого «Сколково» в рассматриваемом альтернативном нарративе.

Заключение: публичный образ, альтернативный нарратив и городской фольклор

Восприятие места в общественном сознании часто основывается на мифах и легендах, формирующих публичный нарратив [Assmann 2011]. Этот тезис справедлив и для нашего кейса: СМИ создали образ незаполненного пространства, на котором возник кластер. Во время полевого исследования и анализа материалов мы выявили альтернативный, менее распространенный нарратив, связанный с прошлым места — «заполненный лист» в противовес «чистому»⁴⁷. Исследование параллельных локальных историй, с помощью которых различные акторы формируют народную память, позволяет понять, как работают механизмы создания и сохранения нарративов. Возникает вопрос: почему нарратив про «пустое место» известный, а альтернативный, имеющий материальные подтверждения и носителей, — нет.

Публичный нарратив о территории ИЦ «Сколково» упрощает историческую реальность, сводя память о месте к набору акторов, ассоциирующихся с этим местом [Лефевр 2015: 23–24]. Так появилась рассмотренная нами репрезентация инновационного центра

---

⁴⁷ <https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2013/12/27/pochemu-innograd-stroyat-v-skolkovo.aspx>

как новой инфраструктуры, возникшей в «чистом поле» несмотря на то, что эта территория с раннего советского времени была местом производства знания. Альтернативный нарратив, сформированный сотрудниками НИИ сельского хозяйства, остается вне публичного внимания и проявляет себя для внешней аудитории только по особому поводу — во время исследовательских интервью, школьных экскурсий или профильных конференций по селекции.

Формирование публичного нарратива из городского фольклора. Найденный на предполевом этапе нашей работы фольклорный нарратив о территории «Сколково», который существует в цифровой и краеведческой среде, формируется на основе устно передаваемых историй, мифов и легенд [Ассман 2004, 37–39]. Такие элементы, как упоминания о дворце Меншикова, конюшнях маршала Буденного и сталинских дачах, являются частью этого нарратива. Он отличается мифологическим характером и гибкостью: вариативностью и адаптацией к контексту и носителю, что позволяет ему воспроизводиться, несмотря на отсутствие официальных источников. Таким образом, городской фольклор выступает как динамичная форма коллективной памяти, формирующая еще одну плоскость восприятия территории [Неклюдов 2003: 5–14].

Непубличный нарратив, проявление альтернативной истории, история НИИ, рассказанная сотрудниками. Сотрудники НИИ стали посредниками в хранении и передаче памяти о деятельности института, выступая как элементы кристаллизованной структуры, в рамках которой формируется образ прошлого места, сосредоточенный вокруг самого института. Сохранение и воспроизводство альтернативного нарратива обеспечивается институциональной преемственностью самой организации и ее сотрудников, материальными артефактами НИИ (зданиями, документами, фотографиями, картинами), а также профильной инфраструктурой (полями, семенами, выведенными сортами сельскохозяйственных культур).

Почему этот нарратив не существовал за пределами НИИ? Непубличный нарратив об этой территории, связанный с деятельностью НИИ сельского хозяйства, ограничен в своем распространении: он не нацелен на замену публичного нарратива и является узкопрофильным [Неклюдов 2003: 12]. Одновременно с этим, хотя нарратив слабо распространяется в социальном измерении, он способен расширяться пространственно, увеличивая территорию НИИ до всех регионов России, где выращивают сорта, выведенные в институте. Таким образом, сам нарратив редко проявляется за пределами стен НИИ, но расширяет социально-материальную структуру института.

В каких формах и контекстах проявляется нарратив работников НИИ? Одна из наиболее значимых форм проявления альтернативного нарратива — это воспоминания, передающиеся в устной

форме между поколениями сотрудников. Они часто содержат описания рабочих процессов или практик сотрудников, как в рабочее, так и в личное время. Например, истории о доярке, установившей рекордные надои, или об уникальных экспериментах, проведенных в лабораториях, служат яркой иллюстрацией этого нарратива:

Были рекордные надои. Зоя Ивановна Загороднева <...>, она практик, а они теоретики. Вот они что-нибудь внедрят, свеклу [например]. Тогда сахарную свеклу стали коровам давать. Она первая придумывала, как она [корова] это съест, и рубила им [свеклу], и те [коровы] наяривали. То есть [надои были] выше нормы⁴⁸.

Здесь работали над технологиями зерна. <...> У них такой агрегат мукомольный стоял, он сортировал зерно на 12 фракций. Девчонки так жалели, так он нас выручал. Сейчас новое оборудование, но это еще бы 100 лет проработало⁴⁹.

В чем особенность выявленного альтернативного нарратива? В поле нам удалось выявить несколько вариаций памяти о прошлом территории «Сколково»: городской фольклор об усадьбах и дачах известных исторических личностей и альтернативный нарратив НИИ сельского хозяйства. Они различаются как по своим источникам, так и по формам воспроизводства. Фольклор основывается на мифах и легендах, которые передаются устно и не требуют документального подтверждения. Его носителями являются широкие слои населения, что способствует его популярности [Неклюдов 2003: 5–21]. В то же время репрезентация прошлого, которую производит НИИ сельского хозяйства, базируется на задокументированных событиях и воспоминаниях сотрудников, что делает ее более точной, но менее доступной. Оба нарратива оказывают значительное влияние на восприятие территории инновационного центра, но делают это по-разному. Городской фольклор формирует общее представление о месте, делая его более привлекательным для широкой аудитории, тогда как альтернативный нарратив, оставаясь в тени, сохраняет более детальное описание места, основывающееся на материальности пространства.

Литература

Ассман, Я. (2004). *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.

⁴⁸ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

⁴⁹ Информант 1, ж., 1963 г. р., сотрудник и создатель музея НИИ.

- Лекомцев, М. Г., Заика, И. К. (2012). Сколково. История и памятники. *Вестник Зодчий*. 21 век, 4 (45), 22–29.
- Лефевр, А. (2015). *Производство пространства*. М.: Strelka Press.
- Матвеева, Э. Г., Радченко Д. А., Петров Н. В. (2021). *Город в историях людей – Сортавала*. М.: Неолит.
- Матвеева, Э. Г. (2021). Народная история Сортавалы в рассказах местных жителей. *Фольклор и антропология города*, 2021(1–2), 42–74. <https://doi.org/10.22394/26583895-2021-4-1-42-75>
- Насырова, И., Хайруллина, А., Гафурова, С. (2015). Классика и модерн: традиции и инновации новой Москвы – усадьба «Гусева полоса» в Сколково. *Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата*, 4(12), 54–69.
- Неклюдов, С. Ю. (2003). Фольклор современного города. В С. Ю. Неклюдов (Сост.). *Современный городской фольклор*. М.: РГГУ.
- Нора, П. (1999). Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. В П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. *Франция-память*, 17–50. Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Петров, Н. В., Матвеева, Э. Г., Байдуж, М. И., Петрова, Н. С., Радченко, Д. А., Рычкова, Н. Н. (2019). *Истории людей в цифровом формате: методические рекомендации по сбору и визуализации интервью*. М.: Неолит.
- Петров, Н. В., Гаврилова, М. В., Радченко, Д. А. (2021). *Город в историях людей – Новозыбков: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. М.: Неолит.
- Петров, Н. В. (2021). «Две границы, три столицы»: народная история российских городов. *Фольклор и антропология города*, 2021(1–2), 7–11.
- Петрова, Н. С. (2021). Олимпиада, данная нам в ощущениях (по материалам проекта «Народная история России»). *Шаги/Steps*, 7(1), 136–150. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-136-150>
- Радченко, Д. А., Петров, Н. В. (2021). *Город в историях людей – Советск: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. М.: Неолит.
- Рикер, П. (2004). *Память, история, забвение*. М.: Издательство гуманитарной литературы.
- Филиппов, А. (2009). Пустое и наполненное: трансформация публичного мест. *Социологическое обозрение*, 8(3), 16–29.
- Assmann, A. (2011). *Cultural memory and Western civilization: Functions, media, archives*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gibson, J. J. (2014). *The ecological approach to visual perception: Classic edition* (1st ed.). New York: Psychology Press.
- Joenniemi, P. (2008). Introduction by guest editor: Russia's narrative resources. *Journal of International Relations and Development*, 11(2), 121–127. <https://doi.org/10.1057/jird.2008.9>
- Somers, M. (1994). The Narrative Constitution of Identity: A Relational and Network Approach. *Theory and Society*, 23(1994), 605–649. <https://doi.org/10.1007/BF00992905>

References

- Assmann, A. (2004). *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. М.: Языки славянской культуры. (In Russian).
- Assmann, A. (2011). *Cultural memory and Western civilization: Functions, media, archives*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Filippov, A. (2009). Empty and filled: transformation of a public place. *Sociological Review*, 8(3), 16–29. (In Russian).
- Gibson, J. J. (2014). *The ecological approach to visual perception: Classic edition* (1st ed.). New York: Psychology Press.
- Joenniemi, P. (2008). Introduction by guest editor: Russia's narrative resources. *Journal of International Relations and Development*, 11(2), 121–127. <https://doi.org/10.1057/jird.2008.9>
- Lefebvre, A. (2015). *The Production of Space*. Moscow: Strelka Press. (In Russian).
- Lekomtsev, M., Zaika, I. (2012). Skolkovo. History and monuments. *Vestnik. Zodchij. 21 vek*, 4(45), 22–29. (In Russian).
- Matveeva, E. G. (2021). The folk history of Sortavala in the stories of local residents. *Urban Folklore & Anthropology*, 2021(1–2), 42–74. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/26583895-2021-4-1-42-75>
- Matveeva, E. G., Radchenko, D. A., Petrov, N. V. (2021). *City in people's stories – Sortavala: Selected texts and methodological recommendations for collecting interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Nasyrova, I., Khairullina, A., Gafurova, S. (2015). Classic and Modern: traditions and innovations of new Moscow – Guseva Stripe estate in Skolkovo. *Mir iskusstv: Vestnik Mezhdunarodnogo instituta antikvariata*, 4(12), 54–69. (In Russian).
- Nekliudov, S. Yu. (2003). Folklore of the modern city. In S. Yu. Nekliudov (Comp.). *Modern urban folklore*. M.: RGGU. (In Russian).
- Nora, P. (1999). Between memory and history. The problem of memory locations. In P. Nora, M. Ozouf, J. de Puimezh, M. Vinok. *France-memory*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
- Petrov, N. V., Matveeva, E. G., Baiduzh, M. I., Petrova, N. S., Radchenko, D. A., Rychkova, N. N. (2019). *People's stories in digital format: methodological recommendations for collecting and visualizing interviews*. Moscow: Neolith. (In Russian).
- Petrov, N. V. (2021). “Two Borders, three capitals”: a folk history of Russian cities. *Urban Folklore & Anthropology*, 2021(1–2), 7–11. (In Russian).
- Petrov, N. V., Gavrilova, M. V., Radchenko, D. A. (2021). *The city in the stories of people – Novozybkov: Selected texts and methodological recommendations for interview collection*. Moscow: Neolith. (In Russian).
- Petrova, N. S. (2021). The Olympiad, given to us in sensations (based on the materials of the project “National History of Russia”). *Steps*, 7(1), 136–150. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-136-150>
- Radchenko, D. A., Petrov, N. V. (2021). *The city in the stories of people – Sovetsk: Selected texts and methodological recommendations for interview collection*. Moscow: Neolith. (In Russian).
- Riker, P. (2004). *Memory, history, oblivion*. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature. (In Russian).
- Somers, M. (1994). The Narrative Constitution of Identity: A Relational and Network Approach. *Theory and Society*, 23(1994), 605–649. <https://doi.org/10.1007/BF00992905>

ДЕТАЛИ ГОРОДА

О конференции в РГГУ читайте в обзоре В. Новиковой (с. 125–129).
Фото О. Б. Христофоровой.

ОБЗОРЫ

Обзор конференции «Фольклор и мифология в научно-популярном пространстве» (Москва, РГГУ, 24 апреля 2025)

ВИКТОРИЯ БОРИСОВНА НОВИКОВА^[1]

✉ jranchik@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5947-8661

^[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Для цитирования статьи:

Новикова, В. Б. (2025). Обзор конференции «Фольклор и мифология в научно-популярном пространстве» (Москва, РГГУ, 24 апреля 2025). *Фольклор и антропология города*, VII(2), EDN: ESCZVS. 125–129.

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-01119, <https://rscf.ru/project/24-18-01119/>. 124-129.

Дата поступления в редакцию: 07.05.2025

Дата принятия к публикации: 15.05.2025

PUBLICATION TYPE: CONFERENCE REVIEW
EDN: ESCZVS.

Conference Review: “Folklore and Mythology in Popular Science Discourse” (Moscow, RSUH, April 24, 2025)

VIKTORIYA B. NOVIKOVA ^[1]

ORCID: 0000-0002-5947-8661

✉ jranchik@gmail.com

^[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

To cite this article: Novikova, V. B. (2025). Conference Review: “Folklore and Mythology in Popular Science Discourse” (Moscow, RSUH, April 24, 2025). *Urban Folklore & Anthropology*, VII(2), 125–129. (In Russian).

The article was prepared in the framework of a research grant funded by Russian Science Foundation (Project No. 24-18-01119), <https://rscf.ru/project/24-18-01119/>. 124–129.

EDN: ESCZVS.

В апреле 2025 года в РГГУ состоялась межвузовская научная конференция в формате круглого стола «Фольклор и мифология в научно-популярном пространстве»¹. Заявленный формат («круглый стол») полностью оправдал себя: теоретические проблемы и практические сложности популяризации фольклора активно обсуждались разными участниками этого процесса – учеными-авторами, издателями, создателями подкастов.

Конференцию открыла Ольга Христофорова (РГГУ, РАНХиГС) с докладом «Полилог организаторов, экспертов и публики: проблемные зоны». Она предложила модель пространства популярной науки (на пересечении полей массовой культуры и науки). Это пространство формируют три актора: организатор, эксперт и публика. У каждого из акторов есть свои задачи: организаторы хотят найти добросовестного эксперта, эксперт хочет понятно рассказать о сложной теме, не слишком ее упрощая, публика хочет получить адекватные знания. Этот доклад стал приглашением к диалогу между разными сторонами.

Выступление Натальи Петровой (РГГУ, РАНХиГС) «Вопрос эксперту: чего хотят от фольклориста организаторы и посетители научно-популярных мероприятий?» продолжило анализ сложностей и конфликтов интересов, возникающих у акторов в процессе популяризации фольклора. Выводы были сделаны на материале опроса, исследования отзывов на книжные серии и личного опыта. Возникла общая для двух докладов дискуссия, в ходе которой обозначилась неизбежность смены ролей всех акторов: например, эксперт становится слушателем. Была озвучена идея, что, возможно, следует формализовать обсуждение такого опыта и публиковать рецензии на чужой экспертный продукт, а не ограничиваться неформальными обсуждениями в научном сообществе.

Кирилл Королев (ИЭА РАН) в докладе «Мифология мифологии, или Эксперт как (мнимая) величина» продолжил проблему зыбкости выделенных акторов и углубился в обсуждение роли «эксперта». Экспертом не становятся, эксперта назначают – публика, организаторы или же научное сообщество. Возможны три ситуации: самая редкая, «эксперт в вакууме» – когда есть конкретный, целенаправленный запрос со стороны организаторов, и они обращаются к узкопрофильному специалисту. Вторая ситуация, «эксперт по знакомству», случается, когда для организатора не существует разницы между научным и ненаучным знанием, и на роль эксперта подходит тот, кто более открыт для сотрудничества. Третья и наиболее типичная – «эксперт на рынке», когда организатор находит исполнителя на роль эксперта, ориентируясь на свой и чужой опыт получения комментариев от научного сообщества. С последней

---

¹ С тезисами можно ознакомиться по ссылке [<https://clck.ru/3LU5MM>].

ситуацией связаны две проблемы: многие признанные ученые не готовы заниматься популяризацией, потому что сосредоточены на монографиях и научных статьях, а у ученого, согласившегося принять на себя роль эксперта, происходит потеря субъектности, например, он становится агентом издателя, вынужден идти на поводу у публики, вследствие чего теряет «экспертность» в своих глазах. В целом категория «экспертности» была признана неоднозначной и внутренне противоречивой.

Завершилась первая секция выступлением Надежды Молитвиной и Анны Устиновой (Издательство МИФ) «Фольклор и мифология как темы издательских серий МИФ. Как ищут экспертов». Доклад осветил взаимодействие издательства и ученых с точки зрения издательства. Основной сложностью оказывается подтверждение квалификаций ученых: многие научные институты игнорируют письма. Для поиска авторов издатели обращаются к тезисам конференций, записям лекций или интервью с потенциальным автором, после чего принимается решение о возможном сотрудничестве. Докладчицы отметили, что в портфеле издательства должны быть книги, направленные на массового читателя. В дальнейшем такой читатель может перейти к научно-популярным изданиям и даже к монографиям, но изначально необходимо вызвать интерес к теме и пробудить желание узнать о ней лучше. Однако эксперты, как правило, не хотят писать для массового читателя. Еще одной сложностью для издательства является поиск научного редактора или консультанта, который был бы специалистом по нужной теме, и чья кандидатура устроила бы автора. В ходе дискуссии было сказано, что самой непростой для издателя является задача сохранить научный характер материала, изменив форму его подачи, и найти баланс между научностью и привлекательностью для читателя на трех уровнях: название (которое должно «зацепить» покупателя), внутренние заголовки, стиль изложения самого текста (сложность — доступность).

Во второй части секции авторы делились своим опытом создания научно-популярной литературы. Доклады шли по порядку, который прекрасно иллюстрирует приведенный выше читательский путь: от детской книги до монографии, также большое внимание уделили трудностям, возникающим при иллюстрировании.

Виктория Новикова (РГГУ) в докладе «Детские мифы; мифы для детей» [Новикова 2025] сосредоточилась на цензуре, которой подвергается материал детской книги (запрет на упоминание табака, алкоголя, жестокости и межполовых отношений); необходимости унифицировать и упрощать имена (написание со строчной буквы или через дефис двухсоставных имен богов) и явления; ответственности эксперта за этнографическую точность иллюстраций, особенно персонажей, для которых не сложились устойчивые образы.

Проблематику унификации названий продолжил Герман Устьянцев (МГУ им. М. В. Ломоносова, ИЭА РАН) в докладе «Демоны для широкого круга читателей. Опыт подготовки книги “Демонология Урала и Поволжья”» [Устьянцев 2025]. Главной сложностью во время работы над книгой была обширная география исследуемого региона, что сделало необходимым обращение к большому количеству рецензентов из разных областей, в том числе для уточнения написания мифонимов и демононимов. Отдельно была оговорена условность ролей: один и тот же человек может быть носителем традиции (экспертом), у которого ученый берет интервью, а потом быть аудиторией (читателем).

В докладе «О вестнице смерти ирландского фольклора: иллюстративный ряд» Татьяна Михайлова (ИЯ РАН, РГГУ) сосредоточилась на сложностях иллюстрации банши, которые в традиции никогда не изображались, а существующие изображения не являются аутентичными. Выходом стали иллюстрации ситуаций записи фольклорных текстов – Ирландия XX века (люди, старинные гравюры, дома, ландшафт, ноты плача банши, растения) [Михайлова, Лайсафт 2025].

На дневном и вечернем заседании выступающие сконцентрировались на подкастах, музейных экспозициях и семинарах. Дмитрий Лебедев (студия «Терменвокс») выступил с докладом «Кощунственное отношение к первоисточнику: зачем переписывать сказки для подкаста?» и рассказал о процессе адаптации материала для подкаста «Мрачные сказки». Адаптация неизбежна по ряду причин: 1) хронометраж выпуска (фольклорные тексты могут быть как короче, так и длиннее необходимой продолжительности выпуска); 2) темы (например, нет записей сказок про Масленицу); 3) содержательного наполнения (необходимость sobloosti «мрачность», заявленную в названии подкаста: кровавые подробности, зверства, представить низшую демонологию). Для решения последней задачи команда подкаста прибегает к «химеризации», смешивая сказочные и мифологические тексты (чаще всего былички). С одной стороны, с точки зрения сохранения аутентичности традиции это «кощунство», но с другой, это позволяет снизить порог вхождения для слушателей и дает им возможность получить доступ к другим фольклорным жанрам.

Тему подкастов продолжила Надежда Рычкова (РАНХиГС) и в ходе доклада «Фольклор в подкастах: между экспертом и ведущим» рассказала о переходе из позиции эксперта в позицию ведущего «Мрачных сказок». В связи с этим переходом необходимо не столько хорошо разбираться в одной теме (быть специалистом в узкой сфере), сколько разбираться быстро и в разных темах (быть специалистом широкого профиля), что приводит к необходимости рассказывать не только о своем опыте или исследовании, но и

о чужом. Также появляется ответственность, помимо собственных высказываний, за контент SMM-специалиста, который может написать текст с ненаучными «фактами» и умозаключениями. С повышением уровня развлекательности материала неизбежно падает уровень эксперта в глазах научного сообщества.

Елена Левочская (РГГУ) и Наталья Иванова (независимый исследователь) в докладе «Лаборатория инициаций: причитания как опыт» поделились опытом проведения семинаров о причитаниях. Для этого необходимо переводить современные проблемы участниц на язык фольклорных образов, сохраняя форму и прагматику традиции. Несмотря на то, что ситуация семинара — искусственно созданная и учебная, функционально она приближена к ритуальной. Участницы таких «Лабораторий инициаций» делятся, что опыт причитаний повлиял на их жизнь, помог справиться с тревогой или смириться с потерей, стал частью «мистических» историй, с ними произошедших, то есть на семинарах возникает собственный фольклор.

Василий Воробьев (НИУ ВШЭ, РГГУ) в сообщении «Экспонирование фольклора в музее: возможности и ограничения» рассказал о детском музейном проекте, посвященном фольклорным и географическим явлениям: были выбраны природные объекты (горы, реки, пустыни), с которыми соотносились фольклорные тексты. В ходе работы над проектом существовали ограничения со стороны заказчика: например, помимо ожидаемых для детского продукта объектов цензуры под запрет попали религиозные сюжеты. Чтобы убедить заказчика в отказе от использований определенных неподходящих текстов главным аргументом эксперта была неаутентичность материалов.

Шаура Шакурова (БГПУ им. М. Акмуллы, ИСИ ГБНУ АН РБ) в докладе «Башкирский фольклор в пространстве современной культуры» сосредоточилась на истории популярности текста «Урал-Батый», содержание которого используется в спектаклях, анимационных фильмах, муралах, памятниках, конкурсах сказителей и чтецов, комиксах, рок-музыке, компьютерных играх. Отдельное внимание было уделено проблеме популяризации башкирского языка с помощью умной колонки «Хумай»² и ставшей популярной одноименной песни (Ay Yola “Homay”).

После завершения докладов возникло общее обсуждение, в котором проявилась проблема соотношения фольклора и фольклоризма. Были предложены способы различения этих явлений: 1) по прагматике (фольклор решает задачи, направленные на личность или малые группы, а фольклоризм — на большую); 2) фольклор — «живое», фольклоризм — воспроизводимое, 3) фольклоризм —

² <https://homai.ru/ru>

знак фольклора, отчужденная ситуация (в экспедиции в большинстве случаев записывается «показ» фольклора для экспедиции, а не само бытование фольклора, но тем не менее называется это фольклором).

Другой важной темой обсуждения стало уточнение выделения акторов популяризации, так как все они являются коллективными и могут быть разбиты далее: эксперт — автор, издательство; организатор — инвестор, организатор; аудитория — люди разного гендера и возраста. Такое разделение необходимо при решении практических задач. Представление об эксперте, создающем научный продукт для «аморфного» потребителя, оказывается ложным.

Также был поставлен вопрос: можно ли создать стандарты разработки научно-популярного продукта? Видится, что нет, поскольку даже в ученом сообществе есть разные точки зрения на процесс популяризации и нерешенный вопрос баланса точности материала и его развлекательной формы, однако сама дискуссия, вызванная этим вопросом, оказывается крайне продуктивной и заслуживает продолжения.

Литература

Михайлова, Т. А., Лайсафт, П. (2025). *Баниши: фольклор и мифология Ирландии*. М.: Издательская группа Альма Матер.

Новикова, В. (2025). *Мифы северных народов России для детей*. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Устьянцев, Г. Ю. (2025). *Демонология народов Урала и Поволжья*. М.: Бомбора.

References

Mikhailova, T. A., Lysaght, P. (2025). *The banshee: Irish folklore and mythology*. Moscow: Alma Mater Publishing Group. (In Russian).

Novikova, V. (2025). *Myths of the Northern peoples of Russia for children*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russian).

Ustyantsev, H. Yu. (2025). *Demonology of the peoples of the Urals and the Volga region*. Moscow: Bombora. (In Russian).

Научный журнал
Academic journal

Фольклор и антропология города
Urban Folklore & Anthropology

2025, 2, Т. 7

Основан в мае 2018 года
Established in May, 2018

Научный редактор

Е. Ф. Левочская

Редактор английского текста

Д. А. Трынкина

Корректурa

В. А. Комарова

**Специалист по цифровому
сопровождению**

О. В. Иванченко

Верстка, дизайн

В. Ф. Лурье

Academic Editor

Yelena Levochskaya

English Language Editor

Daria Trynkina

Proofreader

Vera Komarova

Digital support specialist

Oksana Ivanchenko

Art Editor, Designer

Vadim Lurie

ISSN: 2658-3895

Адрес редакции: 119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82, корп. 9
Postal address: 82 bldg. 9, Vernadskogo Avenue, Moscow, Russia, 119606

Учредитель издания: Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

The journal is published by The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
In case of reprinting, reference to the journal is obligatory.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.
All articles published in the journal have been peer-reviewed.

Подписано в печать 10.12.2024

Формат 70×100/16

Тираж 500 экз. (первый завод — 200 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС

119571, Москва, просп. Вернадского, 82, стр. 9

Номер Свидетельства о регистрации СМИ в Роскомнадзоре: ПИ № ФС77-73157 от 22.06.2018

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

© Авторы

© The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

© Authors